

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

**ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА. МОНО- И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА**

МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

(Улан-Удэ, 28–30 сентября 2023 г.)

Научный редактор

П. П. Дашинимаева

доктор филологических наук, профессор

Ответственный редактор

Т. И. Гармаева

кандидат философских наук, доцент

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2023

УДК 80(082)
ББК 81.2я43
Э 401

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета.
Протокол № 6 от 28.09.2023

Сборник размещен в системе РИНЦ на платформе
научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Редакционная коллегия

Т. Г. Карымшакова, канд. филол. наук, доц.

Н. С. Цыбикова, канд. филол. наук, доц.

Рецензенты

Э. В. Семенова, канд. филол. наук, доц. БГУ им. Д. Банзарова

А. В. Жарникова, канд. филол. наук, доц. ВСГУТУ

Э 401 **Экология языка. Моно- и межкультурная коммуникативная практика:** материалы всероссийской научной конференции с международным участием (Улан-Удэ, 28–30 сентября 2023 г.) / научный редактор П. П. Дашинимаева; ответственный редактор Т. И. Гармаева. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2023. — 202 с. ISBN 978-5-9793-1878-3; DOI 10.18101/978-5-9793-1878-3-2023-1-202

В сборник включены научные статьи специалистов в области межкультурной коммуникации по вопросам безопасности семиосферы: этической и технологической культуры мышления; безопасности языка, речи и коммуникации; психолингвистического подхода к изучению семиозиса; перевода как неоднозначного посредничества в межкультурной коммуникации. Отдельное внимание уделяется исследованию современных трендов в лингводидактике и технологиям обучения и методам преподавания в профессиональной сфере, в числе авторов специалисты из Китая и Монголии.

Предназначен широкому кругу читателей, интересующихся вопросами межкультурной коммуникации.

Ecology of language. Mono- and intercultural communicative practices: materials of the All-Russian scientific conference with international participation (Ulan-Ude, 28–30 September 2023) / sci. ed. P. Dashinimaeva; resp. ed. T. Garmaeva. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2023. — 202 p.

ISBN 978-5-9793-1878-3; DOI 10.18101/978-5-9793-1878-3-2023-1-202

The collection includes scientific articles by experts in the field of intercultural communication on the issues of semiosphere security: ethical and technological culture of thinking; safety of language, speech and communication; psycholinguistic approach to the study of semiosis; translation as an ambiguous mediation in intercultural communication. Special attention is given to the study of modern trends in language teaching – learning technologies and teaching methods in the professional sphere. Among the authors are specialists from China and Mongolia.

Intended for a wide range of readers interested in issues of intercultural communication.

УДК 80(082)
ББК 81.2я43

ISBN 978-5-9793-1878-3

© Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, 2023

Содержание

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА — РЕЧИ — МЫШЛЕНИЯ

<i>Дашинимаева П. П.</i> Методология познания: почему это о лингвоэкологии?.....	5
<i>Языкова Н. В.</i> Аксиология лингвообразования: концептуальные аспекты и технологические решения	11
<i>Гришаева Е. Б.</i> Лингвистическая экология: этапы языкового планирования в Австралии.....	17
<i>Садовникова О. Н.</i> Некоторые способы реализации аксиологической стратегии дискурса об инновациях в критическом модусе.....	26
<i>Sandagsuren Dugarmaa, Badamdorj Enkhzul</i> Metaphor in ESP context	32
<i>Tarmaeva V. I., Narchuk V. S.</i> Tolerance on social media pages dedicated to mixed martial arts	38
<i>Зарубин Д. Д.</i> Innenwelt и Umwelt переводчика: экология и социокультурный аспект.....	45
<i>Ван Чжицянь</i> Интегральный подход к исследованию языкового сознания.....	53
<i>Нимаева Э. З.</i> Интерязык бурята-полилингва как лингвоэкологическая проблема.....	60
<i>Улазаева Г. В.</i> К вопросу о словах категории состояния в бурятоведении.....	65
<i>Бобкова Н. Г.</i> Ризома как модель текстовой структуры современного постмодернистского романа.....	72

ПЕРЕВОД КАК НЕОДНОЗНАЧНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Убоженко И. В.</i> Современная индустрия перевода как профессиональная система новых исследовательских и дидактических задач	79
<i>Волкова Т. А.</i> Дидактический потенциал дискурсивно-коммуникативной модели перевода	87
<i>Разумовская В. А.</i> Неоднозначность текста литературы как основа творчества в художественной коммуникации и переводе	92
<i>Будаева Ц. Л., Карымшиакова Т. Г.</i> Типология ошибок в машинном переводе (на материале перевода буддийского религиозного текста).....	98

<i>Lu Jianshun</i>	
Cognitive foundations and current challenges in the translation of Chinese Peking opera lyrics on stage	104
<i>Гунсурунова А. В.</i>	
Прайминг в аспекте переводоведения	114
<i>Карьмишакова Т. Г., Будаева Ц. Л.</i>	
Перевод буддийской религиозной лексики при подготовке экскурсии в дацан....	121
<i>Hou Bijun</i>	
Translation of folk culture in <i>Life and Death are Waering me out</i> translated by Howard Goldblatt.....	125
<i>Семенова Э. В.</i>	
Переложение как форма внутриязыкового перевода.....	132
<i>Архипова С. В.</i>	
Алгоритмизация предперевода буддийско-философского текста.....	136

ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ И МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

<i>Гартунг С. Р.</i>	
Интеграция микрообучения в коммуникативный подход при обучении иностранному языку в неязыковых вузах	140
<i>Матвеева Д. Г.</i>	
Лингвopsихологические особенности обучения студентов-билингвов иностранным языкам.....	145
<i>Орбодоева Л. М.</i>	
Может ли <i>ChatGPT</i> стать инструментом преподавателя иностранного языка?	152
<i>Овчинникова М. Ф.</i>	
Приемы проведения межкультурного тренинга в современном иноязычном образовании.....	157
<i>Татаурова Д. М., Татаурова М. В.</i>	
Интертекстуальный ряд как одна из репрезентаций метода ассоциаций в обучении	165
<i>Чепак О. А., Шагланова Е. А.</i>	
Особенности обучения иностранному языку в группах с большой наполняемостью	170
<i>Базарова Б. Б., Буланова М. Н.</i>	
К экологическому портрету английского языка.....	176
<i>Liu Yanchun</i>	
The application of task-based approach in English language teaching — taking one unit of the college English teachings as an example.....	181
<i>Пушкарёва Ю. Г., Щербакова А. А., Жарникова А. В.</i>	
Анемонимы русского языка и принципы их номинации.....	188
<i>Кондратьева Е. О.</i>	
О взаимодействии вузов и работодателей при подготовке переводческих кадров.....	195

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА — РЕЧИ — МЫШЛЕНИЯ

УДК 81

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ: ПОЧЕМУ ЭТО О ЛИНГВОЭКОЛОГИИ?

© Дашинимаева Полина Пурбуевна

доктор филологических наук, профессор,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Россия

polinadash58@mail.ru

Аннотация. В работе делается попытка разобраться в методологии исследования экологии языка, речи и коммуникативных практик посредством проведения параллелей с методологией познания. Автор аргументирует, что причиной нарастающей деструктивной практики является неумение системно мыслить, т. е. в совокупности всех отношений и взаимосвязей, в которые прямо или опосредованно вовлечен объект интереса. Поскольку не-системное познание формирует экологически нерелевантные когнитивные структуры, постольку субъект не осуществляет осознанный выбор интеллектуального действия и его психологические функции познания из неосознаваемых проявлений не преобразовываются в осознаваемые, т. е. в управляемые. Экологизация среды обитания языка-речи-коммуникации проводится прежде всего на уровне когнитивного механизма индивида.

Ключевые слова: методология, познание, язык-речь-коммуникация, экология, среда, система, знание, когнитивный.

*Мозги есть у всех,
просто не все разобрались с инструкцией...
Хью Лори*

Название конференции «Экология языка. Моно-и межкультурная коммуникативная практика» обосновано временем, сегодняшним временем, стремительно меняющим дискурс-практики из-за смены внешних сторон жизнедеятельности лингвосообществ, когда доминирующе отрицательное воздействие на безопасность языка-речи-коммуникации оказывает прежде всего всплеск системы продуктов информационных технологий.

Не столь эффективно, как хотелось бы, тем не менее гуманитарная наука делает пробные шаги в разработке методологии исследования коммуникативных практик в плане поиска способов их экологизации, т. е. поиска рычагов сопротивления тотальной гибридизации дискурса в целях обеспечения определенной степени безопасности среды обитания языка. В данной работе под последней не

имеется в виду изучение воздействия средств коммуникации как среды, начало критического изучения которой положил труд *The Medium Is the Massage: An Inventory of Effects* [McLuhan, 1967], а подразумевается 'oikos + logos' как наука о доме, местообитании, где происходят взаимодействия организмов между собой и со средой обитания, что в итоге позволяет рассматривать заданную проблему изнутри как экосистему [Дашинимаева, 2020].

Для того чтобы экосистемно рассматривать вместе с носителями язык-речь-коммуникацию, не хватает одной ее части — системного мышления. Здесь резонно может возникнуть вопрос: *При чем тут мышление индивида, если говорить о коллективной практике общения?* Ответ носит методологический характер: только вскрытие исключительно внутренних механизмов данной триады, стереотипно представляющей внешние признаки, позволит понять степень экологичности среды обитания языка, т. е. понять то, насколько среда благоприятствует функциональной мобильности и цельности языка с релевантной актуализацией концептуальной семантики, интраязыковой чистоте, при этом допускающей языковое многообразие, не приводящее к частичному или тотальному вытеснению менее используемых региональных языков, непротиворечивому обогащению языка и совершенствованию речевой культуры и т. д. Другими словами, получается, если говорить о методологии экологии языка, приходится говорить именно о методологии познания.

Философия как поставщик подобной методологии, в том числе ставит задачу выявления «содержания философских принципов взаимодействия систем искусственного интеллекта с человеком для повышения безопасности и снижения рисков их использования в различных сферах общественной жизни», ... рассмотрения того, «какое именно воздействие они оказывают на миропонимание современного индивида, на его отношение к окружающему миру» [Бадмаева, 2023, с. 13, 3], однако в плане лингвоэкологии современная философия еще не произвела обновленное осмысление и концептуализацию в исследовании современной языковой картины мира и коммуникативного пространства [Григорян, 2017]. Согласно данному автору, языковые средства должны приводиться «в соответствие с содержанием и темпами развития социокультурной системы», что явно не происходит, из-за чего имеют место «технизация и литературно-смысловые упрощения самого процесса коммуникаций, ... обеднение лексикона, криминализация и стилевое нарушение языка» [там же, с. 219]. Однако в процессе определения деструктивных факторов коммуникативного поведения философия лингвоэкологии вновь приходит к медийным средствам, которые сегодня навязывают собственные нормы и представления социальных коммуникаций, поступаясь правилами нормативности актуализации языка-речи-коммуникации.

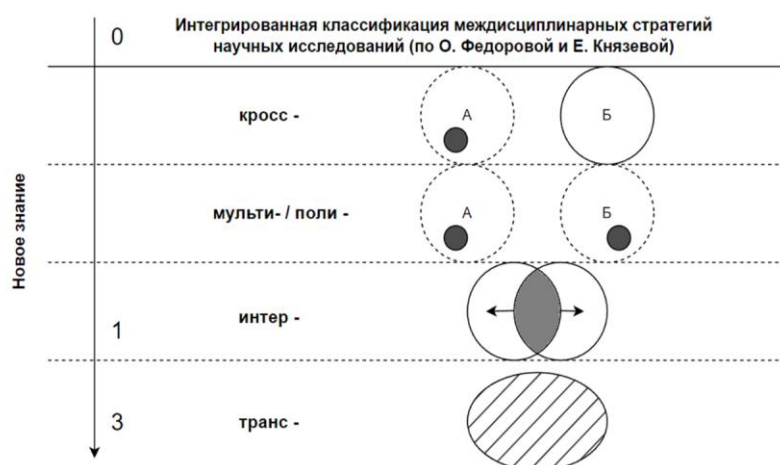
Таким образом, создается ситуация, когда уже произошла динамика всей общественной системы, а государственные научные институты еще не произвели предупредительную — опережающую — деятельность по вводу и интериоризации соответствующих наименований, рефункционализации обновленных значений, сущности понятий и терминов и т. д.

Как нам представляется, данная практика вполне закономерна, поскольку отсутствует системность прескриптивной методологии познания, в основе которой должна лежать эпистема — некое предзнание того, КАК работает когнитивный механизм субъекта как части социума, подвергающегося хаотическим изменениям извне. Некоторые направления данной конференции, будучи собранными как совокупность (междисциплинарные стратегии исследования языка-речи-мышления; психолингвистический подход к изучению семиозиса; безопасность семиосферы: мышления, этической и технологической культуры мышления; безопасность языка, речи и коммуникации; вопросы параметризации дискурса; контактология языков-культур; теория познания vs. системно-мыслящий переводчик (лингвист)), указывают на назревшую необходимость разработки методологии лингвоэкологии. Здесь принципиально важно отметить, что когда говорим о системности познания, мы не имеем в виду, что субъект должен все знать о внешнем мире: речь идет о системном познании *объекта/объектов* внешнего мира в совокупности отношений и взаимосвязей, в которых он/они вовлечен/вовлечены.

Как известно, одна из целей когнитологии — выявить скрытые резервы человеческого мозга и повысить продуктивность интеллектуального труда. Рассмотрим в первом приближении когнитивно-психологический предмет процесса познания как системного мышления. Для этого вначале следует более или менее единообразно понимать типологию видов междисциплинарных исследований, которые проводятся с целью получения нового знания. В отечественной методологии можно ознакомиться с классификациями О. Федоровой [Федорова, 2014] и Е. Князевой [Князева, 2011], подходы которых не отличаются принципиальным образом. Для усиления доказательной силы предлагаем соединить их видения и представить единую типологию в схематическом виде (схема 1).

Схема 1

Междисциплинарность vs. новое знание

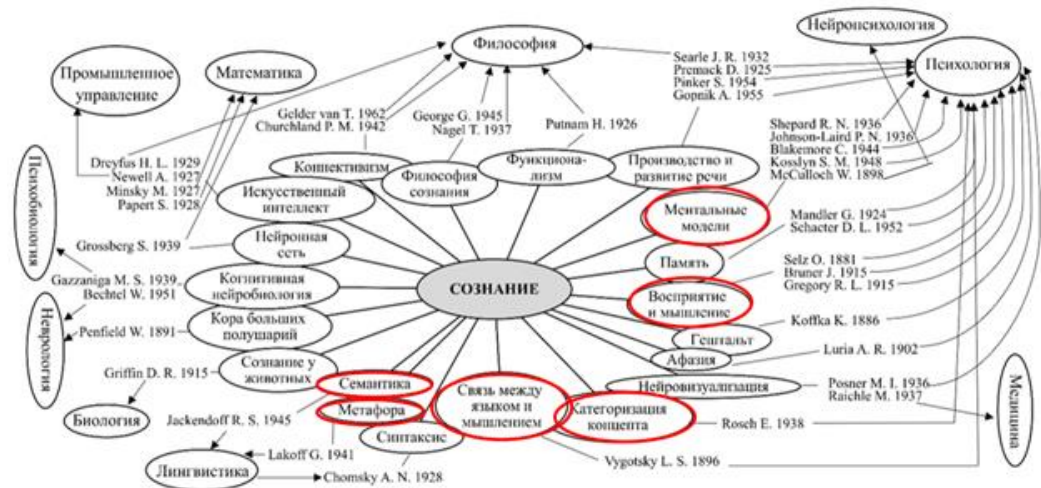
Как видно из схемы 1, критерием типологии междисциплинарности как формата вовлечения в научное исследование разных дисциплин является *степень* получения общего нового знания (совокупности эмпирических и теоретических сведений, ранее не известных науке, потому не входящих в существующую систему человеческих представлений о мире), степень, определяемая по вертикали сверху вниз:

- в **кроссдисциплине** новое знание появляется только в одной дисциплине;
- в **мульти-/полидисциплине** — отдельно, однако в обеих;
- в **интердисциплине** обе области создают новое — немеханическое — общее знание (междисциплинарность тогда эффективна, когда в выигрыше находятся обе дисциплины);
- наконец, кульминацией формирования нового знания является **трансдисциплина** (новое системное знание = новая гипердисциплина), иллюстрацией которой служит современная когнитология. Объект исследования данной, уже автономной, области знания (которую не критикует только ленивый формально настроенный ученый) — совокупность *познание-сознание-знание*.

Понятно, что до регистрации этой зонтичной области знания в качестве трансдисциплины значимые концепции и идеи различных предметных областей должны были (ре)циркулировать во взаимосооперации три столетия (!), на что презентабельно указывает схема 2 [Чжицян, 2023, с. 8]:

Схема 2

История исследования сознания в XVIII–XX вв.¹

Автор схематического представления истории становления когнитологии как области изучения сознания обращается к ресурсу Biographies of Major

¹ На схеме В. Чжицян выделяет собственные объекты научного интереса, которые прямо или опосредованно изучаются им рамках современного психолингвистического подхода.

Contributors to Cognitive Science, W. Bechtel, T. Zawidzki [<https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781405164535> (дата обращения: 12.05.2023)], где собраны 187 мыслителей и ученых, представлявших следующую иерархию научных областей по количеству презентации в списке: психология, философия, медицина, компьютерная технология, биология, лингвистика, математика, антропология, физика. Логично и обоснованно, что список возглавляют психологи и философы.

Если методом случайной выборки рассмотреть психологические мысли XIX–XX вв. и представить их как эволюцию концепций, то можно найти там огромный перечень объектов интереса, которые могли бы быть использованы в виде определенных пунктов траектории методологии лингвоэкологии — *от* разграничения сознательного и бессознательного в интроспекции В. Вундта, роли памяти в когнитивной обработке данных извне Дж. Брэнсфорда, гештальта vs. креативного мышления М. Вертхаймера, взаимообусловленности дедукции и поведения Х. Кларка *до* экологической психологии и зрительного восприятия Дж. Гибсона, концептуальных взаимосвязей и семантической памяти Кв. Росса, предвосхищения восприятия Г. Ричарда, наконец, соотношения мышления и речи Л. Выготского, т. е. всего того, что объясняет, почему — из-за какого когнитивного механизма в голове — субъект слаб и предпочитает участвовать в деструктивной коммуникативной практике. Упрощенный ответ звучит так: он так не-системно «познает» мир, что его когнитивные структуры — скрипты (не)коммуникативного поведения, фреймы, образы и символы — этически и экологически не развиваются: он *не* способен осуществлять выбор интеллектуального действия, релевантную аналитическую обработку, обобщение поступающих извне сведений *таким образом*, чтобы его психологические функции познания из неосознаваемых проявлений по требованию преобразовывались бы в осознаваемые, т. е. управляемые.

Из этого следует вывод: для того чтобы научиться правильно извлекать из массива разнородных источников *новое знание* как продукт *системного познания*, современному человеку нужно *осознанно* наполнять им свои когнитивные структуры *сознания* и/или видоизменять их продуктами познавательной деятельности таким образом, чтобы в итоге у него развивалось *системное мышление*. Если еще раз взглянуть на упрощенную схему 2 как на объект «сознание и виды отношений, в которые оно вовлекается или использует их в процессе активации», то любознательному человеку, стремящемуся системно познать свой объект интереса, станет вполне понятно, КАК работать над экологизацией среды обитания своего языка-речи-коммуникации.

Литература

1. Бадмаева М. Х. Социально-философские проблемы и принципы применения систем искусственного интеллекта: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Улан-Удэ, 2023. 237 с.
2. Григорян А. Э. Философия лингвоэкологии в исследовании коммуникативного пространства // Право и практика. 2017. № 1. С. 218–222.

3. Дашинимаева П. П. Методология межкультурной коммуникации vs. экология мышления // Экология. Коммуникация. Перевод: материалы всероссийской онлайн-конференции, посвященной 15-летию кафедры перевода и межкультурной коммуникации и 60-летию факультета иностранных языков Бурятского госуниверситета (Улан-Удэ, 30 сентября — 1 октября 2020 г.) / научный и ответственный редактор П. П. Дашинимаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. С. 11–18.

4. Князева Е. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10. С. 193–201.

5. Федорова О. А и Б сидели на трубе, или Междисциплинарность когнитивных исследований // Логос. 2014. № 1(97). С. 19–34.

6. Ван Чжицян. СОЛНЦЕ и ЛУНА в языковом сознании носителей русской и китайской культур: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ, 2023. 24 с.

7. McLuhan M., Fiore Q., Agel J. *The Medium Is the Massage: An Inventory of Effects*, 1967. 126 p. Singapore: Digitalized Edition. Jackendoff R. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. 2002.

METHODOLOGY OF KNOWLEDGE:
WHY IS IT ABOUT LINGUISTIC ECOLOGY?

Dashinimaeva P. P.
Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
polinadash58@mail.ru

Abstract. The study aims to explore the methodology of researching language ecology, speech, and communicative practices by drawing parallels with the methodology of knowledge. The author argues that the rise of destructive practices can be attributed to a lack of systematic thinking, wherein individuals fail to consider all the relationships and interconnections that their focus is (in)directly involved in. Non-systematic knowledge leads to cognitive structures that are ecologically irrelevant, preventing individuals from making conscious choices in their intellectual actions. Consequently, their cognitive functions of knowledge fail to transform into conscious and controllable manifestations. The ecologicalization of language sphere primarily occurs at the individual's cognitive level.

Keywords: methodology, knowledge, language-speech-communication, ecology, environment, system, cognition.

УДК 81:37

**АКСИОЛОГИЯ ЛИНГВООБРАЗОВАНИЯ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ**

© Языкова Наталья Витальевна

доктор филологических наук, профессор,
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Россия
map1955@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению концептуальных положений аксиологического подхода к иноязычному образованию в отечественной лингводидактике: миссия, цель, принципы, образовательные технологии, понятийный аппарат. Научно обоснован аксиологический потенциал межкультурной интерпретации произведений художественной литературы как образовательной технологии в языковом вузе.

Ключевые слова: языковое образование, аксиология, аксиологический подход, миссия, цель, принципы, образовательная технология, понятийный аппарат.

Методологическую основу научных исследований в разные исторические периоды составляет парадигма как «некоторая система научных знаний и образцов деятельности, принятых научным сообществом и определяющим целевую направленность научных исследований» [Гальскова, 2011, с. 6]. В истории развития отечественной теории и методики обучения иностранным языкам парадигмы образования сменялись в зависимости от существующих политических, социальных, экономических реальностей, уровня развития смежных наук, социального заказа общества, начиная со сравнительно-сопоставительной (лингвистической), на смену которой пришли системно-структурная и коммуникативно-прагматическая парадигмы [Языкова, 2019, с. 12]. Названные парадигмы всесторонне и глубоко осмыслены в работах известных отечественных методологов (В. М. Новиков, В. И. Загвязинский) и лингводидактов (Н. Д. Гальскова, Е. И. Пассов, Е. Г. Тарева, А. В. Щепилова).

Сегодня методологическим вектором развития современной системы образования является антропоцентрическая парадигма, в рамках которой была научно обоснована личностно-ориентированная парадигма педагогики. Данная парадигма реализована в общепедагогических и культуросообразных подходах: компетентностном (А. В. Хуторской, Н. Д. Гальскова, И. Л. Бим, И. А. Зимняя), личностно-деятельностном (А. А. Леонтьев, И. А. Зимняя и др.), личностно-ориентированном (И. С. Якиманская, В. В. Сериков, Е. В. Бондаревская), системно-структурном (И. Л. Бим), системно-деятельностном (А. Г. Асмолов), аксиологическом (В. А. Сластенин, Н. Д. Гальскова, А. К. Крупченко, Е. Г. Тарева).

Среди культуросообразных подходов наиболее значимыми, доказавшими свою лингводидактическую эффективность являются: лингвострановедческий

(Е. В. Верещагин, В. Г. Костомаров), лингвокультурологический (Ю. В. Караулов, В. В. Воробьев, В. Н. Телия, А. Вежбицкая), коммуникативный (Г. В. Рогова, И. Бим), коммуникативно-когнитивный (А. В. Щепилова, А. Н. Шамов), социокультурный (В. В. Сафонова, П. В. Сысоев), поликультурный (Н. В. Барышников, П. В. Сысоев), межкультурный (Н. И. Алмазова, Г. В. Елизарова, А. Л. Бердичевский, Е. Г. Тарева, И. И. Халеева, Н. В. Языкова)

Предметом данной статьи является аксиологический подход, который сегодня составляет ядро личностно-ориентированной (антропоцентрической) парадигмы отечественной лингводидактики, научное обоснование которого во многом было предопределено методологическими приоритетами лингводидактики (1990–2010 гг.). Среди важнейших мы выделяем внешние и внутренние факторы:

1. Внешние факторы: перестройка, переход на либеральную экономику, расширение международных связей в области образования, возможность получения образования за рубежом, обменные программы школьников, гранты и стипендии студентам и преподавателям, Болонский процесс и др.

2. Внутренние факторы: создание ФГОС и примерных программ для общеобразовательной школы, ФГОС высшего и среднего профессионального образования, разработанные с позиции компетентностного подхода. Названные факторы послужили основой для переосмысления цели иноязычного образования в стране — формирование и развитие межкультурной иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся как средства общения, познания культуры иного лингвосоциума посредством сопоставления иной и родной культур.

Теоретические предпосылки ценностного измерения иноязычного образования:

1. Концепция иноязычного образования: единство воспитания, образования и развития [Пассов, 2007].

2. Признание личности обучающегося как ценности образовательного процесса, как продукта и носителя конкретной лингвокультуры [Гальскова, Тарева, 2012].

3. Межкультурный подход как инновация в лингводидактике [Тарева, 2021].

Степень изученности проблемы:

4. Философия, социология (В. А. Ядов, М. С. Каган, И. С. Кон, М. М. Бахтин и др.).

5. Деятельностная теория учения (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, И. А. Зимняя, А. Г. Асмолов).

6. Педагогическая аксиология (Б. М. Бим-Бад, Н. Д. Никандров, В. А. Сластенин, П. Г. Щедровицкий, Д. А. Леонтьев).

7. Аксиология иноязычного образования: среднее профессиональное педагогическое образование; профессиональная лингводидактика (А. К. Крупченко);

8. Методологические и технологические аспекты аксиологии иноязычного образования (Н. В. Барышников, Л. Г. Викулова, Н. Д. Гальскова, З. Н. Никитенко, Е. Г. Тарева).

9. Учебник как инструмент национально-культурного самоопределения обучающихся (Н. И. Алмазова, Т. Н. Бокова, Н. Д. Гальскова, С. А. Герасимова, Е. М. Казанцева, А. А. Колесников, Н. Е. Меркиш, Е. Г. Тарева).

Изучение научной литературы по проблеме, анализ реальной практики обучения ИЯ и на этой основе выявление противоречий образовательного процесса в системе общего и высшего иноязычного образования позволили сформулировать концептуальные положения аксиологического подхода к иноязычному образованию.

Миссия аксиологического подхода состоит в формировании национально-культурной идентичности обучающихся посредством овладения как общечеловеческими, так и национальными ценностями и ценностными ориентациями как стимулами и мотивами практической деятельности субъекта, которые являются основой взаимопонимания участников поликультурного пространства и ресурсом предотвращения конфликтов.

Цель иноязычного образования в рамках аксиологического подхода состоит в развитии ценностных ориентаций обучающихся в процессе межкультурного сопоставления ценностей изучаемой и родной культуры. Мы разделяем точку зрения Н. Д. Гальсковой, что аксиологический подход дает возможность методической науке и практике обучения ИЯ вырваться из «плена» языка как системы, как знакового средства общения в область «смысла», «содержания», «ценностей», т. е. в область отношений личности к овладеваемой ею деятельности, к себе и окружающему миру, в область ее мотивов и личностных позиций

Формулируя миссию и цель аксиологического подхода, считаем важным уточнить наше понимание основных категорий подхода.

1. *Национально-культурная идентичность личности* — чувство отличия себя от других вследствие субъективного восприятия традиций и ценностей своей национальной культуры; принадлежность к определенному этносу или нации как связанного целого, представленного уникальными традициями, культурой и языком.

2. *Ценность* — базовый структурный компонент личности, который определяет ее будущее развитие, ценность как «эталон должного».

3. *Ценностные ориентации* — показатель того, как усвоена духовная культура общества, они превращают ценности в стимулы и мотивы практического применения. В ценностных ориентациях всегда кроется призыв к деятельности. *Ценности* — то, что ценно в обществе, мире, а *ценностные ориентации* — устремления личности [Сластенин, 2000].

Ядром аксиологического подхода являются принципы, определяющие формирование ценностно-мотивационного компонента межкультурной иноязычной компетенции обучающихся. Анализ научной литературы по проблеме принципов обучения с позиции аксиологического подхода (Лихачев 2010, Барышников 2017, Рубцова 2009, Гальскова 2017, Крупченко 2017, Тарева 2017 и др.) позволил обобщить наиболее существенные принципы формирования и развития у обуча-

ющихся устойчивой системы ценностных ориентаций в образовательном процессе.

1. Принцип аксиологичности иноязычного образования, предполагающий трансляцию ценностей культуры в образование, раскрытие особенностей каждой культуры через обучение.

2. Принцип развития социокультурной среды, выражаемый в необходимости осуществления воспитательного процесса в России на основе ценностей родной культуры.

3. Принцип диалога ценностей поликультурного пространства, учитывающий системы ценностей различных народов, важность ознакомления с ними и усвоения общечеловеческих и национальных ценностей в процессе иноязычного образования.

4. Принцип учета эмоционально-чувственной сферы обучающихся при отборе содержания обучения ИЯ.

5. Принцип опоры на индивидуальный опыт обучающихся.

6. Принцип активизации форм самооценки, саморефлексии, самовоспитания с целью формирования и развития ценностных ориентаций обучающихся.

Решающим фактором реализации концептуальных основ аксиологического подхода в образовательном процессе являются образовательные технологии обучения ИЯ на разных ступенях иноязычного образования. Среди них такие как смысловой анализ текста, ценностная интерпретация аутентичных учебных материалов, ценностно-ориентированные дискуссии, ценностно-заостренные ролевые и деловые игры и др.

Результаты диссертационного исследования старшего преподавателя кафедры английского языка и лингводидактики МГПУ Н. Н. Мухиной свидетельствуют о высоком ценностном потенциале разработанной автором образовательной технологии «Межкультурная интерпретация художественного текста» для студентов старших курсов языкового вуза, которая представляет собой многомерную технологию интерпретации художественного текста, включающую межкультурное комментирование культурно-специфических единиц текста, ценностно-ориентированное рассуждение и межкультурно-ценностное обобщение, обеспечивающие осмысление обучающимися ценностного потенциала текста [Мухина, 2022].

В контексте обсуждаемой проблемы значительно повышается значимость учебника иностранного языка как важнейшего средства обучения. Свидетельством этому является проведенная в Московском городском педагогическом университете всероссийская научная конференция с международным участием «Учебник как инструмент национально-культурного самоопределения обучающихся», посвященная году науки и технологий в Российской Федерации (2021).

Исследование концептуальных аспектов аксиологического подхода дает основание переосмыслить приоритеты межкультурного иноязычного образования в контексте современных геополитических событий. Это формирование и развитие ценностных ориентаций обучающихся в процессе овладения межкультурной

коммуникативной компетенцией, так как студент является не только субъектом речи, но прежде всего субъектом и продуктом родной культуры. В этом и состоит основной смысл реализации аксиологического подхода в контексте современного иноязычного образования, направленного на формирование и развитие национально-культурной идентичности личности обучающихся.

Литература

1. Гальскова Н. Д. Основные парадигмальные черты современной методической науки // Иностранные языки в школе. 2011. № 7. С. 2–11.
2. Гальскова, Н. Д. Аксиологический подход в современном иноязычном образовании // Аксиология иноязычного образования: среднее профессиональное педагогическое образование: коллективная монография / под редакцией А. К. Крупченко, А. Н. Кузнецов. Москва: Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2017. С. 8–19.
3. Гальскова Н. Д. Ценности современного мира глобализации и межкультурное образование как ценность / Н. Д. Гальскова, Е. Г. Тарева // Иностранные языки в школе. 2012. № 1. С. 3–11.
4. Мухина Н. Н. Межкультурная интерпретация художественного текста как средство развития национально-культурной идентичности студентов языкового вуза // Обучение иностранным языкам в открытом поликультурном пространстве: материалы I Международной научно-практической конференции (Москва, 03–04 декабря 2022 г.) / научные редакторы С. В. Титова, М. Г. Бахтиозина. Москва: КДУ, Добросвет, 2022. С. 232–237.
5. Пассов Е. И. Концепция коммуникативного иноязычного образования (теория и ее реализация): методическое пособие для русистов / Е. И. Пассов, Л. В. Кибирева, Э. Колларова. Санкт-Петербург: Златоуст, 2007. 200 с.
6. Сластенин В. А. Сластенин: избранные труды. Москва: Магистр-Пресс, 2000. 488 с.
7. Тарева Е. Г. Межкультурный подход как лингводидактическая инновация // Межкультурное многоязычное образование как фактор социальных трансформаций: становление и развитие научной школы: сборник научных статей. Москва: Языки народов мира, 2021. С. 26–33.
8. Учебник как инструмент национально-культурного самоопределения обучающихся: сборник статей конференции / ответственный редактор Л. Г. Викулова. Москва: Языки народов мира, 2021. 287 с.
9. Языкова Н. В. Эволюция парадигм в лингводидактике глазами современника // Иностранные языки в школе. 2019. № 5. С. 12–17.

AXIOLOGY OF LANGUAGE EDUCATION:
CONCEPTUAL ASPECTS AND TECHNOLOGICAL SOLUTIONS

Yazykova N. V.
Dr. Sci. (Phil.), Prof.,
Moscow City University
Moscow, Russia
map1955@mail.ru

Abstract. The paper discusses the conceptual provisions of the axiological approach in language pedagogy in Russia: mission, goal, principles, technologies, and basic terminology. The author substantiates a high axiological potential of intercultural interpretation of a literary text in a university language classroom.

Keywords: language education, axiology, axiological approach, mission, goal, principles, basic terminology.

УДК 81(94)

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ:
ЭТАПЫ ЯЗЫКОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В АВСТРАЛИИ**

© Гришаева Елена Борисовна

доктор филологических наук, профессор,

Сибирский федеральный университет

г. Красноярск, Россия

e-grishaeva@mail.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой формирование концепции языковой политики и языкового планирования в Австралии в аспекте диахронии. В частности, представлены приоритетные сферы поддержания лингвистической экологии с учетом полиэтнического и мультикультурного контекстов. Профессиональные сообщества, занимающиеся регламентацией языкового существования и функциональным статусом различных языков, исходят из положения о необходимости не только учитывать сферы употребления определенных языков, но и формировать отношение к социальным группам, которые используют языки в формате личной и официальной коммуникации. Статья подтверждает основополагающий принцип социологии языка об обосновании связи языка и многоаспектных социальных проблем — этнической идентификации, культурного разнообразия, национально-языкового строительства, образования, миграции — и описывает исторические этапы адаптации языковой политики и планирования к языковой ситуации в Австралии.

Ключевые слова: лингвистическая экология, языковая политика, языковое планирование, функционирование языков, языковые ситуации, Австралия.

Практические аспекты глобальной темы «Взаимодействие языка и общества» в условиях современного социально-экономического развития получают новые интерпретации. Противоречивая языковая политика, языковое планирование, общественно-политический дискурс на национальном и наднациональном уровне многих государств и институциональных объединений сопровождают междисциплинарную и международную интеграцию в условиях постглобализма и сетевого академического и образовательного контекстов.

Формирование концепта «Лингвистическая экология» стало возможным в результате постепенного осознания социологами языка необходимости объяснения языковых изменений с учетом внешних (экстралингвистических) факторов. На фоне широкого макросоциологического контекста предметом анализа социолингвистики явилась социально моделированная вариативность языкового употребления, т. е. негомогенность и изменчивость языка и языковых парадигм; социальные отношения и культура как совокупность норм социального поведения. Властные структуры различных государств исходят из разных, а порой противоположных методологических и идеологических концепций, прибегая к регламентации языкового существования в стране в целом или определенном

регионе, наделяются функцией вмешательства в стихийный процесс функционирования языков, балансируют объективные, традиционно специфические свойства этносов, входящих в орбиту как политического, так и языкового обустройства.

Эмпирический опыт многих стран свидетельствует, к сожалению, о неэффективном манипулировании языковыми ситуациями. Языковое планирование чаще всего терпит неудачу: принимаемые решения бывают успешными лишь в случае их совпадения со спонтанными ожиданиями большинства. За решениями, относящимися, на первый взгляд, к области профессиональной компетенции социолингвистов и лингводидактов, стоят мотивы и интересы, связанные с проблематикой властвования и подчинения; с распределением и перераспределением ресурсов и благ; с позициями престижа и влияния; с доминированием одних групп над другими в сфере занятости и доступа к должностям в науке, образовании, культуре и информационной сфере.

Рассмотрение языка и социальных структур как явлений динамических, признавание, что язык приспосабливается к изменяющимся политическим, экономическим и социальным условиям, ввели в научный и обывательский обиход дискуссию о методологии, теории и практике социолингвистических исследований в полиэтнических и мультикультурных ареалах мира.

Американский исследователь Дж. Фишман, работавший в области социологии языка, выделил социолингвистику, которая выдвигает на первый план изучение социально моделированной вариативности языкового употребления. При этом фактически расширяются возможности традиционных лингвистических исследований за счет выхода в область речевого поведения. Социология же языка, по мнению ученого, имеет дело с более широким кругом проблем, включая не только употребление языка самого по себе, но и отношение к языку и к тем, кто им пользуется [Fishman, 1972, p. 1; Гришаева, 1997, с. 10].

В рамках социологии языка оформилось языковое планирование. Основное содержание теории языкового планирования (ЯП) известно из статьи Э. Хаугена «Лингвистика и языковое планирование» [Хауген, 1975]. Важнейшие его труды по данной проблематике собраны и опубликованы в книге «Экология языка» [Haugen, 1972]. Сущность ЯП, по мнению Хаугена, можно определить как «оценку языкового изменения» [Хауген, 1975, с. 445]. Необходимость заниматься ЯП продиктована, по мысли ученого, существованием разнообразных языковых проблем, требующих своего разрешения.

В современной социологии языка утвердилась идея о том, что говорить о роли языка в обществе можно с помощью ключевых аспектов, основывающихся на экологической перспективе. Все языки представляют собой составную часть интегрированной системы коммуникации и символизма, созданной *homo sapiens*. Как отмечает Л. Уильямс, «экологическая перспектива учит нас рационально осознать угрозу нашему общему достоянию — языку» [Williams, 1991, p. 63].

Данный тезис представляется возможным проиллюстрировать на примере Австралии.

Для такого государства, как Австралия, традиционной считалась демонстрация крайней враждебности по отношению к другим нациям. Конец XIX в. ознаменовался достижением консенсуса о том, что Австралия должна быть англоговорящей страной белого населения, 98 % которого британцы [Гришаева, 2005, с. 16].

Языковая политика Австралии в современный период

В 1987 г. федеральным правительством Австралии были приняты и утверждены основные принципы национальной политики в области языков. Однако этапы становления языковой политики, предшествовавшие этой дате, были болезненными и вызвали неоднозначное отношение со стороны как профессиональных сообществ, так и носителей различных языков.

Конец 70-х гг. XX в. ознаменовался объединением усилий Лингвистической Ассоциации Австралии по прикладным вопросам ALAA (Applied Linguistic Association of Australia) и Федерации ассоциаций современных преподавателей AFMLTA (Australian Federation of Modern Teachers Associations). В их задачу входило изучение многочисленных аспектов языковой политики, обмен конструктивным опытом и координация своих языковых кампаний в сфере использования языков Австралии. Именно ALAA была первым профессиональным сообществом, объединившим усилия тех, кто занимался преподаванием иностранных языков, языков коренного населения, английского языка как второго, языков для специальных целей. Ей удалось внятно сформулировать общие интересы в области функционирования и развития языков, придав данной актуальной проблематике политическое звучание.

В 1978 г. были сформулированы ключевые предложения лингвистов и преподавателей-практиков. Первое предложение касалось учреждения Информационно-исследовательского центра по языку (NLIRC-National Language Information and Research Centre), который по замыслу его создателей должен был сыграть важную роль в предоставлении возможности координировать объем и содержание исследований и распределять имеющиеся средства при проведении мероприятий в области планирования языкового развития. Центр планировал заниматься вопросами функционирования второго языка, а также вопросами, имеющими отношение к проблеме оказания поддержки развитию этнических языков [Ingram, 1981, p. 13].

Совет по образованию Австралии (Australian Education Council), координирующий орган федерального министерства и министерств образования штатов, получил данное предписание в 1979 г. На совместном заседании языковых ассоциаций и Центра по подготовке и развитию учебных планов и рабочих программ в ноябре 1979 г. (CDC — Curriculum Development Centre) было поддержано начинание, с одной лишь поправкой: сконцентрировать исследовательские усилия центра на вопросах преподавания английского языка как родного и как второго.

Для перехода к осуществлению принципов языковой политики в 1978 г. предпринята попытка повлиять на премьер-министра страны Малколма Фрейзера. От лица лингвистических ассоциаций президент Лингвистического Общества

Австралии Рэй Кател обратился к премьеру с представлением о том, что в Австралии назрела необходимость разрешения некоторых языковых проблем посредством проведения в жизнь последовательных действий, направленных на осуществление адекватной национально-языковой политики.

При этом было отмечено, что австралийское общество до сих пор характеризуется подавляющим монолингвизмом и отсутствием заботы о других языках. Данное обстоятельство, без сомнения, ограничивало возможность общения австралийцев со своими соотечественниками-иммигрантами и аборигенским населением. Также была выражена обеспокоенность тем, что языки иммигрантов и индигенные языки Австралии не рассматриваются сколько-нибудь серьезно в рамках образовательной или социальной политики.

Итогом деятельности профессиональных ассоциаций по вопросам функционирования языков явилось политическое лоббирование языковых проблем через создание широкой парламентской коалиции. Деятельность данной коалиции навлекла на себя недовольство со стороны таких ученых, как Д. Инграм и Т. Куин, занимающихся вопросами изучения и преподавания английского языка как второго.

В своей знаменитой работе 1979 г. «Аргументы в пользу национально-языковой политики» Д. Инграм апеллирует к императивам мультикультурализма и призывает правительство Фрейзера обращать внимание на языковую проблематику: «... осуществление роли, ценностей и важности изучения второго языка в продвижении внутренних и международных интересов австралийского общества никогда не было так значимо, как сегодня. В своей предвыборной речи 1977 г. премьер-министр высказывался в поддержку всеобщего билингвизма» [Ingram, 1979, p. 4]. Инграм сосредоточил основное внимание на языках, отличных от английского (LOTEs — Languages other than English), и на изучении второго языка. Автор статьи пытался проанализировать причину неадекватного, на его взгляд, отношения Австралии к языковым проблемам в области внешней политики и торговли, непризнания зарубежных квалификаций и безнадёжного состояния многих языков аборигенов.

Прикладная Лингвистическая Ассоциация Австралии (ALAA) подхватила идею проведения языковой политики и сосредоточилась на подготовке конгрессов и выходу в свет серии публикаций. Кульминацией явился созыв в 1981 г. в Канберре конгресса, который наделил эту организацию функцией разработки проблем языковой политики на национальном уровне с привлечением сенаторов, принимавших конечные решения.

Последующая деятельность ALAA привела к тому, что на данном историческом этапе проявились особенности национальной языковой политики. Дебаты по языковым проблемам выявили основные отличия от выводов, к которым пришла президентская комиссия Перкинса в США (President's Commission on Foreign Language and International Study 1979), и от всей предшествующей деятельности ученых-австралийцев. Речь идет о статусе английского языка. Таким образом, в последующие два года в Австралии была сформулирована концепция

языкового развития, в соответствии с которой английский язык был признан доминирующим языком континента.

Круг языковых интересов оформился в ходе работы конгресса в 1981 г., проходившего в Канберре. Как отмечалось, результатом деятельности лингвистического форума явилось формирование политического лобби в парламенте, создание профессиональных языковых ассоциаций в поддержку проведения языковой политики на национальном уровне (PLANLangPol), а также соответствующего комитета, членами которого стали Ассоциация прикладной лингвистики Австралии, Лингвистическое общество Австралии, Ассоциация аборигенских языков, Австралийская ассоциация по преподаванию английского языка, Австралийская федерация учительских ассоциаций по преподаванию современных языков, Ассоциация литературы и языка. Активное участие в подготовительной работе приняли профессор Рос Стил, специалист по французскому языку из Сиднейского университета, и профессор Роналд Сасекс, специалист в области русского языка в Мельбурнском университете [PLANLangPol Committee, 1983].

PLANLangPol осуществлял совместную деятельность с FECCA (Federation of Ethnic Communities Councils — Федерация комитетов этнических сообществ) и с местными ECCs (Ethnic Communities Councils — Комитеты этнических сообществ), а также с Федеральным отделом образования. Как представительный форум он предоставлял возможность для членов и других групп, не имеющих прямых контактов с PLANLangPol, развивать идеи языкового планирования посредством запросов в Сенате.

В мае 1981 г. Федеральный отдел образования Австралии инициировал проект развития национальной политики в области функционирования языков. В докладе «Навстречу национальной языковой политике», представленном на Конгрессе 1981 г., Ч. Белц сформулировал центральную задачу для федерального департамента как координацию основных выводов в области языковой политики: «Перед нами стоит задача корректно сформулировать основные политические подходы в области функционирования языков этнических сообществ, языков аборигенов, языков национальных меньшинств, иностранных языков при поддержке двуязычных программ и программ для этнических школ, поскольку в стране отсутствует внятная языковая политика, которая отвечала бы всем выражениям наших национальных нужд» [Annual Report, 1981, p. 16].

Мощным проводником основных принципов языковой политики явился DIEA (Department of Immigration & Ethnic Affairs — Департамент по иммиграции и этническим делам). Активисты министерского корпуса по иммиграционной политике, регулярно обращавшие внимание на важность взаимодействия языков на международной арене, оказывали помощь практическими советами как конгрессменам, так и исследователям-социолингвистам. Факт подобной профессиональной кооперации явился важным событием в общественной жизни Австралии, поскольку ранее вопросами закрепления позиций языков, отличных от английского, занимались преимущественно представители этнических лобби. Завершающим аккордом можно считать проведение в 1981 г. конференции

FECCA (Federation of Ethnic Communities Councils), целиком посвященной языковой политике на государственном уровне.

В историю Австралии 80-е годы XX в. вошли как период активизации совместных усилий специалистов Департамента образования, основного отделения Сенатского комитета по образованию и искусству и депутатов обеих палат парламента.

25 мая 1982 г. Сенатскому комитету было послано предписание «Развитие и осуществление скоординированной языковой политики для Австралии». Комитету вменялось в обязанности заниматься всем спектром языковых вопросов, включая:

- выпуск рекомендаций для национального языкового планирования;
- оказание содействия расширению функций английского в качестве первого и второго языков, обращая внимание при этом на взаимоотношения английского языка с другими языками Австралии;
- контроль за использованием языков в средствах массовой информации, включая печатную продукцию, этническое радиовещание и телевидение, оказание повсеместной поддержки использованию языков аборигенов в сфере образования;
- осуществление контроля за тенденциями в сфере преподавания языков и обучением в начальных и средних школах, сфере высшего образования;
- формулирование требований, предъявляемых к языкам Австралии, необходимых для внешнеэкономической деятельности, поддержания дипломатических отношений, обеспечения обороноспособности страны, развития туризма и культурного обмена, обращая внимание на региональные и международные связи Австралии;
- определение языковых требований для слабослышащих и других недееспособных лиц;
- применение принципов языкового планирования на практике, включая определение приоритетов в данной области;
- расширение спектра образовательных услуг для службы устного и письменного перевода;
- определение уровня невладения английским языком среди взрослого населения и необходимости в реабилитационных дополнительных программах.

3 мая 1982 г. в газете «Australian» опубликована статья под заголовком «Планирование билингвизма в Австралии», в которой сообщалось, что федеральное правительство предприняло радикальные шаги в сторону определения и принятия второго государственного языка. Министр по иммиграционной политике и этническим вопросам господин Макфи выразил идею формулирования основных принципов языковой политики, которая обеспечит будущим австралийцам практические навыки и умения в других, отличных от английского, языках. Эта точка зрения с симпатией была встречена официальными лицами, разделявшими мнение о том, что сознательное регулирование процессов языкового

развития способно ослабить доминирующую роль английского языка в таких областях, как юриспруденция, администрирование, образование и даже повседневная коммуникация [Australian 3 May 1982, p. 2].

Данная публикация вызвала незамедлительный резонанс. На следующий день вышла передовая статья «Опасность создания языковых гетто» [Australian 4 May 1982, p. 8]. Смысл ее заключался в том, что попытка провозгласить какой-то один из представленных в Австралии многочисленных этнических языков в качестве второго официального языка может привести к расколу общества как на этнические, так и на лингвистические группы.

В тот же день началась изнурительная полемика Макфи с репортерами Australian. Газета обвинялась в неверной интерпретации предложений правительства. Общественности то и дело подбрасывались все новые и новые идеи относительно особенностей распределения языков по сферам употребления. С каждым годом набирали силу голоса, отстаивавшие тезис о том, что английский язык усиливает свои позиции на международном уровне и превращается в мировой язык. Следовательно, дальнейшее изучение других этнических языков становится все более бессмысленным. Преподавание родных языков и национальных культур детям иммигрантов, вновь прибывших в страну, зачастую рассматривалось как ретроградский и разобщающий шаг. Более того, представители национальных меньшинств обрушивались с критикой идеи двуязычного образования, аргументируя неприятие ее простым фактом, согласно которому дети одинаково плохо начинают говорить как на родном, так и на английском языке. Бывали случаи, когда активисты из этнических групп открыто выступали за провозглашение английского языка официальным и первым языком австралийской нации.

Новый министр по иммиграционной политике, член Либеральной партии штата Квинсленд Джон Ходжиз выражал скептицизм по поводу оказания всемерной поддержки этническим языкам. В качестве доказательства он приводил успешно осуществлявшуюся схему послевоенной иммиграционной политики, которая никогда не подвергала сомнению социальную целостность австралийского общества, но являлась результатом толерантного отношения и принятия идеи культурной диверсификации. «Эта схема оформилась без ЯП на национальном уровне и развития программ вторых языков» [FECCA, 1982, p. 86]. Так что вопрос о том, какой язык использовать для общения, предлагалось больше не задавать. Австралия провозглашалась преимущественно англоговорящей страной.

Итак, применение принципов ЯП в современной Австралии во многом восходит к основным направлениям, которые были сформулированы два десятилетия назад. Эти направления включают в себя:

- определение статуса английского языка и его общественных функций;
- место языков аборигенного населения;
- приоритетное распределение языков, отличных от английского;
- потребность в национальном языке Австралии для потребностей внешней коммуникации.

В 1986 г. основным консультантом Департамента образования был назначен Джозеф Ло Бьянко. На него была возложена обязанность по подготовке основных документов по вопросам национальной языковой политики. Основная задача состояла в разработке идеи двуязычной политики в области образования. Эта работа была завершена в конце 1986 г., а текст доклада вышел в свет в мае 1987 г.

Основные положения национально-языковой политики Ло Бьянко представил в докладе «Национальная политика в сфере функционирования языков» (National Policy on languages) [Lo Bianco, 1987]. Он решительно отстаивал точку зрения на роль и общественные функции английского языка. При этом он не считал необходимым законодательное закрепление статуса английского языка как национального языка австралийской нации, но обращал внимание на необходимость повышения грамотности и уровня владения английским языком у австралийского населения, расширяя при этом функции английского языка как второго.

Защищая тезис: «Язык, отличный от английского, — для всех», — Ло Бьянко ссылаясь на удручающий факт, что половина австралийских детей не изучает другой язык на постоянной основе. Иностраный язык изучают как предмет менее 12 % учащихся выпускных классов средней школы. Необходимость реформирования учебных планов объяснялась идеями взаимного обогащения языков и культур, идеями равенства для всего многонационального населения страны, а также причинами внешнего свойства, а именно расширением спектра рабочих языков в сфере международного общения [Lo Bianco, 1987, с. 44].

В группу языков, рекомендованных для изучения, вошли стандартизованный китайский, индонезийский, малайский, японский, французский, немецкий, итальянский, современный греческий, арабский и испанский.

Наблюдения за следованием основным принципам языковой политики Австралии за последние два десятилетия позволяют сделать следующий вывод: будущее языков не исчерпывается всеобъемлющей идеологией мультикультурализма. Языковое планирование в виде планирования статуса языка не является категорией, ослабленной бесконечными идеологическими и политическими разногласиями. Австралия представляет собой модель языкового планирования, которая иллюстрирует один из способов сравнительно бережного обращения с этническими языками. Эта модель, без всякого сомнения, отвечает многочисленным потребностям различных языков на национальном и политическом уровне. Это, в свою очередь, выражается предоставлением относительной автономии различным языковым образованиям. Способность поместить языковые вопросы в сложный, но одновременно реалистичный политический контекст подтверждает собой тот факт, что многоязычие является ценностью само по себе. Оно должно стать точкой опоры как в обществе, так и в политическом дискурсе, независимо от непрекращающихся споров вокруг мультикультурализма Австралии.

Литература

1. Гришаева Е. Б. Лингвосоциологические модели изучения проблем языкового планирования (краткий очерк). Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. ун-та, 1997. 218 с.
2. Гришаева Е. Б. Мультикультурализм и языковая политика в Австралии: монография. Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. ун-та, 2005. 217 с.
3. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Москва, 1975. Вып. 7. С. 441–472.
4. Annual Report. Canberra, 1981.
5. Australian 3 May 1982.
6. Australian 4 May 1982.
7. FECCA, ANLP, 1982.
8. Fishman J. A. Language in Sociocultural Change. Stanford Univ. Press. Stanford (Calif.), 1972. 375 p.
9. Haugen E. The Ecology of Language. Stanford (Cal.) Univ. Press, 1972. 356 p.
10. Ingram D. The Case for a National Language Policy in Australia // Babel. 1979. Vol. 15, № 1.
11. Ingram D. Towards a National Language Centre in Australia // MLTAQ Journal. 1981. № 10.
12. Lo Bianco J. A. Australia, Department of Education. 1987.
13. PLANLangPol Committee. A National Language Policy for Australia. Sydney: The Committee, 1983.
14. Williams C. H. Language Planning and Social Change: Ecological Speculations // Language Planning / ed. D. Marchall. 1991. P. 53–74.

LINGUISTIC ECOLOGY:
LANGUAGE PLANNING MILESTONES IN AUSTRALIA

Grishaeva E. B.

Dr. Sci. (Phil.), Prof.,
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia
e-grishaeva@mail.ru

Abstract. The article features diachronic development of language policy and planning in Australia. Priority spheres of linguistic ecology maintenance are being introduced with emphasis on polyethnic and multicultural contexts. Professional organisations that deal with language regulation and functional status of diverse languages, are based on consideration of not only the spheres of particular languages usage, but also of formulating the attitude towards social groups which use languages for private and formal communication. The paper confirms the main principle of sociology of language to justify connection of language and other social issues, e.g., ethnic identification, cultural diversification, national and language management, education and migration. Due to these factors, the study exposures milestones of language policy and planning adaptation to the language situation in Australia.

Keywords: linguistic ecology, language policy, language planning, languages functioning.

УДК 81

**НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ
АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ДИСКУРСА ОБ ИННОВАЦИЯХ
В КРИТИЧЕСКОМ МОДУСЕ**

© Садовникова Ольга Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Россия
olgasdvnkv@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению способов структурирования валоризирующего дискурса об инновациях на основе модусного подхода к изучению аксиологических стратегий. В рамках статьи выявляются природа и сущность аксиологической стратегии в парадигме критического модуса, который последовательно раскрывается в траектории дискурсивизации на уровне интенциональности, аргументации и дестинации. На основе динамического подхода к анализу дискурса в модели траектории дискурсивизации устанавливаются типовые способы аргументации в реализации критической аксиологической стратегии, а именно аксиологическая оппозиция, негативная оценочная квалификация, критическая эвалюация, апелляция к авторитету, аналогия, экземплификация.

Ключевые слова: модус дискурса, аксиологическая стратегия, критический модус, медийное коммуникативное пространство, валоризирующий дискурс, концептуальные узлы, ценности.

В открытом медийном аксиологически параметризованном пространстве в агональной ситуации коммуникации профилируются и сталкиваются друг с другом различные точки зрения, идеи, мнения, позиции, оценки относительно одного и того же объекта референциального мира. Борьба за публичного социального адресата в условиях поляризации интересов и приоритетов различных социальных групп сопровождается поиском наиболее эффективных способов продвижения модуса — аргументативно и ценностно выстраиваемой точки зрения, оценочного отношения субъекта высказывания [Динамика и статика... 2021] относительно «опорного» концепта [Демьянков, 2003] в модели траектории дискурсивизации [Плотникова, 2013]. Модус как концептуально-оценочное видение топика пронизывает всю траекторию дискурсивизации от исходных установок, которые определяют модус концептуализации и оценивания, иными словами, проецируют соответствующую стратегию на валоризацию наиболее значимого, создают концептуально-оценочную рамку дискурса, до целевой предназначённости дискурса — дестинации [Садовникова, 2021]. Стратегия в рамках данного подхода имеет модусно-аксиологический характер и реализуется в дискурсе валоризирующего типа, организованного ценностно-насыщенным концептом, к числу

которых в англоязычном медийном дискурсе относим концепт *innovation* [Sadovnikova, 2020].

В динамике валоризирующего дискурса в ходе модусного способа реализации той или иной аксиологической стратегии ценностно-насыщенный концепт *innovation*, подверженный апперцепции, насыщается семантически актуальными смыслами, в его структуре формируются новые биполярные связи (концептуальные узлы) оппозитивного и коррелятивного планов [Садовникова, 2021, с. 7], обновляющие его содержание, что позволяет глубже понять и проследить ценностные ориентиры на определенном этапе развития общества.

Анализ медиатекстов с топиком *innovation* показал, что аксиологические стратегии в англоязычном медийном дискурсе реализуются в парадигме критического модуса на уровне интенциональности, стратегичности и целевой предназначенности в целостной траектории дискурсивизации. Аксиологическая стратегия в критическом модусе проецируется критической интенциональностью, доминированием критического оценочного отношения относительно дискурсного топика, профилированием «истины» в данной реальности и на уровне целевой предназначенности состоит в конструировании аксиологических параметров ситуации, которые апеллируют в коммуникативном пространстве к необходимости изменения реальности. К числу типичных способов аксиологической параметризованности валоризирующего дискурса об инновациях относим аксиологическую оппозицию, негативную оценочную квалификацию, критическую эвалюацию, апелляцию к авторитету, аналогию, экземплификацию.

Аргументация в дискурсе об инновациях осуществляется через структурирование аксиологической оппозиции посредством как противопоставления отдельных признаков концепта *innovation*, так и более общего противопоставления: «*Britain, a producer of innovation in wartime has become a mere procurer during the COVID-19 pandemic and a not very well-prepared procurer at that. Yet the story is not so simple*» [URL: <https://www.nesta.org.uk/blog/innovation-and-crisis-comparing-wartime-strategy-our-covid-19-response> (дата обращения: 25.11.2022)].

Осмысление отношения к инновациям в Британии в разные критические исторические периоды конструируется посредством экспликации оппозиции *producer of innovation — procurer of innovation*, отражающей точку зрения говорящего на реализацию инновационной политики в Великобритании, а также видение концепта *innovation* в процессуальном, действенном плане. При помощи оператора шкалирования с качественной сравнительной оценкой со знаком минус *not very well prepared* девалоризацию получает способ достижения инноваций, на этом фоне конструируются выводные ценностные смыслы в виде оппозитивного узла привативного типа: *efficiency — inactivity*.

Другим способом структурирования смысла в критическом модусе является эвалюация [Тванба, 2013] — аргументация в принятии решения по дискурсному топикю, опирающаяся на объективную, фактологическую, терминологически точную, в том числе экономическую и статистическую, информацию в оценке феномена или ситуации: «*Study after study by economists show that the costs of*

lockdown far exceed the benefits. The NHS — the “envy of the world” — has conspicuously failed to develop sufficient capacity to deal with a second wave, despite having had months in which to prepare. The Prime Minister’s cronies have failed to deliver on his claims of various “world-beating” devices» [URL: <https://www.cityam.com/lockdown-2-0-a-creative-destruction-revolution-or-the-death-knell-of-innovation> (дата обращения: 25.08.2023)].

В представленном примере экономист апеллирует к проведенным исследованиям и вводит тему при помощи формулирования проблемы эффективности внедрения инновации в условиях самоизоляции и экономического кризиса. Концептуальная позиция субъекта высказывания маркируется при помощи операторов с отрицательной оценкой по шкале значимостей: *far exceed the benefits, has conspicuously failed*. Как видим, критический модус моделирует проблемную ситуацию в виде коррелятивного узла констеллятивного характера: *efficiency — benefit*.

Для валидации своей позиции субъект высказывания часто осуществляет аргументацию с помощью апелляции к авторитету в сочетании с оценочными высказываниями: *«In a recent article for the Financial Times, meanwhile, Business Secretary Kwasi Kwarteng (hardly a skeptic when it comes to business guff) complained that “innovation is not just about waving our hands at high-tech sectors and using the phrase ‘machine learning’ a lot.” British innovation really does seem to be falterin»* [URL: <https://rabbitholemag.com/why-doesnt-britain-innovate-anymore> (дата обращения: 10.02.2023)].

Структурирование критического оценочного отношения осуществляется с опорой на слова министра предпринимательства, энергетики и промышленной стратегии Великобритании Квази Квартенга, который на фоне обесценивания деятельности британских политиков в области инноваций имплицитно валоризует концепт *innovation* и конструирует в его структуре новые коррелятивные узлы констеллятивного плана: *efficiency — high transformation speed*. Критическая интенциональная направленность говорящего формулируется, продвигается и аккумулируется в процессе дискурсивизации в выводном предложении при помощи негативной оценочной предикации (*British innovation really does seem to be falterin*), которая репрезентует мнение и позицию субъекта высказывания относительно проблемно осмысляемого предметного топика

В критической аксиологической стратегии эффект девалоризации инновационной политики в мире реальности достигается в вопросно-ответной форме нарратива при помощи аналогии и часто сопровождается экземплификацией в аргументации: *«Why has Russia not been able to modernize itself completely after three hundred years of trying? I think that Russian leaders from Peter the Great to Putin and Medvedev, to put it simply, a little too simply, have made the same mistake: they keep thinking that if they can just get the latest technology then they can modernize. But the fact of the matter is the technology by itself will not do the trick – you have to reform the society. But let me give you one example. In the nineteenth century Russian inventors Ladygin and others (Yablochkov) invented the electric lights, before Thomas Edison. And they electrified the streets of Paris and London, and Yablochkov became*

wealthy in France. Then when he took his same lamps, his same technology and returned to Russia – he failed, he went bankrupt. What this shows is that it's not the technology that's the most important» [URL: <https://serious-science.org/problems-of-modernization-in-russia-4359> (дата обращения: 25.08.2023)].

В представленном примере говорящий эксплицитно формулирует вопрос для выделения ключевой, реперной точки в обсуждении дискурсного топика, мотивирующей осмысление проблемы модернизации в России. Дальнейшее структурирование смысла осуществляется с опорой на аналогию для продвижения концептуальной позиции адресанта. Говорящий приводит частный пример реализации одной и той же инновационной идеи в России и Франции, в котором перспективизируется базовая аксиологическая оппозиция «добро — зло» / «хорошо — плохо» (*wealthy in France — bankrupt in Russia*), тем самым девалоризацию получает весь предмет высказывания — целостная система модернизации России. Аналогия структурирует новые коррелятивные узлы синонимичного типа связи в структуре концепта *innovation: modernization — reformation*.

Дестинация стратегии критического плана характеризуется интенцией и поиском наиболее оптимального, эффективного способа решения проблемы, связанной с созданием, внедрением и реализацией инноваций и проявляется в попытке проанализировать с различных сторон выходы и пути решения сложившейся проблемы, тем самым изменив существующее представление о данной ситуации, данном фрагменте мира. Иными словами, дестинация стратегии критического плана заключается в рефрейменге сложившейся ситуации: *«The most effective innovation in a crisis, however, relies on adaptation: using existing knowledge and skills to repurpose existing technologies. That is not a recipe for innovation in the long term, which requires leaps of imagination and risk-taking, often by maverick outsiders prepared to challenge conventional wisdom. But it is probably the best approach to a crisis, including war and perhaps the crises that will come with the climate crisis. Tackling the climate crisis will require radical new technological leaps, yet there are many who think the technologies we need are already available, we just have not found the will to apply them effectively. The tipping point will come not from the invention of new technologies but rather the creative repurposing of technology that already exists»* [URL: <https://www.nesta.org.uk/blog/innovation-and-crisis-comparing-wartime-strategy-our-covid-19-response> (дата обращения: 25.11.2022)].

Субъект речи в ситуации кризиса предлагает наиболее эффективный подход к инновациям. Структурирование смысла осуществляется в оппозиции мира «реального», в котором последовательно девалоризируются существующие способы решения поставленной проблемы (*the failed homegrown test, he dithering and confusion which has been the hallmark of our response to COVID-19*) посредством негативных оценочных операторов, и мира «желаемого», «должного» (*the most effective innovation, the best approach, radical new technological leaps*) при помощи операторов шкалирования с качественной оценкой со знаком плюс. Такой рефрейминг позволяет очертить единственно возможный, верный путь, по мнению субъекта высказывания, который позволит выйти из кризиса (*using existing*

knowledge and skills to repurpose existing technologies, the creative repurposing of technology that already exists) при условии ориентации на ценности технологичности и креативности. Говорящий финализирует дискурс посредством формулирования синонимичных друг другу выводных аксиологем-аттракторов — *adaptation, creative repurposing*, которые репрезентируют новый выводной ценностный смысл, синтезированный в процессе дискурсивизации. Подключение выводных аксиологем к концепту *innovation* способствует актуальной оценочной концептуализации исследуемого концепта как уже существующего явления, которое требует более эффективного использования.

В процессе оценочной концептуализации на этапе целевой предназначенности дискурса выводятся новые смыслы, актуализирующие аксиологически насыщенный концепт *innovation*, дискурс финализируется посредством компрессирования смысла в структурах оценочного плана — аттракторах [Серебренникова, 2013], которые способствуют достижению наилучшего способа формулирования и аккумуляции смысла: *Innovation flourishes when the economy is doing well. Yet another reason to exit from lockdown as quickly as possible*» [URL: <https://www.cityam.com/lockdown-2-0-a-creative-destruction-revolution-or-the-death-knell-of-innovation> (дата обращения: 25.08.2023)].

В представленном примере говорящий имплицитно на фоне девалоризации действий правительства по введению карантинных мер и изоляции выносит позитивную оценку (*is doing well*) и валоризует позитивные ценностные смыслы путем конструирования коррелятивного узла *freedom — openness*, который является ключевым в экономическом и инновационном развитии. Дестинация проявляется в стремлении говорящего внести свой конструктивный вклад в решение проблемы, связанной с распространением коронавирусной инфекции.

Таким образом, на основе изучения аксиологических стратегий валоризирующего дискурса об инновациях с позиции модусного подхода к анализу удалось выявить типичные, базовые способы структурирования смысла, к числу которых относим аксиологическую оппозицию, негативную оценочную квалификацию, критическую эвалюацию, апелляцию к авторитету, аналогию, экземплификацию; а также выявить актуальные ценностные смыслы в структуре изучаемого концепта в виде коррелятивных и оппозитивных узлов различного типа, способствующих обновлению и реструктурированию концепта *innovation*.

Литература

1. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М. Н. Володина. Москва: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 116–133.
2. Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации / О. Ю. Воронина, В. Е. Горшкова, Н. Н. Казыдуб [и др.]. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2021. 285 с. DOI: 10.26516/978-5-9624-1920-6.2021.1-285.
3. Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия // Вестник ИГЛУ. 2013. № 1(22). С. 183–189.

4. Садовникова О. Н. Аксиологические стратегии дискурса об инновациях (на материале русского и китайского языков): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19. Иркутск, 2021. 24 с.
5. Серебренникова Е. Ф. Многозначность в аспекте аттрактивности знака в коммуникации // Многозначность языковых единиц в когнитивном аспекте: монография / ответственный редактор Л. М. Ковалева; редакторы С. Ю. Богданова, Т. И. Семенова. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2013. С. 158–168.
6. Тванба Т. А. Аксиологические характеристики концептуализации предметной сферы здоровья во французском медийном критическом дискурсе: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.05. Иркутск, 2013. 233 с.
7. Graham L. R. Problems of Modernization in Russia // *Serious Science*. 2015. URL: <https://serious-science.org/problems-of-modernization-in-russia-4359> (retrieved: 25.08.2023).
8. Lambert T. Why Doesn't the UK Innovate Anymore? // *Rabbit Hole*. 2022. URL: <https://rabbitholemag.com/why-doesnt-britain-innovate-anymore> (retrieved: 10.02.2023).
9. Leadbeater Ch. Innovation and crisis: comparing wartime strategy to our COVID-19 response // *Nesta*. 2020. URL: <https://www.nesta.org.uk/blog/innovation-and-crisis-comparing-wartime-strategy-our-covid-19-response> (retrieved: 25.11.2022).
10. Ormerod P. Lockdown 2.0: A creative destruction revolution, or the death knell of innovation? // *CityA.M.* 2020. URL: <https://www.cityam.com/lockdown-2-0-a-creative-destruction-revolution-or-the-death-knell-of-innovation> (retrieved: 25.08.2023).
11. Sadovnikova O. N., Sadovnikova O. E. The moduses of axiological strategies implementation in the discourse of innovation // *Dialogue of cultures. Culture of dialogues: from conflicting to understanding (DCCD'20)* (April, 23–25). Moscow: European Publisher, 2020. P. 849–858.

SOME WAYS TO IMPLEMENT THE AXIOLOGICAL STRATEGY
OF INNOVATION DISCOURSE IN A CRITICAL MODUS APPROACH TO ANALYSIS

Sadovnikova O. N.
Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia
olgasdvnkv@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the ways to structure valorizing innovation discourse of on the basis of a modus approach to the study of axiological strategies. The article identifies the nature and the essence of axiological strategy in the paradigm of critical modus, that is consistently revealed in the trajectory of discursivisation at the level of intensionality, argumentation and targeting. Based on the dynamic approach to the discourse analysis in the model of the discursivization trajectory the typical, most frequent methods of argumentation in the implementation of the axiological strategy of the critical modus are established — it means in particular, axiological opposition, negative evaluative qualification, critical evaluation, appeal to authority, analogy, exemplification.

Keywords: discourse modus, axiological strategy, critical modus, media communicative space, valorizing discourse, conceptual nodes, values.

METAPHOR IN ESP CONTEXT

© Sandagsuren Dugarmaa

Ph.D., A/Prof.,

Mongolian University of Science and Technology

Ulaanbaatar, Mongolia

sdugars@must.edu.mn

© Badamdorj Enkhzul

Ph.D., A/Prof.,

Mongolian University of Science and Technology

Ulaanbaatar, Mongolia

benkhzul596@gmail.com

Abstract. The aim of this paper is to analyse the use of metaphor in the ESP (English for Specific Purpose) classes during teaching to mechanical engineering 3rd year students at the Mongolian University of Science and Technology. We have tried answer the following questions: 1. Are metaphorical expressions more difficult to understand than ordinary lexical expressions in the text? 2. What are the ways to teach and learn metaphorical expressions for ESP students? The basis for the study was the textbooks as *Mechanics* by Jim D. Dearholt of *Career Paths* series (Express Publishing UK Limited, 2012. 117 pages) and *We are Engineers* compiled by S.Sarantuya, G.Ariunaa (MUST publishing, 2016) are used in the ESP course for mechanical engineering students at MUST.

In order to find out to what difficulties were able to understand and recognize metaphors for the students were asked multiple-choice questions and were answered by the mechanical engineering students who studied ESP in last semester.

The findings indicate that metaphors in English pose a challenge to the students. Based on these findings, we can say that metaphoric competence seems to be neglected in the ESP classroom and more focus on metaphors teaching is needed.

Keywords: mechanical engineering, textbooks for ESP course, target domain, source domain.

Introduction

According to the Oxford Learner's Dictionary, a metaphor is defined as "a word or phrase used to describe somebody/something else, in a way that is different from its normal use, in order to show that the two things have the same qualities and to make the description more powerful." Many researchers suggest that metaphor as a linguistic expression is always contextualized. Cameron in her work "What is metaphor and why does it matter?" *The Metaphor Analysis Project*. (2010) provides her definition: Linguistic metaphor is the use of a word or phrase that brings (or could bring) some other meaning to the contextual meaning.

Also, many researchers emphasize the importance of metaphoric competence in foreign language teaching and learning in order to increase the students'

communicative competence, and hence strive for native-like language abilities (Radić-Bojanić, Nacey 2013).

In this paper, we consider the metaphors as one of the easy ways to understand text in mechanical engineering field. Many metaphors are used in spoken, and in written process. And many metaphors are in texts and conversations. We explain the choice of a study on metaphor in ESP context as an object of the research by two reasons: firstly, by the increasing metaphor use in the technical field; secondly, by the difficulties and challenges that students studying metaphors face with.

This paper explores metaphor in the textbook of ESP for mechanical engineering, and suggests ways in which study into its textual and communicative function might be useful to those students who are non-English majoring.

Teaching ESP at MUST

ESP310 is designed as English for Specific Purpose (ESP) course for Engineering Major undergraduate students at Mongolian University of Science and Technology. This course aims to implement Engineering language skills in the form of reading, writing, listening, and speaking.

This course has a large focus on implementing terms and vocabulary to increase students' ability to use language skills specific to their field of expertise as Mining, Mechanical Engineering, Civil Construction, Electrical and Power Engineering, etc. After successful completion of this course, the student should continue to study for master degree or to work in their specific field of profession, such as: mechanical engineers in automotive industry and service, mining engineers in the mines, civil construction engineers in construction site, electrical engineers in plants and information technology engineers in the networking, etc. (Dugarmaa S., Altantsetseg D., 2013 p. 40).

The course is designed to give students linguistic practice with a wide range of topics related to the world of professional computing in order to properly prepare them to compete in the international workplace. This course will be presented over 16 weeks, 180 minutes per week, for a total of 64 hours. The syllabi were made according to the textbooks. We are continuously improving students using information from students' survey given at the end of each semester as mentioned above.

Course goals for English for Specific Purposes (ESP310) are:

- to implement engineering language skills
- to develop technical and engineering vocabulary
- to give students opportunities to practice the language in related fields
- to prepare students for career in workplace

Course overview and duration is 16 units /96 hours in a 16-week term.

We use different textbooks of *Career Paths* series by Express Publishing UK Limited and also some teachers are compiled and published books as English for Civil Engineering, English for Mining, and English for Power Engineering etc., for teaching ESP courses at MUST.

Teaching metaphor for ESP students

When working with ESP students we have experienced that metaphorical expressions often are the most difficult ones for students to understand texts. The lack of understanding texts in the textbook lead students to perception that English texts in the ESP textbook is rather difficult than in the General English textbooks. We use for mechanical engineering students the textbooks as *Mechanics* by Jim D. Dearholt of *Career Paths* series (Express Publishing UK Limited, 2012, 117 pages) and *We are Engineers* compiled by S.Sarantuya, G.Ariunaa (MUST publishing, 2016).

In these textbooks we meet the following metaphors as:

Content discourse	Source domain	Main idea	Target domain
Cheek gear	cheek	human body part	describe gear
Transfer arm	arm	human body part	describe auto operator
Point of tooth	Tooth	human body part	top part of gear
Jaw gear puller	Jaw	human body part	puller
Rat tail burner	Tail	animal body part	drain
Sintering pan	Pan	kitchen pan	tank
Sleeve of a jack	Sleeve	cloth part	flock dram

Some metaphors are difficult to understand, for example among students who have a limited vocabulary in foreign language. Metaphor is a way to express comparing one thing to another. For example, in description that *'The engine was an old lion/ roaring but weak in the core'*. It means that the engine was making strange, animal like sounds. When expresses something through metaphors it makes easier to understand the process. The literal interpretation of roaring is characterized by noisy, disorderly behavior; boisterous; riotous: (www.dictionary.com).

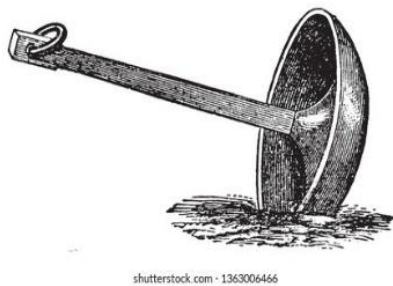
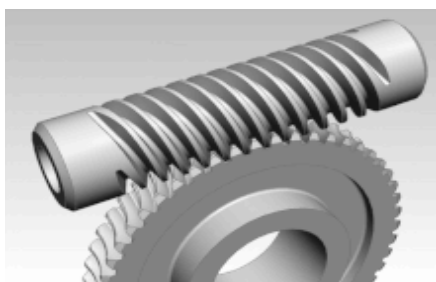
This is what we according to Lakoff and Johnson (1980) refer to as the source domain. *Roaring* is usually used with animals' name as *roaring as a lion*. Here however engine was an old lion/ *roaring* realizes that the sound of an old engine that the engine is old and it might mean something else than the literal interpretation of *roaring*. The source domain *roaring* is changed into *it still made noise* which is what Lakoff and Johnson (1980) refer to as the target domain.

The domain that is talked of metaphorically, 'emotion' in this example, is known as the *target domain*, and the domain that provides the metaphors, 'direction' in this example, is known as the *source domain*. The source domain is typically concrete and the target domain is typically abstract" (Alice Deignan 2005). The terms *target* and *source* were introduced by George Lakoff and Mark Johnson in *Metaphors We Live By* (1980).

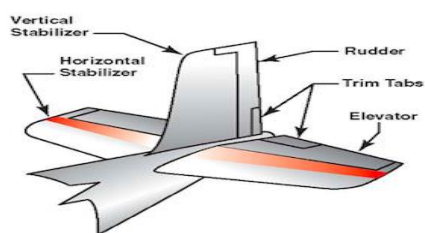
Metaphors are not only features of language, but are also natural parts of our daily life presented in drawings, gestures, as symbols or signs to convey a message (MacArthur 2012).

When we teach metaphor in ESP class, we try to follow a few basic principles of teaching vocabulary to students such as using images, pictures, metaphor in context,

using previously acquired language material, and grouping new material by theme or function. This approach will not only help students to better understand and use metaphor, it will also make learning more interesting.

1. worm gear; 2. mushroom anchor; 3. jaw gear puller; 4. knee

5. butterfly tail; 6. back tail; 7. rat hole

An activity task for the students on using metaphors.

Students will be divided into several small groups. Teacher gives some images with metaphors. The students will match images with metaphors to the appropriate words.

Brainstorm on metaphors for 5–6 minutes.

The teacher will explain and correct matching with metaphors. The students can switch images with metaphors.

While working in small groups the students can help them with answers to metaphors. (*Going around the class and helping them to create posters*)

Needed materials: images with metaphors

After completing the ESP course for mechanical engineering, we have asked students answer these questions on metaphor use. The participants of the study are a total of 24 mechanical engineering major 3rd year students. 18 boys and 6 girls participated in the study. The students answered the following 6 multiple-choice questions related to the metaphor use.

1. What is a metaphor?

A. A metaphor *is a comparison* using “like” and “as”.

B. Metaphor compares two things directly without using “like” or “as”;

C. When you say a hint to someone.

D. When you compare with someone saying like

2. When your English teacher explain metaphor what way was more interesting and understandable?

A. Using context B. Using picture C. Using translation D. Explaining in English

3. How do you identify a metaphor in the texts?

A. A metaphor is a figure of speech that is used to make a comparison

B. See if the sentence uses a word such as “as” or “like” as a preposition

C. Metaphors are a good way to express an idea in different ways.

4. How often do you meet metaphor in the ESP class?

A. often B. very often C. very few D. never

5. Which of the following phrases is a metaphor?

A. Eyes tell a story. Soft like butter. C. Wise as an owl. D. Cold as ice.

6. Choose which one is a metaphor?

A. The thunder roared as the teacher entered the classroom.

B. My teacher’s steps were thunder as she entered the classroom.

C. The teacher entered the classroom at the time of thunder.

D. My teacher’s steps sounded like thunder as she entered the classroom.

Conclusion

The findings indicate that metaphorical expressions in ESP study is a challenge to the students. But students understand and appreciate the use of metaphor in English when they found them in speech and texts. Metaphors describe technical or instrumental characteristics in easy way for specialists in their specific field of study. This is accordant with the common finding in the texts where were used metaphors in the textbooks. Based on these findings, we can say that study metaphor seems to be

appeared more and more in the ESP texts and we should focus on teaching metaphors to the ESP students. Therefore, teachers must equip themselves with the tools and knowledge necessary to help their students understand and use metaphors. Teachers should try to follow a few basic principles of teaching vocabulary and use some tasks as matching metaphors with pictures, brainstorming and using flashcards when they teach metaphors to the ESP students.

We have asked six multiple-choice questions to the mechanical engineering students after completing ESP course and 19 students (76%) of 24 students were answered properly. It means most of the students understood metaphors and can recognize metaphors in context. This study could be conducted using a larger number of different engineering students to determine if students will use metaphors when describing professional tools and devices in their ESP classes as well as what metaphors they use in writing tasks.

References

1. Alice Deignan (2005) *Metaphor and Corpus Linguistics*.
2. Cameron, L. (2010). "What is metaphor and why does it matter?". *The Metaphor Analysis Project*. URL: <http://www.slideserve.com/vivian/what-ismetaphor-and-why-does-it-matter-lynn-cameron> [17/12/10].
3. Dugarmaa S., Altantsetseg D. (2013) "Challenges and Opportunities for ESP Education at MUST" *Journal of Applied Linguistics, FLI, MUST*, 2013. № 01 p. 38–43.
4. George Lakoff and Mark Johnson (1980) *Metaphors We Live By*.
5. Radic-Bojanic, Biljana (2013): *Internalization and production of metaphorical expressions with EFL students*. *VERSITA*, vol 10 (2013). Retrieved from: <http://www.degruyter.com/view/j/rjes.2013.10.issue-1/rjes-2013-0011/rjes-2013-0011.xml>
6. Regina Gutierrez Perez "Teaching Conceptual Metaphors to EFL Learners in the European Space of Higher Education" Jan. (2016) *European Journal of Applied Linguistics* 5(1). DOI:10.1515/eujal-2015-0036.

УДК 81'23

**TOLERANCE ON SOCIAL MEDIA PAGES DEDICATED
TO MIXED MARTIAL ARTS**

© **Victoria I. Tarmaeva**

Dr. Sci. (Phil.), Prof.,
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
Krasnoyarsk, Russia
vtarmaeva@mail.ru

© **Valentin S. Narchuk**

Editor,
Publishing house "Eastern Siberia"
Krasnoyarsk, Russia
val50993@gmail.com

Abstract. The article examines the development of tolerance based on the material of social media pages dedicated to mixed martial arts. The study shows that the social media communication environment arises from how users (interpreters) respond to the material or comments they encounter through correlating their position with this material.

The authors have highlighted comments on social media that confirm that communicative tolerance can be defined as the coordination of experience (the subject's knowledge) with the perceived message found by them on social media, which leads the subject to an expression of a friendly attitude towards the received information. The process of interpretation on social media pages dedicated to mixed martial arts is reflected in the «Friend-Foe» opposition.

Keywords: tolerance, intolerance, communication, cognitive linguistics, social media.

The study aims to identify the development of tolerance and intolerance on social media pages dedicated to the sport of Mixed Martial Arts. In general, tolerance is the principle of peaceful coexistence and interaction between representatives of different groups, leading to the construction of a polite/friendly scenario of interpersonal interaction and the prevention of conflict situations. Tolerance involves accepting the presence of diverse viewpoints, recognizing them without branding them entirely «foreign», and staying receptive to understanding different cultural and societal aspects. Tolerance facilitates compromise and helps to overcome and prevent communicative conflicts.

The thought process is characterized by self-regulation [Tarmaeva, 2019]. It is concerned with an individual's orientation in their cognitive domain. Pre-existing information can impact the realization process. As a result of interpretation, people transform the received information in accordance with their ideas. In other words, the transformed information acquires its specific meaning for the subject of interpretation, since the perception experience of the interpreter and their knowledge background are acti-

vated and this makes it possible to further use this information in appropriate situations. Tolerance functions as an individual's situational ability to maintain self-regulation in conflict (intolerant) situations and the ability to behave non-aggressively regardless of others' actions.

This study utilizes both general scientific methods (such as observation, induction/deduction, analysis/synthesis, systematization, and classification) and specific linguistic methods, including the method of linguistic description, content analysis, and cognitive analysis, which enable the identification of the cognitive nature of communicative tolerance/intolerance.

The study material consisted of 11,000 texts, namely comments made on news publications posted on public pages that cover mixed martial arts (comments are presented in author's form). These texts were sourced from the Russian social networking service VK.com between 2017 and 2021.

Communication on social media is characterized by increased emotionality. However, the parameters of communication are contingent upon the groups that communicators belong to and may fluctuate between different communities, just as they do in everyday life. Verbal communication on social media is influenced by the belonging of the communicators to a specific group, determined by the «Friend-Foe» opposition. During verbal communication individuals may perform specific functions or roles. The setting may also vary, and there exist distinct rules, conditions or strategies that regulate interaction. It is critical to understand these factors to engage effectively in such situations. This affects the form of verbal interaction and the perception and interpretation of messages by the communicators on these pages. The popularity of mixed martial arts has grown rapidly in recent years [Narchuk, Tarmaeva, 2020, p. 15]. The selection of this material for analysis is based on the widespread popularity of combat sports in various regions of Russia and other countries. [Narchuk, 2019, p. 152]. Mixed martial arts pages have a unique characteristic where users frequently echo the statements made by fighters. As fighters often display aggressive behavior, their statements hold as much significance as an aggressiveness of the sport itself. Spectators may to either echo the words spoken by the fighters or react aggressively to them. This sport's distinctiveness is apparent in examples where comments made by fighters receive negative feedback from subscribers:

Чё он несёт (What is he talking about)

In this example fans are criticizing the fighter who claims that his potential opponents are cheating. In the next example social media user criticizes fighter for his comments based on his performances (he's been beaten almost to death):

Конору ли такое говорить, его несколько раз почти до смерти избивали в клетке (Should Conor say that or not, he's been beaten almost to death in the cage several times)

Results

While researching the development of tolerance and intolerance on social media pages dedicated to mixed martial arts, the following observations were made.

Users perceive the messages from social media (comments of the other subscribers, news messages and different videos) from their position, and then post the comments, again, in accordance with their own attitude. The subscriber wants to influence other users and offers their position for perception of others. All stages of perception are a process of reconciling the existing opinion with the opinion that is published on social media with the aim of influencing other subscribers. For example, fans of particular fighters are trying to show support for their athletes when they see a social media post mentioning them:

Морено, давай вперед. Нажми (Moreno, let's go. Hit it)

The authors previously employed an experimental method to obtain secondary (interpretive) statements as a material for studying the interpretive activities of addressees through interpretive analysis [Tarmaeva, Narchuk, 2021]. Our hypothesis suggested that those who follow the «My Life is MMA» page may approach the information presented with a preconceived viewpoint that can be altered through interpretation. A series of questions were posed to the followers of the «My Life is MMA» public page on the Russian social networking platform VK.com («Do you express your opinions freely on this page?»; «Does your online behaviour differ from your behaviour in daily life?»; «Do you read or watch the published material before commenting?»; «What kind of mixed martial arts fan were you when you subscribed to this page?»; «Has your opinion of the fighters ever changed after viewing certain publications?»).

Our survey showed that subscribers of «My Life is MMA» page freely express their opinion on that page [Tarmaeva, Narchuk, 2021]. This survey shows that in comparison with the «real life» communication, the majority of subscribers of «My Life is MMA» page express their opinion more freely when communicating on the Internet. Based on the results of the survey, we come to the conclusion that the majority of subscribers of «My Life is MMA» page get acquainted with the materials of the publications before adding their comments on them in order to correlate what they see with their existing position. The subscribers approach publications while being the fans and haters of individual fighters, as well as neutral spectators of the sport. The opinion of these groups can change after a certain event that is covered on «My Life is MMA» page. For example, MMA audience showed their new appreciation and respect for a fighter who send his prize money to charity (now I respect him much more):

Не знал, и теперь уважаю его гораздо больше, это поступок настоящего Человека, и мне лично пока далеко до него, но буду стремиться (I didn't know that and now I respect him much more, this is the deed of a real Man and I personally still have a long way to go, but I will strive for it)

In another example, an MMA fan started to root for a fighter after a spectacular fight that he won (Now I'm really rooting for him. He's a real top-level fighter):

Раньше было на него по барабану. После боя с Кори уважаю, прям теперь искренне топлю за красаву, реально боец, топчик высокого уровня (I didn't care about him before. After the fight with Corey, I respect him. Now I'm really rooting for him. He's a real top-level fighter.)

The next example shows us a comment of a person who used to be a fan of a particular fighter (Tony Ferguson), but now this person is disappointed in him (I used to be a Tony fan, but this fight was the last straw). A poor performance in a fight and the fighter's words seen on a social media page can influence the viewer's opinion (Can't face the truth):

*Я раньше был фанатом Тони, но этот бой был последней каплей. С головой серьёзные проблемы, реакция и затупилась из-за этого. Движения, как у эпилептика, в конвульсиях. Его время ушло, если продолжит, будет мешком для битья. Ему теперь нужно голову лечить до конца его дней. И всё бы ничего, но он просто п*зд*т в последнее время, как баба, но каждый раз подливит. Не способен правде в глаза посмотреть. Уважение ушло. Не мужчина. (I used to be a Tony fan, but this fight was the last straw. His head is seriously messed up, and his reactions are dulled because of it. He moves like an epileptic in convulsions. His time's up, if he keeps going, he'll be a punching bag. He needs his head fixed for the rest of his life. And that's all fine and dandy, but he's just been f*cking around like a pussy lately, but every time he fails. Can't face the truth. No respect. He's not a man.)*

Great performance in a fight can make a fan from a person who wasn't supporting this fighter (Charles Oliveira) before (I didn't like him... And now, I'm a fan):

а вообще Оливейра для меня уникальный случай: давно его знаю, он мне не нравился, я в него не верил, а он меня переубедил и там, и там. И теперь я его фанат (Oliveira is a unique case for me: I've known him for a long time, I didn't like him, I didn't believe in him, and he changed my mind right then and there. And now, I'm a fan.)

This confirms our hypothesis that subscribers interpret the information received on social media, correlating it with the existing opinion. After surveying subscribers to the «My Life is MMA» page and studying comments from that page, it has been confirmed that the communicative environment on social media arises from user reactions and the correlation of their stance with the material or comments they come across.

The communication of social media users includes three components: interpretation and understanding of information that is posted on social media, writing comments, as well as expressing feelings experienced during the performance of those actions. Tolerance may be the result of a social media user's conscious effort to promote harmony and balance between groups with different values. Those feelings are expressed by the interpreter (author of the comment) who shows friendly attitude towards received information. A person who wasn't a fan of Alex Volkanovski admits that his interlocutor was right and compliments the fighter (I didn't expect Volk to be so strong)

ну все, красавя, ты был прав, признаю не ожидал, что волк настолько силен, я бы ему вообще бой отдал единогласным (Well, you were right, I'll give you that. I didn't expect Volk to be so strong, I would have given him the fight by unanimous decision)

Communicative intolerance is a type of social interaction marked by negative orientation, rejection of different viewpoints, construction of harsh/intolerant social inter-

action scenario due to mismatch of communicators' axiological priorities, psychological and emotional attitudes, verbal and nonverbal expectations. It manifests itself with a negative comment to the perceived message on social media. In the next comment a person arguing with a fan of another fighter uses insults to secure his position (That's why you're pathetic):

Перечитай диалог, олень. Я тебе констатирую конкретные факты, все по полочкам аргументируя. Просто чтобы человек мог признать, что не прав и согласиться с конструктивной критикой в свою сторону, для этого он должен иметь разум и мужество. В твоём случае обе эти добродетели отсутствуют. Поэтому ты и жалок. Лечись, оттопырок тупоголовый (Re-read the dialogue, dumbass. I'm stating concrete facts, arguing everything on the shelves. Just so that a person can admit that he is wrong and agree with constructive criticism in his direction, for this he must have reason and courage. In your case, both of those virtues are absent. That's why you're pathetic. Get some therapy, you dumb-headed prick)

Fans of different fighters may insult each other just based on the fact of fandom alone (A fan of his automatically cannot have an intellect):

у его фаната интеллект автоматически не может присутствовать так что да, мне до вас очень далеко вниз опускаться (A fan of his automatically cannot have an intellect, so yes, I have a very long way to go before I reach you)

The interpretation process on social media pages devoted to mixed martial arts is reflected in the «Friend-Foe» dichotomy. Various factors contribute to the division between those who are perceived as «Friends» and those who are viewed as outsiders, including divisions within sports fans. There are three general groups of communicators on social media pages dedicated to mixed martial arts: active fans of the athletes, traditional spectators who express their sympathy depending on what is happening, and the so-called «haters» who are engaged in constant criticism. This creates a complex and context-dependent dichotomy. In the next example MMA fans from the different groups accuse each other of lying about fighter statistics (Don't lie, man).

мужик, не надо врать, здесь тебе не двор всякую ерунду говорить. Тут люди все-таки интересуются и кое-что о статистике бойцов знают. Так вот у Перейры 7 поражений, это даже близко не ноль. И побед у него меньше 40 (Don't lie, man. This is not a yard to talk rubbish. People here are interested, and they know a thing or two about fighter statistics. Pereira has seven losses, that's not even close to zero. And he has less than 40 wins)

Nonetheless, the presence of different circles between social media users can serve as a catalyst for tolerance. In general, social media pages dedicated to mixed martial arts tend to contain more intolerant comments in relation to tolerant ones, which can be attributed to the informal tone of communication used by users who express themselves aggressively and do not take their comments seriously. Additionally, the nature of the sport itself also contributes to its aggressive tone.

Conclusion

The investigation into the cognitive mechanism underlying the development of tolerance and intolerance on MMA-themed social media pages demonstrates that:

1. The communicative environment on social media arises from user reactions and the correlation of their stance with the material or comments they come across.

2. Tolerance aids in reaching a communicative objective by overcoming initial negative intentions of the speaker or lessening explicit negative evaluations, with the aim of finding a compromise with the «foes». Communicative tolerance refers to the coordination of personal experience with the perceived messages on social media, resulting in a friendly attitude towards received information.

3. The interpretation process on social media pages devoted to mixed martial arts is reflected in the «Friend-Foe» dichotomy. The essence of tolerance is the readiness of a person to go beyond the limited circle of «friends». The development of group identity within the MMA community is based on the binary opposition of «Friend-Foe», contrasting with the concept of tolerance. Communicative intolerance is defined as the coordination of previous experience with the perceived message found on social media, which leads the subject to an expression of a hostile attitude towards the received information.

4. There are various factions within the MMA community in social media. Enthusiasts of the sport form smaller cliques within social media pages, cultivating camaraderie amongst themselves whilst also displaying hostility towards representatives of opposing sub-communities, namely fans of other fighters. A person may adjust their group affiliation after being exposed to new information such as watching new fight. The combative nature of the sport and the abundance of provocative language commonly referred to as «trash talk» are contributing factors to the prevalence of intolerant communication on combat sports platforms. This consequently renders the identity of an MMA enthusiast a source of intolerance.

Reference

1. Tarmaeva V. I. *Germenevticheskie osnovy tekhniki ponimaniya verbal'nyh tekstov* [Hermeneutical Foundations of the Technique of Understanding Verbal Texts]. Moscow: Flinta, 2019. 173 p.

2. Narchuk V. S., Tarmaeva V. I. *Divinacija kak ustanovka vosprijatija soobshhenij v social'nyh setjah (na primere sportivnyh stranic, posvjashhennyh smeshannym edinoborstvam)* [Divination as a Perceptual Set for Messages in Social Networks (Based on Sports Pages Devoted to Mixed Martial Arts)] // *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2020. Vol. 17, no. 2. Pp. 15–19.

3. Narchuk V. S. *Kommunikativnye taktiki vyhoda iz konfliktnyh rechevyh situacij v social'nyh setjah* [Communicative tactics used to end speech conflicts in social media] // *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019. No. 4 (426). *Philology Sciences*. Iss. 116. Pp. 151–156.

4. Tarmaeva V. I. *Communication in social networks through formation of tolerance* / V. I. Tarmaeva, V. S. Narchuk // *Вопросы прикладной лингвистики* [Issues of applied linguistics]. 2021. No. 44. P. 29–53.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ НА СТРАНИЦАХ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ,
ПОСВЯЩЕННЫХ СМЕШАННЫМ ЕДИНОБОРСТВАМ

Тармаева Виктория Ивановна
доктор филологических наук, профессор,
Сибирский юридический институт МВД РФ
г. Красноярск, Россия
vtarmaeva@mail.ru

Нарчук Валентин Сергеевич
редактор,
Издательский дом «Восточная Сибирь»
г. Красноярск, Россия
val50993@gmail.com

Аннотация. В статье выделены особенности формирования толерантности/интолерантности на основе материала страниц социальных сетей, посвященных смешанным единоборствам. Рассмотрев комментарии в социальных сетях, авторы подтвердили, что данная коммуникативная среда является результатом реакций пользователей (интерпретаторов), соотносящих свою позицию с материалом или комментариями, которые они находят в социальных сетях. Авторами выделены комментарии в социальных сетях, которые подтверждают, что коммуникативная толерантность проявляется посредством равновесия знаний, которыми обладает субъект, с воспринимаемыми сообщениями, найденными им в социальных сетях, приводящего субъекта к выражению дружественного отношения к полученной информации. Процесс интерпретации на данных страницах социальных сетей происходит в соответствии с оппозицией «свой-чужой».

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, социальные сети, когнитивная лингвистика.

УДК 81'22:003

**INNENWELT И UMWELT ПЕРЕВОДЧИКА:
ЭКОЛОГИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

© Зарубин Даниил Дмитриевич

аспирант,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Россия

einfachzarubin@gmail.com

Аннотация. Данная статья фокусируется на исследовании феноменов субъективности и объективности, внутреннего мира (Innenwelt) и субъективной модели восприятия переводчиком реальности (Umwelt), в терминологии Я. ф. Иксюля. Также уделяется пристальное внимание социокультурным аспектам и экологичности переводческой деятельности. Так, в работе интегрируются идеи биосемиотики, этики и языковой экологии, репрезентирующие формирование субъективности и объективности восприятия, а также раскрываются социокультурные аспекты переводческой деятельности, имеющие прямое отношение к выполнению профессиональных обязанностей. В частности, выделяется пять основных социокультурных аспектов, которые имеют сдерживающий характер для переводчика: политика, мораль, идеология, религия и этика.

Ключевые слова: Innenwelt & Umwelt, биосемиотика, этика перевода, моделирование восприятия, социокультурные аспекты перевода.

*Действия людей — лучшие переводчики их мыслей.
Джон Локк*

*Проблема искусства есть проблема перевода.
Плохие писатели те, кто пишет, считаясь с внутренним контекстом,
не известным читателю. Нужно писать как бы вдвоем: главное здесь, как и
везде, — научиться владеть собою.
Альбер Камю*

Исследуя область перевода, мы видим, что исходя из биосемиотического подхода переводчики обладают своим *Innenwelt* и *Umwelt*, которые наделены знаками и распознают знаки. Во главу угла в биосемиотической традиции ставится семиозис как бесконечный процесс интерпретации знаков [Marais, Kull, 2016]. Все это является основой для формирования переводческого понимания и последующей передачи текста на более высоком, интеллектуальном и морально-этическом уровне. Данная концепция подчеркивает субъективный аспект в представлении о переводе как чисто механической задаче, подчеркивая врожденную неопределенность, пронизывающую саму суть этой языковой формы искусства.

Umwelt переводчика углубляется в сложное взаимодействие между бэкграундом переводчика, культурными влияниями, личным опытом и языковой компетенцией, формируя *экологический универсум*. *Innenwelt* или внутренний мир переводчика формируется за счет взаимодействия с окружающей средой, который, в свою очередь, непосредственно влияет на воспринимаемую реальность и границы *Umwelt*. Взаимодействуя, у переводчика они зарождают определенный набор убеждений и языковых тонкостей в процессе перевода, что неизбежно определяет и влияет на окончательный результат перевода текста [Клюканов, 2010].

Субъективность vs. Объективность

Современные когнитологи и нейробиологи, проводящие эксперименты на животных, могут с уверенностью сказать, что субъективность восприятия появляется только в моменты взаимодействия с объектами действительности. Например, обезьяну учат языку жестов. В момент обучения обучается только обезьяна, исследователь же просто наблюдает. Животное подвергается образовательному процессу с целью дальнейшего самостоятельного воспроизведения знаков, а исследователь тщательно записывает результаты. Их восприятие отличается друг от друга. Если же прекратить эксперимент, перестать воздействовать на животное, то субъективность восприятия может слегка выровняться, поскольку два объекта находятся в схожих условиях, но не будут являться похожими или идентичными [Logothesis, 1989]. Каждый переводчик обладает своим уникальным *Innenwelt* и *Umwelt*, которые влияют на его способность понимать и интерпретировать тексты на иностранном языке. Это может быть связано с личным опытом, культурными особенностями, уровнем образования и другими существенными факторами.

Нередко, чтобы правильно интерпретировать текст, переводчик «ходит» по так называемому *герменевтическому кругу*. Он описывает взаимосвязь между пониманием текста и его контекстом. Переводчик перед совершением акта перевода должен, в первую очередь, проанализировать сам текст с позиции языка и культуры автора, подметить культурные особенности, разницу в восприятии тех или иных культурно-специфичных феноменов, а уже потом проводить непосредственные переводческие операции. Хождение по кругу заключается в возврате к исходному тексту снова и снова, даже если основная суть оригинала понята. Таким образом, срабатывает самоконтроль и подавляется *Innenwelt* переводчика, его субъективное я [Заводникова, Нестерова, 2020].

При раскрытии слоев субъективности, заложенных в процессе перевода, выражается стремление рассмотреть эту проблему исходя из положений биосемиотического подхода. Его существенным отличием от остальных научных подходов к исследованию проблем считается холистическая основа и семиотическое основание коммуникативных процессов, протекающих у разных видов живых организмов [Kull, 2010]. Тем не менее в отличие от простейших животных наша человеческая способность к общению и взаимодействию с окружающей средой стоит на порядок выше, так как у *homo sapiens* более сложный и структуриро-

ванный когнитивный аппарат. Если насекомое способно определять *код* (последовательность сигналов) и противопоставлять ему серию ответных сигналов (импульсов-стимулов) без какой-либо саморефлексии и означивания данных действий (они просто являются функциональными по отношению к цели), то люди могут за счет развитого языкового аппарата не только номинировать объекты действительности, но и безусловно давать им переносный смысл, выражать свое личное отношение, окуная в контексты и переизобретая значение оных. Такие навыки, увы, не доступны большинству живых организмов [Sebeok, 2001]. Для достижения объективности можно выделить несколько факторов, которые влияют на беспристрастную оценку и результат в переводе текста:

точность — передача изначального замысла, понимание контекста, культурных нюансов текста оригинала, ориентир на культуру реципиентов;

верность оригиналу — максимальное сохранение стиля и структуры повествования, достижение того эффекта, который был вложен самим автором в текст;

единообразие — цельность и единая репрезентация терминологического аппарата, в соответствии с оригиналом текста, избегание неточностей и семантической несостоятельности терминов;

культурная адаптированность — учет культурных норм и традиций, принятых в стране автора, которые сам автор перенес в текст; культурная адаптация текста для целевой аудитории переводчиком;

прозрачность — переводческий комментарий, указывающий на выбор стратегии, а также переводческих решений, которые принимались в ходе перевода текста согласно тому или иному выбору языковых средств.

Формирование *Umwelt* переводчика

Рассмотрение индивидуального *Innenwelt* переводчика подразумевает концентрацию на субъективных структурах, формирующих его и влияющих на восприятия/моделирование субъективной реальности. Чтобы разобраться подробнее, взглянем на факторы формирования *Umwelt* и его влияние на *Innenwelt* переводчика, которые считаются наиболее априорными:

- **понимание и распознавание *Umwelt* переводчика:**

Umwelt переводчика можно лучше всего представить в виде линзы, через которую воспринимаются и анализируются тексты. Он включает в себя различные аспекты, которые влияют на процесс принятия решений и в конечном итоге определяют результат перевода. Через преломление *Innenwelt* и его подавление конструируется новая часть коммуникативного универсума — *текст перевода*;

- **лингвистический *Umwelt*:**

В основе перевода лежит владение языком. Владение как исходным, так и целевым языком, включая системный подход к его изучению (грамматика, словарный запас и синтаксис), имеет решающее значение. Кроме того, понимание лингвистических тонкостей, владение переводческими техниками и культурно-маркированной лексикой играет ключевую роль в точной передаче значения и намерений текста оригинала. Формирование лингвистического *Umwelt* происхо-

дит через передачу опыта «от ментора к ученику», что, в свою очередь, способствует выстраиванию определенных (авторских) лингвистических особенностей (произношение, структура системы языка, лексико-семантическая категоризация);

- **культурный *Umwelt*:**

Перевод не сводится только к переносу слов из одного языка на другой; он включает в себя захват и передачу самой сути культуры. Знакомство переводчика с культурами, связанными с исходным и целевым языками, является важным. Знание обычаев, традиций, социальных норм, исторических событий и культурных ценностей позволяет переводчику, во-первых, обогащать свой *Innenwelt*, а во-вторых, принимать обоснованные решения, которые находят отклик у целевой аудитории;

- **предметный *Umwelt*:**

Изучение или знакомство переводчика с предметной областью или профилирование в конкретной сфере значительно влияет на его способность передавать специализированные тексты. Овладение научным жаргоном, литературными тонкостями (художественные средства), юридической терминологией или техническими деталями устройства — все это влияет на точность и эффективность переводов, а также на самого переводчика, что помогает ему формировать соответствующие компетенции;

- **профессиональный *Umwelt*:**

Переводчик — это профессия, которая требует всестороннего понимания теорий, методов и передовых практик перевода. Профессиональный опыт, образование и опыт переводчика формируют его подход к переводу. Осознание этических аспектов и соблюдение стандартов отрасли гарантируют качество перевода;

- **личный *Umwelt*:**

Переводчик прежде всего — это личность, которая обладает определенными поведенческими и психологическими особенностями, житейским опытом, убеждениями и ценностями, которые формируются и корректируются на протяжении всей жизни. Единственная разновидность переводческого *Umwelt*, которая не должна выпячиваться и активно подавляться переводчиком, иначе профессиональный *Umwelt* будет подвергаться постоянной intersубъективной деформации.

Как мы видим, *Innenwelt* и *Umwelt* переводчика — это многоаспектные intersубъективные конструкты, охватывающие ценностный и профессиональный миры переводчика. Их создание включает в себя формирование лингвистического, культурного, предметного, профессионального и личного миров, которые влияют на восприятие и интерпретацию текстов. Признавая динамическую природу переводческого *Umwelt*, мы находим возможными оценку разнообразных оригинальных вариантов переводов и их анализ с точки зрения достижения как можно большей объективности при переводе.

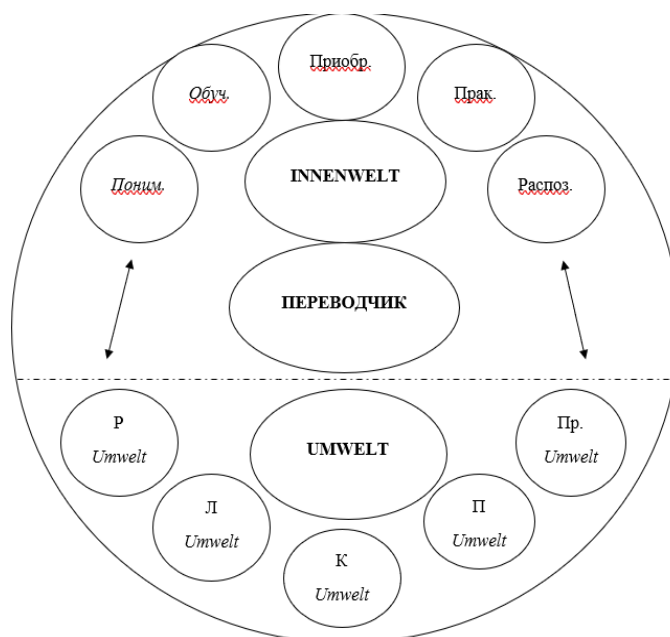

Рис. 1. Innenwelt u Umwelt переводчика

Этическая сторона вопроса должна усиливаться экологичностью выбора переводимых тем: насколько вообще допустимо переводить такой специфичный материал и как он может повлиять на реципиентов в целом. Поговорка, гласящая, что «слово не воробей, вылетит — не поймашь», хорошо олицетворяет работу переводчика. Каждое слово должно обдумываться, а переводческая концентрация и внимание к деталям должны помогать переводчику сглаживать острые углы, особенно если он задействован при международном посредничестве [Petrilli, 2016, с. 51].

Моделирование среза реальности переводчиком зарождает семиотическую основу для становления индивидуального *Innenwelt* и *Umwelt*, поскольку взаимодействие с миром происходит через распознавание и анализ функциональных знаков. *Текст* — это семиотическая реальность, состоящая из набора знаков, которые формируют набор кодов, несущие внутри себя конкретные смыслы, ценности и отношения [Long, 2019, с. 373]. Также происходит и с текстом при переводе: переводчик по мере знакомства с текстом подмечает культурно-специфические и лингвистические знаки, которые, в свою очередь, способствуют успешному раскрытию контекста и замыслов автора при переводе текста.

Социокультурный аспект

Социокультурный аспект переводческой деятельности подразумевает влияние социума и культурных факторов на процесс перевода, будь то устный или письменный перевод. Обычно переводчики модерируются внутренними и внешними аспектами культуры, язык которой они используют. Некоторые исследова-

тели выделяют несколько аспектов: политика, религия, этика, идеология и мораль [Toury, 2001].

С политической точки зрения переводчик может подвергаться двум ограничениям на пути к осуществлению своей профессиональной деятельности: через наложение запрета (табу) на перевод некоторых материалов или тем, противоречащих государственной повестке, а также через выгодные государству темы исследования, которые могут положительно повлиять на развитие общества. Остаться нейтральным или же открыто заявлять о своей непредвзятости, максимально абстрагироваться от личного волеизъявления являются единственной стратегией при такой ситуации. Например, антиутопия «1984» британского писателя Джорджа Оруэлла сразу же попала в список запрещенной к публикации литературы в СССР из-за очевидной схожести двух противоборствующих сил и критики социализма как политической системы. Версии перевода выходили только самиздатом или подпольно в обход государственной цензуры [Дилетант. URL: <https://diletant.media/articles/45328211> (дата обращения: 10.07.2023)].

С развитием государств **идеологическая основа** становится остовом любого аппарата или ячейки общества. Переводчик в этом деле далеко не исключение. Например, зачастую, придерживаясь государственной идеологии, переводчик, скорее всего, будет стремиться отсеивать идеологически малопригодные тексты для перевода. Если же все-таки специалист берется за дело, то, совершенно очевидно, что какая-то часть материала (наиболее чувствительная) будет опускаться, заменяться или вовсе завуалироваться, подвергаться эвфемизации. Получается, что в таком случае избежать внесения изменения в оригинал просто не получится, иначе текст не пройдет цензуру. С другой стороны, будет нарушена целостность и оригинальный замысел автора. Тем не менее, как отмечает П. Дэнгуа, «переводчики — это далеко не безучастные наблюдатели культурных предрасудков, а скорее наоборот, активные участники, вносящие вклад в построение конкретной культуры» [Denghua, 2010, с. 33].

Влияние **этики** на перевод безусловно, поскольку этические нормы напрямую влияют на выбор исходного текста для перевода и оценку целевой аудитории, для которой предполагается выполнить перевод. Неэтичным для перевода может быть абсолютно любой текст, так как для переводчика этические нормы — это мерило, внутренний компас, с помощью которого делается выбор в пользу текста или же, напротив, может привести к модернизации текста, т. е. к вмешательству извне. Обычно на такие манипуляции могут повлиять доминантная идеология государства, а также межгосударственные отношения в целом. Участвовать ли в таких «политико-идеологических играх», переводчик решает сам, однако одно остается неизменным — манипуляция с текстом оригинала в конечном счете всегда приводит к искажению общего смысла текста.

Нормы морали имеют исторические особенности, с учетом регионального аспекта их распространения. Более того, моральные различия очень ярко прослеживаются в различных языках и текстах. Например, можно вспомнить такое произведение, как «Заводной апельсин» Энтони Берджесса и разработанный им

язык молодежи «надсат». Перед переводчиком встал моральный выбор: либо переводить некоторую лексику, используя метод комбинирования транслитерации и транскрипции или же действительно перевести латинизированные русские слова на русский язык (*tolchoking* — толчок, *droog* — друг, *viddy* — видеть, *mesto* — место, *slushat* — слушать). Переводчик все же выбрал вариант с переносом латинизированных русскоязычных слов в текст перевода, чем придал некую абстрактность происходящего в самом воспроизведении [Burgess, 2010]. Еще один показательный пример на фоне закрытой китайской культуры, который прослеживается в переводе шекспировских драм, где автор пьес очень часто исследовал интимные, табуированные темы. При переводе некоторых слов китайский переводчик Чжу Шэнхао, учитывая традиционные азиатские понятия интимных тем, поступился переводческими принципами, чтобы буквально «отчистить» некоторые авторские слова от вульгаризмов в семантическом понимании [Jungong, 1998].

Что касается **религии**, то следует полагать, что ограничение, которые она может накладывать на переводчика, намного жестче и сложнее, чем у предыдущих аспектов, приведенных в этой статье. Это обусловлено прежде всего выбором текстов на перевод. Наряду с религиозными воззрениями, а также принимая во внимание экспертность в той или иной конфессиональной области, переводчик, например, может отказаться переводить религиозные тексты ислама, являясь христианином. Тем не менее если же переводчик берется за выполнение перевода, то он должен быть сведущим в переводе религиозных текстов, поскольку текст перевода будет исследован более строгой, консервативной целевой аудиторией [Denghua, 2010].

Социокультурный аспект работы переводчика является ключевым для обеспечения адекватных и культурно соответствующих переводов. Переводчики должны постоянно учитывать социальные и культурные факторы, которые формируют использование языка и его значение, чтобы обеспечить эффективное общение между различными культурами, а также обмен культурным опытом через перевод художественных текстов.

Феномены субъективности и объективности, моделирование реальности и внутреннего мира (*Umwelt & Innenwelt*), а также социокультурный и экологический аспекты работы переводчика играют важную роль в создании посреднической коммуникации и формировании профессиональной компетенции. Переводчики должны иметь глубокое понимание исходной и целевой культур, учитывать языковые регистры и идиоматические выражения, разумно обходиться с щепетильными темами, адаптировать переводы к конкретным целевым культурам и принимать сложные морально-этические решения. Также при исследовании гуманитарных проблем перспективным видится привлечение междисциплинарного подхода для разделения границ между разными видами наук и исследовательских областей, ведь совместное решение проблем ведет к более детальному пониманию и принятию мира, в котором мы живем.

Литература

1. Дилетант. URL: <https://diletant.media/articles/45328211/> (дата обращения: 10.07.2023).
2. Заводникова Е. Л., Нестерова Н. М. Принцип «герменевтического круга» в философии и переводе // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-germenevticheskogo-kruga-v-filosofii-i-perevodovedenii> (дата обращения: 11.07.2023).
3. Клюканов И. Э. Коммуникативный универсум. Москва: РОССПЭН, 2010. 256 с.
4. Burgess A. *A Clockwork Orange*. Penguin Books. 2011.
5. Denghua Pei. The Subjectivity of the Translator and Socio-cultural Norms. *English Language Teaching*. 2010. 3.
6. Jungong Zhu. Gain and Loss in Zhu Shanghao's Translation of Shakespeare's Plays. *Chinese Translator's Journal*. 1998. 5.
7. Kull K. (2010). Umwelt and modelling. Cobley, Paul (Ed.), *The Routledge Companion to Semiotics*. London: Routledge.
8. Logothetis N. K. *Science* 245: 761. 1989.
9. Long Jinshun. Semiotic Study of English Text. 2019. 10.2991/ielss-19.2019.72.
10. Marais Kobus & Kull Kalevi. Biosemiotics and translation studies: Translation Studies and other disciplines. 2016.
11. Petrilli Susan. Translatability, modeling, otherness and the intersemiotic spaces of meaning. *Translation and Translanguaging in Multilingual Contexts*. 2022. 8. DOI: 10.1075/tmc.00093.pet.
12. Sebeok Thomas A. *Signs: An Introduction to Semiotics*. Toronto: University of Toronto Press, 2001.
13. Toury G. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press.

TRANSLATOR'S *INNENWELT* AND *UMWELT*:
ECOLOGY AND SOCIOCULTURAL ASPECT

Zarubin D. D.
Research Assistant,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
einfachzarubin@gmail.com

Abstract. The article explores the subjectivity and objectivity phenomena, specifically focusing on the inner world (*Innenwelt*) and the translator's subjective perception of reality (*Umwelt*), as terminologically defined by J. v Uexküll. Additionally, it examines the sociocultural aspects and ecological nature of translation activity. By incorporating ideas from biosemiotics, ethics, and language ecology, the article not only examines the formation of subjectivity and objectivity in perception but also sheds light on the sociocultural factors that directly impact the fulfillment of professional duties in translation. Specifically, it highlights five key sociocultural aspects that act as constraints for translators: politics, morality, ideology, religion, and ethics.

Keywords: *Innenwelt* & *Umwelt*, biosemiotics, ethics of translation, perception modeling, sociocultural aspects of translation.

УДК 81

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ¹

© Ван Чжицян

аспирант,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Россия;

Хэбэйский Северный университет

г. Чжанцзякоу, Китай

wangzq0016@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию языкового сознания посредством интегрального подхода, по которому соотнесены методы свободного ассоциативного эксперимента, семантического дифференциала и критерий категоризации сознания О. А. Корнилова. Автор исходит из тезиса о том, что полипарадигмальная методология дает более полное представление о содержании образа сознания в ментальном пространстве носителей той или иной культуры.

Ключевые слова: интегральный подход, языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал, компоненты сознания О. А. Корнилова.

Введение

Языковое сознание как один из ключевых аспектов человеческой когнитивной деятельности представляет собой уникальную и захватывающую область исследований. В отечественных психолингвистических исследованиях понятие языкового сознания появилось в 90-х гг. XX в. после того как Е. Ф. Тарасов ввел его в научный обиход. По мнению ученого, языковое сознание представляет собой «совокупность образов сознания, овнешняемых языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупность этих полей» [Тарасов, 2000, с. 27].

Языковое сознание — это культурно обусловленные системы значений, которые формируют нашу идентичность и восприятие окружающего мира. Оно представляет собой сложную и многогранную сущность, тесно переплетенную с когнитивными, психологическими и культурными аспектами человеческой природы. В связи с этим односторонний подход исследования не может полностью раскрыть этнокультурные особенности языкового сознания, и необходимо проводить полипарадигмальное исследование.

В данной статье рассматривается интегральный подход к исследованию языкового сознания, направленный на расширение психолингвистического экс-

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта БГУ № 23-06-0502 «Горизонты познания: лингвокультурологический аспект китайско-русского перевода».

периментального исследования (свободный ассоциативный эксперимент (далее — САЭ) и метод шкалирования Ч. Осгуда) путем ввода лингвокогнитивной идеи (критерии категоризации сознания О. А. Корнилова), что обеспечивает вскрытие детерминации каналов восприятия внешнего мира и соответствующей его оценки.

Разные подходы к исследованию языкового сознания

1. САЭ

Понятие «ассоциация» в психологии определяется как «возникшая в опыте индивида связь между двумя содержаниями сознания (ощущениями, представлениями, мыслями, чувствами и т. п.), при которой актуализация одного из них вызывает и актуализацию другого» [Психологический словарь, 1996, с. 26].

Ассоциативный эксперимент (далее — АЭ) становится одним из эффективных методов для изучения «овнешнения» языкового сознания [Лю Хун, 2013, с. 31]. Из всех видов АЭ САЭ характеризуется наибольшей простотой и при этом считается достаточно эффективным. Суть данной методики заключается в том, что участника просят без обдумывания назвать ассоциацию, которая первой пришла в голову после произнесения исследователем какого-либо слова. При этом слово исследователя будет считаться стимулом (S), а слово испытуемого — реакцией на стимул (R) [Крушевский, 1883; Попова, 2006, с. 10].

В САЭ обнаруживается деятельностное отношение человека к миру, представленное специфической связью стимула и реакции в условиях конкретной деятельности. Это отношение определяет актуальные для индивида стратегии вербальной деятельности и опосредованно — специфику концептуализации мира. По данным эксперимента моделируется ассоциативное поле (далее — АП), которое, по мнению Н. В. Уфимцевой, представляет собой фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов, оценок и, следовательно, его культурных стереотипов [Уфимцева, 1996, с. 144].

Но В. А. Пищальникова не соглашается с этими мнениями и предлагает, что АП — не фрагмент образа мира человека, а «лингвистический конструкт, моделирующий структуру вербальной памяти» [Пищальникова, 2021, с. 250]. АП представляет психологическое содержание, актуальное только для индивида именно в данной деятельности и отражающее культурный стереотип.

Таким образом, для выявления этнокультурной специфики языкового сознания очевидна недостаточность только САЭ и его полученные данные нуждаются в более основательном обобщении на основе статистической обработки и в более глубокой культурной интерпретации.

2. СД Ч. Осгуда

Для проверки достоверности результатов САЭ ученые применяют различные методы. В. А. Пищальникова отмечает, что «использование нескольких видов экспериментов в психолингвистическом исследовании обусловлено необходимостью взаимной верификации их результатов и обеспечивает надежность и достоверность сделанных выводов» [Пищальникова, 2007, с. 117]. Цель этих методов — определение сущности продуцирования и понимания речи.

Одним из вариантов верификации результатов САЭ является метод СД, разработанный американским психологом Ч. Осгудом и его коллегами в 1952 г. и активно используемый в экспериментальной психосемантике и психолингвистике для выявления субъективных семантических полей слов и словосочетаний (семантических пространств субъекта).

Процедура эксперимента с помощью этой методики заключается в следующем: респонденты высказывают свои оценочные суждения (от +3 до -3 или от +1 до +7) на основе прилагательных-антонимов. Данные, полученные при проведении описанной выше процедуры, собираются в единую матрицу для дальнейшей обработки методом факторного анализа.

В современной психологии и психолингвистике на основе классической методики Ч. Осгуда разработаны многочисленные шкалы для анализа определенных понятийных классов слов, например: слабый — сильный, плохой — хороший, большой — маленький, темный — светлый, активный — пассивный, горячий — холодный и др.

Ч. Осгуд разделил все биполярные шкалы на несколько групп, дифференцируя их по факторам «оценка», «сила» и «активность» [Осгуд, 1972, с. 280]. В соответствии с принципами рассматриваемого метода фактор, который формируется агрегацией шкал, является смысловым образованием, объединяющим все данные о конкретном объекте, а также отношение испытуемого к нему [Архипова, 2019, с. 270].

Если слова-реакции, полученные в САЭ, отражают отдельную конкретную семантическую ассоциацию индивида с определенным образом сознания, то результаты эксперимента Ч. Осгуда носят более общий характер, объединяя содержание сознания индивида по трем факторам и отражая более абстрактную оценку данного образа, визуально представляемую в виде матрицы.

3. Критерии категоризации сознания О. А. Корнилова

Напомним, что результаты САЭ и СД отражают внутренний контент ассоциативно-образной семантики сознания по АП и факторам, однако «определенный научный интерес может представлять то, как контент соотносится с внешними (формализованными извне) параметрами категоризации контента» [Ван Чжицян, 2023, с. 1916].

Думается, можно применить разные классификации критериев концептуализации знания, однако здесь мы сочли возможным рассмотреть мнение О. А. Корнилова. Согласно ученому знание этноса представляет собой «абстрактную совокупность индивидуальных сознаний всех членов того или иного социума» и имеет как минимум «четыре компонента: сенсорно-рецептивный, логико-понятийный, эмоционально-оценочный и ценностно-нравственный» (схема 1) [Корнилов, 2002, с. 164–165].

Преломившись через все четыре компонента языкового сознания, реальный мир трансформируется в отраженную реальность, запечатленную в «матрицах» национального языка. Этот отраженный словесный мир не может не зависеть от того, что его в конечном счете породило, т. е. от языкового сознания. По мнению

О. А. Корнилова, выделение в структуре сознания отдельных компонентов «очень продуктивно с точки зрения дифференцированного подхода к чисто лингвистическим факторам, отражающим национальную специфику мироощущения, мироосмысления и мирооценки» [там же, с. 165].

Схема 1

Критерии категоризации сознания О. А. Корнилова

I Сенсорно-рецептивный компонент	II Логико-понятийный компонент
III Эмоционально-оценочный компонент	IV Ценностно-нравственный компонент

По критериям ученого представленная на схеме нумерация компонентов сознания отражает последовательность «пропускания» через сознание любого из феноменов окружающего мира: любой объект сначала воспринимается органами чувств, затем логически осмысливается, после этого объект получает первичную оценку (эмоциональную), а затем и вторичную, более глубокую (ценностную).

Интеграция подходов

Как мы упомянули, САЭ и СД принадлежат к психолингвистическому подходу, который отражает внутренний контент семантики образа сознания. Для реализации принципа дополнительности, рассматриваемого как рекомендация углубленной верификации результатов, полученные психолингвистические экспериментальные данные должны быть соотнесены с лингвокогнитивной классификацией компонентов сознания, разработанной О. А. Корниловым. Итак, на этой основе нами сформирован трехэтапный интегральный подход к исследованию языкового сознания, который показан в следующей схеме (схема 2).

Схема 2

Интегральный подход к исследованию языкового сознания

Схема 2, очевидно, показала модель исследования языкового сознания, сформированную на основе интеграции САЭ, СД и критериев О. А. Корнилова. Надо подчеркнуть, что в нашем исследовании нами выбраны первые три компонента, так как последний (ценностно-нравственный) «лексикализован по боль-

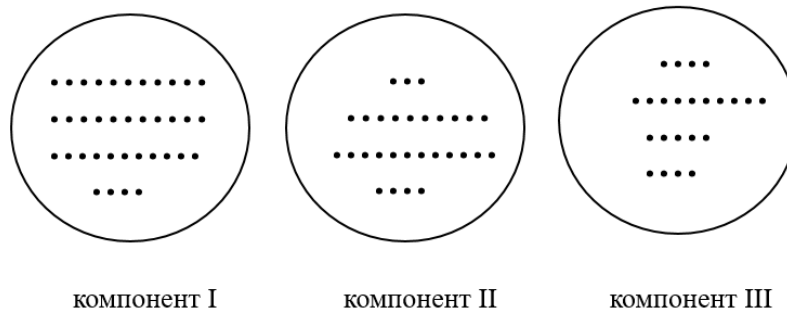
шей части не с помощью отдельных слов, а с помощью фразеологических оборотов: пословиц и поговорок» [там же, с. 254].

На первом этапе проведен САЭ, обработаны полученные данные и создано АП на слово-стимул, что обуславливает выявление особенностей способа и содержания ассоциации респондентов. Для верификации результатов САЭ на втором этапе проведен эксперимент по методу СД. Каждый испытуемый, отмечая на биполярной шкале ту или иную величину, естественно, опирается на свой личный опыт, но при достаточно большом количестве испытуемых исследователь получает некие объективные показатели (разницу в оценках слов), соответствующие социально предпочтительным оценкам реалий, обозначенных словами. Результаты первого и второго экспериментов взаимоверифицируются и отражают внутренний контент ассоциативной семантики того или иного образа. Оба метода относятся к психолингвистической парадигме.

Для реализации принципа дополнительности и дальнейшего выявления этнокультурных особенностей образа сознания проведено измерение третьего этапа. Сначала полученные реакции в САЭ соотнесены с компонентами О. А. Корнилова по семантике (схема 3) (в схеме точки обозначают разные реакции).

Схема 3

Соотнесение данных САЭ и компонентов сознания

Далее 12 оценочных шкал Ч. Осгуда соотносим с 3 критериями категоризации О. А. Корнилова, добавив к ним приставку «доминантно»: 12 пар оценок не всегда имеют между собой строгие границы разграничения (схема 4).

Итак, полученные в ходе всего интегрального подхода данные выявляют этнокультурные особенности языкового сознания и их концептуальные основания.

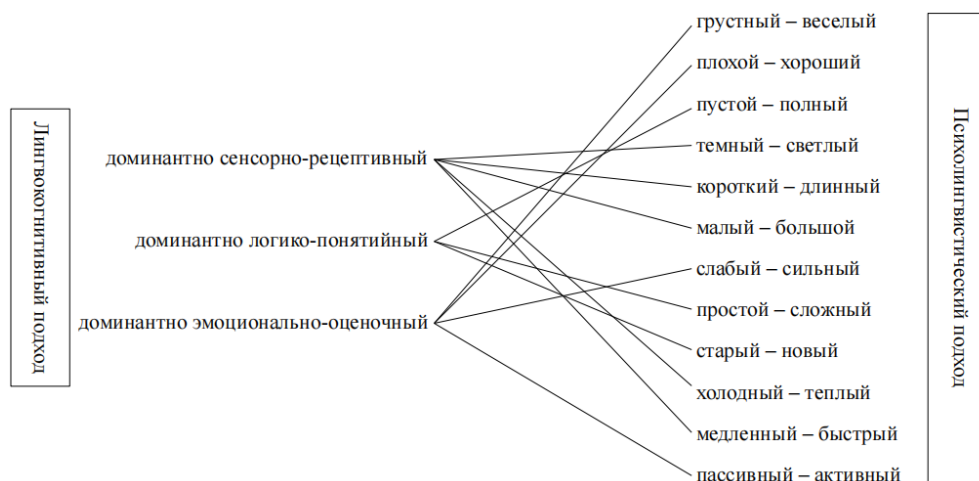
Выводы

Предложенный нами интегральный подход объединяет психолингвистические экспериментальные методы и лингвокогнитивный анализ. На его основе сформировано семантическое пространство образа сознания по уровню абстракции, где показана детерминация каналов восприятия образов и факторной оценки. Переход от психолингвистического к лингвокогнитивному подходу позволя-

ет преодолеть ограничения исследований, сфокусированных только на внутренних или только на внешних аспектах исследования языкового сознания.

Схема 4

Соотношение шкал СД и компонентов сознания

Полученные результаты могут быть ценным вкладом в выявление этнокультурных особенностей языкового сознания.

Литература

1. Архипова С. В. Семантический дифференциал как метод обнаружения степени интериоризации образовательной лексики в сознании носителей русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 3. С. 269–274.
2. Ван Чжицян. Семантический дифференциал как метод исследования образа «солнце» в языковом сознании китайской и русской молодежи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 6. С. 1913–1919.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Изд. 2, исправленное и дополненное. Москва: ЧеРо, 2002. 347 с.
4. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань: Изд-во КГУ, 1883. 151 с.
5. Осгуд Ч. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. Современные зарубежные исследования. Москва: Мир, 1972. С. 278–298.
6. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики. Москва: Р. Валент, 2021. 488 с.
7. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: курс лекций: в двух частях. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. Москва: Изд-во Московского государственного лингвистического университета, 2007. 228 с.
8. Попова Т. В. Ассоциативный эксперимент в психологии: учебное пособие. Москва: Флинта, 2006. 70 с.
9. Психологический словарь. Москва: Педагогика-пресс, 1996. 438 с.

10. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. Москва: Изд-во Института языкознания РАН, 2000. С. 24–32.
11. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Изд. 2, исправленное и дополненное. Москва: Эйдос, 1996. С. 139–162.
12. 刘宏. 跨文化交际与语言意识研究 // 东北亚外语研究. 2013. № 1. P. 27–31. (Лю Хун. Исследования межкультурной коммуникации и языкового сознания // Изучение иностранных языков в Северо-Восточной Азии. 2013. № 1. С. 27–31.)

INTEGRAL APPROACH TO STUDY THE LANGUAGE MIND

Wang Zhiqiang
Research Assistant,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia;
Hebei North University
Zhangjiakou, China
wangzq0016@mail.ru

Abstract. This article is devoted to study the language mind through an integral approach, which correlates the methods of free associative experiment, semantic differential, and the criteria of consciousness categorization by O. A. Kornilov. The author proceeds from the thesis that a poly-paradigmatic methodology provides a more comprehensive representation of the content of consciousness images in the mental space of individuals belonging to a culture.

Keywords: integral approach, language mind, free associative experiment, semantic differential, O. A. Kornilov's components of consciousness.

УДК 811.512.31

ИНТЕРЯЗЫК БУРЯТА-ПОЛИЛИНГВА КАК ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

© **Нимаева Эржена Зориктоевна**

аспирант,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Россия

nimaeva.erzhena@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению интерязыка в аспекте эколингвистики. Актуальность работы заключается в недостаточной степени изученности интерязыка субъекта, родной язык которого не является для него функционально первым и имеет статус миноритарного на территории его проживания. Автор приходит к выводам о том, что: 1) формирование интерязыка бурята-полилингва происходит в условиях сложного софункционирования регионального билингвизма и учебного мультилингвизма; 2) балансу функционирования кодов может способствовать «осознанное» поддержание (би-)полилингвом функциональной активности бурятского языка.

Ключевые слова: миноритарный язык, бурятский язык, билингвизм, полилингвизм, интерязык.

Вопросы (би-)полилингвизма интересуют многих отечественных и зарубежных исследователей с конца XIX в., однако в психолингвистическом аспекте проблема софункционирования кодов субъекта, при котором один из языков имеет статус миноритарного, характеризуется наименьшей степенью изученности. **Миноритарным языком** является «язык национального (этнического) меньшинства», выполняющий значительно меньший объем социальных функций и не функционирующий в наиболее престижных сферах общения [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 129]. Согласно классификации статусов витальности, представленной в изданной Институтом языкознания РАН монографии-препринте «Список языков России и статусы их витальности», **бурятский язык** (миноритарный) относится к ограниченным сельским (rural restricted): сохранение его межпоколенческой передачи наблюдается на большей части ареала в районах Республики Бурятия и Забайкальского края, редко - в городах; при достаточно развитой языковой инфраструктуре язык остается функционально ограниченным; имеет статус государственного только на территории Республики Бурятия [Дырхеева, Биткеева, 2016; Дырхеева, 2021; В. В. Иванов, л.с.], [Коряков и др., 2022, 31].

Прежде чем перейти к рассмотрению понятия интерязыка в эколингвистическом аспекте, следует обратиться к понятиям билингвизма и полилингвизма. Определение термина «билингвизм» представляется сложным и зависит от множества факторов, таких как возраст овладения вторым языком, длительное воз-

действие первого языка, относительные умения в каждом языке и обстоятельства изучения каждого языка [Gottardo, Grant, 2008, с. 1]. В лингвистике утвердилось синонимичное использование терминов «билингвизм» и «двуязычие» [Хашимов, 2019, с. 13]. Наиболее полное определение билингвизма представлено в словарной статье Словаря социолингвистических терминов Института языкознания РАН, в котором также отмечается отличие билингвизма от диглоссии: «**Билингвизм** (Двуязычие). Владение наряду со своим родным языком еще одним языком в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования двух языков в одном языковом сообществе. Б. предполагает употребление разных языков в отличие от диглоссии, под которой в большинстве случаев понимается употребление различных подсистем (субкодов) одного и того же языка...» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 31]. Исследователи выделяют множество типов билингвизма, что подтверждает сложность и многоаспектность данного явления. Также мы опираемся на определение **полилингвизма**, данное в Большом лингвистическом словаре В. Д. Стариченко: «то же, что многоязычие»; «многоязычие, или полилингвизм (греч. *poli* ‘много’, *lingua* ‘язык’), — использование на определенной территории (прежде всего государства) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретными коммуникативными задачами. Многоязычие свойственно многонациональным государствам (Швейцария, Индия, США)» [Большой лингвистический словарь, 2008, с. 313, 314].

В нашей работе предпринимается попытка рассмотреть интерязык бурята-полилингва в эколингвистическом аспекте, т. е. как некую «среду обитания» разных кодов, из которых бурятский характеризуется низкой степенью функциональной активности. По мнению И. Э. Клюканова, смысл **экологии** достаточно точно передается в следующем обозначении: «наука о взаимодействиях организмов между собой и с их средой обитания» [Клюканов, 2020, с. 8]. Ученый, вспоминая слова Мартина Хайдеггера о том, что «язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек», утверждает, что другие языки представляют собой не окружающую среду, но являются общей средой обитания, что при исчезновении языка исчезает часть каждого из нас, что взаимодействие с другими культурами способствует богатству и жизнеспособности нашей общей среды обитания [Хайдеггер, 1993, с. 162], [Клюканов, 2020, с. 8].

Рассмотрим традиционное понимание интерязыка в лингвистике. Впервые данный термин был использован в 1969 г. Л. Селинкером, рассматривавшим **интерязык** как «явление возникновения автономной системы, имеющей двойственную природу» и как составляющую в системе «родной язык — интерязык — изучаемый язык», т. е. он считал, что процесс овладения Я2 предполагает необходимое прохождение через «промежуточную» индивидуальную систему (интерязык) [Рогозная, 2012, с. 53]. Общеизвестно, что координативный билингвизм встречается редко, а наиболее распространенным типом является субординативный билингвизм. Как отмечает Н. Н. Рогозная, несовершенный билингвизм функционирует на базе

интерязыка, обладающего следующими характеристиками: 1) формирование на базе первичной лингвистической системы (родной язык) и «впитывание в себя» элементов другой (неродной язык); 2) направления развития функционирования — отмирание в силу не востребоваемости, очищение от суррогатных примесей интерферентных явлений, возможность функционирования без изменений»; 3) формы существования — окостенение, отмирание, динамическое развитие [Рогозная, 2012, с. 60, 61, 67].

«В рамках когнитивной концепции П. П. Дашинимасевой **интерязык** понимается: 1) в нейрофизиологическом смысле как «когнитивное пространство взаимоотношений между языками, которыми владеет билингв/полилингв»; 2) «динамический саморазвивающийся продукт взаимодействия первого, второго (и третьего) языков, своего рода промежуточная система-консенсус когнитивного соперничества кодов»; т. е. «и как отношения между языками, и как нестандартная форма языка» [Дашинимасева, 2010, с. 194]. В рамках нашего исследования в соответствии с концепцией П. П. Дашинимасевой, интерязык представляется **процессом**, направленным на достижение относительного баланса неравноценных функциональных возможностей кодов с целью обеспечения субъекта инструментом коммуникации [Дашинимасева, Нимасева, 2022, с. 112].

В нашей работе рассматривается интерязык бурята-полилингва, т. е. бурята, владеющего: 1) родным бурятским языком (миноритарным, для большинства представителей молодежи являющимся функционально вторым); 2) функционально первым русским языком; 3) иностранными языками, изучаемыми, как правило, в учебных учреждениях.

Когнитивное софункционирование бурятского и русского кодов в интерязыке бурята-полилингва, как представляется, происходит в условиях билингвизма как частного случая полилингвизма. Н. В. Лосева и Е. Б. Александровская отмечают, что языковая комбинация, включающая английский язык, является наиболее распространенной, так как обычно этот язык изучается еще в школе, следовательно, по их мнению, изучение второго иностранного языка происходит в ситуации учебного мультилингвизма, при котором изучающие несколько иностранных языков осуществляют переключение кодов, установление связей и разграничений между разными языковыми системами [Лосева, Александровская, 2022, с. 14]. Кроме того, мы солидарны с авторами в том, что «мультилингвизм связан не только с ситуацией пребывания человека в естественной мультиязычной среде, но и в условиях хронологически одновременного/неодновременного изучения нескольких языков» [там же, с. 20]. Отметим, что мы в нашем исследовании рассматриваем термины «полилингвизм» и «мультилингвизм» как синонимичные. Следовательно, можно предположить, что **интерязык** исследуемого нами субъекта, бурята-полилингва, формируется в условиях сложного взаимодействия/софункционирования регионального билингвизма и учебного мультилингвизма.

На наш взгляд, принцип состязательности кодов в интерязыке как в «среде обитания» детерминирует баланс/дисбаланс функционирования кодов. В то вре-

мя как русский язык (мажоритарный) является для изучаемого субъекта функционально первым, а иностранные языки предметом осознанного целенаправленного изучения, бурятский язык остается «в глубинах» интерязыка, рискуя стать забытым.

Таким образом, особое значение в аспекте сказанного приобретает «осознанное» поддержание функциональной активности бурятского языка полилингвом, которое, как представляется, способствуя относительному балансу кодов интерязыка на уровне внутренней «среды обитания», способствует витальности языка в языковой ситуации региона и в целом языковому многообразию на уровне внешней «среды обитания». Интерязык как когнитивный механизм (би-)полилингвального субъекта является объектом изучения не только психолингвистики и социолингвистики, но и эколингвистики.

Литература

1. Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект / П. П. Дашинамаева, Г. А. Дырхеева, Ж. Б. Жалсанова, Э. В. Хилханова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 166 с.
2. Дашинамаева П. П., Нимаева Э. З. Что может дать социолингвистике трансдисциплинарное исследование грамматики естественного языка (на материале бурятского) // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 108–121.
3. Клюканов И. Э. Несколько замечаний об экологичности коммуникации // Экология. Коммуникация. Перевод: материалы всероссийской онлайн-конференции, посвященной 15-летию кафедры перевода и межкультурной коммуникации и 60-летию факультета иностранных языков Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, 30 сентября – 1 октября 2020 г.) / науч. и отв. ред. П. П. Дашинамаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020, 168 с. С. 6–10.
4. Список языков России и статусы их витальности: монография-препринт / Ю. Б. Коряков, Т. И. Давидюк, В. С. Харитонов [и др.]. Москва: Изд-во Института языкознания РАН, 2022. 80 с.
5. Лосева Н. В., Александровская Е. Б. Мультилингвизм и интерязык в зеркале интроспекции // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 13–21.
6. Попова М. В. Подходы к интерпретации понятия «интерференция» в отечественной и зарубежной науке // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 6(797). С. 52–64.
7. Рогозная Н. Н. Билингвизм. Интерязык. Интерференция. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. 172 с.
8. Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова [и др.]. Москва: Изд-во Института языкознания РАН, 2006. 312 с.
9. Стариченко В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008.
10. Хайдеггер, М. Время и бытие. Москва: Республика, 1993. 447 с.
11. Хашимов Р. И. Двухязычие и интерференция: сущность, типология и функционирование. Москва: Флинта, 2019. 320 с.
12. Gottardo A., Grant A. Defining biliguism // Canadian Language and Literacy Research Network. 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/267152186_Defining_Bilingualism (дата обращения: 01.11.2022).

THE PROBLEM OF STUDYING INTERLANGUAGE
OF A BURYAT-POLYLINGUAL

Nimaeva E. Z.
Research Assistant,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
nimaeva.erzhena@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of interlanguage in the aspect of ecolinguistics. The relevance of this work lies in the insufficient study of the interlanguage of a Buryat-polylingual, whose native language is not functionally the first and has a minority status in the area of his residence. The author comes to the following conclusions: 1) the formation of the Buryat-polylingual's interlanguage occurs in conditions of complex functioning of regional bilingualism and educational multilingualism; 2) the balance of code functioning can be facilitated by the "conscious" support of the functional activity of the Buryat language by the (bi-)polylingual.

Keywords: minority language, Buryat language, bilingualism, multilingualism, interlanguage.

УДК 811.512.31+811.161.1

К ВОПРОСУ О СЛОВАХ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В БУРЯТОВЕДЕНИИ

© Улазаева Галина Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Россия

diskurs@mail.ru

Аннотация. В статье вновь поднимается вопрос о словах категории состояния в бурятоведении. Дано краткое описание состояния изученности и разработанности слов категории состояния в русском языке. Отмечено, что в бурятской грамматической науке указанный разряд слов относится до настоящего времени к малоизученным разрядам. Дан краткий анализ литературы по исследованию слов категории состояния в бурятском языке. Указано, что появление данной группы слов объясняется потребностями мышления, а формирование из других частей речи объясняется внутренними законами развития языка, позволившими ограничиться уже существующими в языке формами слов. В статье описаны лексико-грамматические особенности слов категории состояния и наречий, специфика их значения, употребления, их отличие. Изучение частеречных свойств бурятских слов категории состояния создает почву для углубления существующих представлений о природе частей речи.

Ключевые слова: система частей речи, слова категории состояния, наречия, специфика употребления, бурятский язык.

В настоящей работе рассматривается вопрос о словах категории состояния в бурятоведении. В год педагога и наставника в память о своем учителе О. Д. Бухаевой, открывшей путь к научным изысканиям многим своим ученикам, нами принято решение вновь поднять вопрос об особых словах — словах категории состояния. Какие единицы относятся к данной группе слов, в чем специфика их значения и употребления, какими особыми лексико-грамматическими признаками они обладают? Какова степень изученности данной категории слов в бурятском языке сегодня?

Общеизвестно, что группа слов категории состояния наиболее полно изучена в российской лингвистической науке. Слова категории состояния весьма активно изучались авторитетными русскими учеными-исследователями в XX в. Данная группа глубоко анализировалась в трудах А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. А. Богородицкого, А. Х. Востокова, Н. П. Некрасова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Е. М. Галкиной-Федорук, А. В. Исаченко, И. И. Мещанинова, Н. С. Поспелова и других ученых. Эта группа слов вызвала большой научный интерес и множество научных споров относительно того, есть ли необходимость выделять их в отдельную часть речи. Было опубликовано множество работ, по-

священных исследованию данной группы слов, были высказаны аргументированные точки зрения о нужности/ненужности выделения слов категории состояния в самостоятельную часть речи. Идею о самостоятельном статусе слов категории состояния в лексико-грамматическом отношении выдвинул, как известно, Л. В. Щерба. Его статья «О частях речи в русском языке» дала возможность лингвистам по-новому взглянуть на группу слов, выходящих по своим специфическим свойствам за пределы сложившихся лексико-грамматических классов [15]. Наиболее глубокое исследование рассматриваемой группы слов проведено В. В. Виноградовым, который сформулировал отличительные признаки, значимые для слов категории состояния и позволяющие поставить эту категорию слов в один ряд с другими частями речи. Он научно обосновал взаимоотношения между словами категории состояния и краткими прилагательными, качественными наречиями, именами существительными, некоторыми фразеологическими единицами [3, с. 330–347].

Несмотря на значительное сходство слов категории состояния с наречиями и именами прилагательными, ученые установили, что слова данной категории не совпадают с этими классами, а обладают признаками отдельной части речи. «Обнаруженные дифференциальные признаки (употребление исключительно в функции сказуемого, наличие аналитической категории времени, неизменяемость, иное категориальное значение, нежели обозначение признака предмета, качества или действия) позволяли констатировать наличие в русском языке особого лексико-грамматического разряда слов, интегрирующего глагольные, именные и наречные свойства. Возникновение слов категории состояния, очевидно, вызвано потребностями мышления, а формирование из других частей речи объясняется внутренними законами развития языка, которые позволили ограничиться уже существующими в языке формами» [11].

Ю. С. Маслов в своей работе «О категории состояния в болгарском языке» отмечал следующее: «После того как Л. В. Щерба выделил в русском языке в качестве отдельной части речи категорию состояния, постепенно и в других языках стали, как известно, обращать внимание на аналогичные разряды слов» [9, с. 172].

В 2004 г. в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН нами была защищена диссертация на соискание степени кандидата филологических наук по теме «Имя состояния в современном бурятском и русском языках». В данной работе содержится научная информация об истории возникновения вопроса о словах категории состояния, о степени изученности проблемы в русском и бурятском языках. Здесь представлены дискуссионные положения о данных словах в русском языке, приведены убедительные доказательства русских ученых в пользу выделения данных слов в самостоятельный класс слов. В настоящей работе была предпринята попытка решить вопрос о частеречном статусе бурятских слов категории состояния, исследовать и описать процессы, связанные с формированием, становлением данной группы слов как самостоятельной части речи в бурятском языке, также выделены и описаны подразряды внутри данной группы слов [11].

Укажем, что в настоящее время в бурятской грамматической науке нет систематических исследований слов категории состояния, их лексико-грамматического наполнения, функциональных характеристик, особенностей синтаксического строя. В бурятском языке данный разряд слов продолжает оставаться малоизученным разрядом. Слова категории состояния в системе самостоятельных классов слов бурятского языка не выделяются. Однако некоторыми исследователями признается, что указанные слова имеют свою специфику и соответственно интерес с точки зрения их функционирования в речи. Изучение литературы по грамматике бурятского языка позволяет сделать вывод о том, что слова категории состояния рассматриваются в основном как наречия. Стремление рассматривать данную группу слов как предикативные наречия характерно для работ бурятских ученых Ц. Ц. Цыдыпова [14], Д. Дугар-Жабона [8], предикативами называет данные слова исследователь Д. С. Доржиева [7]. Ц. Ц. Цыдыпов, к примеру, относит к предикативным наречиям следующие единицы: *аргатай, аашатай, баяртай, гайхалтай, жаргалтай, хэрэгтэй, шууяатай* и др. [14, с. 119]. Укажем, что Ц. Ц. Цыдыпов часть рассматриваемых нами слов относит также к разряду имен прилагательных [14, с. 9–99]. Повышенный интерес к данным словам проявляет известный бурятовед Ж. С. Сажин в работе «Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков», в которой он показывал соответствие русских слов категории состояния подобным словам в бурятском языке [10]. Указанные слова Ж. С. Сажин предлагает рассматривать как один из разрядов наречий со значением состояния [10, с. 115–118]. Наречия обладают признаками действия, качества, предмета, синтаксически служат качественным определением действия и выражают обстоятельственные (пространственно-временные и др.) отношения [1, с. 227; 4, с. 293]. Отметим, что в бурятском языке наречия в большинстве случаев расходятся в своем звучании со словами категории состояния. Рассмотрим несколько примеров: *Газаа ехэ халуун / На улице очень жарко* (слово категории состояния) — *Хун зон тэдэнише халуунаар* (наречие) *угтан хүүелдэнэ* (Ябжанов. Насан баабайн баяр) / *Люди встречали их очень тепло;*

Намда үбиэнтэй бэшэ (слово категории состояния) *гэжэ ханаа гуш?* (Мунгонов. Харьялан урдаа Хёлгомнай) / *Ты думаешь, мне не больно? – Одоол энэ үедэ үшөөл тугал ябаһан хури улаан гүйжэ ерээд, эзээ аршалхаяа гуя уруу үбиэнтэйгөөр* (наречие) *мүргэжэрхёо* (Ангархаев. Үүдэ сэлин ороходоо) / *В этот момент подбежал теленок. Он, пытаясь зацтитить своего хозяина, больно боднул в ногу; Намда муу* (слово категории состояния) *байна / Мне плохо – хүмнай муугаар* (наречие) *ээдэнэн хэбэртэй һэн* (Дон. Брынзын санха) / *Молоко будто плохо заквасилось.*

Есть случаи, когда слово категории состояния сходно в своем звучании с наречием: а) *Ой модон соо абья шэмээгүй* (Манзаров. Хоёр нохой) / *В лесу очень тихо; Үшөө эртэ байна ...* (Дон. Хиртэнэн һара) / *Еще рано* — выделенные слова являются словами категории состояния; б) *Нэгэ хэнэг шэмээгүй зогсонобди* (Осодоев. Нүүлшын уулзалга) / *Некоторое время стоим тихо — Шэмээгүй һуу... —*

гэжэ хүгшөөнь ууртайгаар гүбэд гэжэрхибэ (Дамдинжапов. Бишихан партизан / — *Сиди тихо... — сердито проворчала бабушка; Залуу эхэнь үглөө бүри хара эртэ бодолсоод, бэрингээ үнээгээ хаахые урмашан хаража, энхэрүү сэдхэлээ ханаан зогсобошье, оройдоошье хаража ханадаггүй* (Цыдендамбаев. Буряад басаган) / *Свекровь каждое утро вставала рано и с удовлетворением смотрела, как ее невестка доит коров* — выделенные слова выполняют функцию наречий [11].

Наречие как часть речи в бурятском языке так же, как и в русском, обозначает признак действия, признак другого признака, предмета. Соответственно в синтаксической конструкции наречия имеют отношение к глаголу как выразителю действия или состояния, к прилагательному как выразителю признака и к самому наречию как выразителю признака другого признака. Основной синтаксической ролью наречий в предложении является роль обстоятельства (места, времени и т. д.), реже наречия выполняют функцию определения. Учитывая названные признаки наречий, понимаем их лексико-грамматическую разнородность со словами категории состояния.

Итак, слова категории состояния отличаются от наречий, сфера их функционирования различна. «Анализ языкового материала свидетельствует о том, что имя состояния не является просто предикативным вариантом наречия, а имеет вполне самостоятельную «нишу» в грамматической системе. По разнообразию семантики (состояние окружающей среды, разные виды состояний человека, оценка, модальность), по словообразовательной специфике, по грамматическим признакам имя состояния сопоставимо с полноценной частью речи» [11, с. 42].

В 2013 г. издана монография Л. Д. Шагдарова «Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелог, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова)», в которой предлагаются для обсуждения новые темы, в частности, тема выделения слов категории состояния в морфологической системе бурятского языка. Он справедливо отмечает: «В последние столетия бурятский язык подвергался мощному воздействию русского языка, вследствие чего многие грамматические явления обрели много общих черт и стали характеризоваться во многом одинаково» [13, с. 7]. Л. Д. Шагдаров приводит аргументацию в пользу выделения слов категории состояния в самостоятельную часть речи в бурятском языке, иллюстрирует свои суждения яркими примерами [13].

Что касается схожести слов категории состояния с наречиями, то, по мнению Л. Д. Шагдарова, оно проявляется «в их ограниченной способности выражения степеней состояния аффиксальным и аналитическим способами. При аффиксальном выражении безотносительной уменьшительной степени состояния используются суффиксы *-шаг, -хан, -сар, -бар, -бтар*: Ой соо шиигтэйшэг ‘В лесу сыровато’ (возможны *шиигтэйхэн, шиигтэйбэр, шиигтэйсэр*); Мүнөөдэр һэрюүхэн ‘Сегодня прохладненько’ (возможны *һэрюүбтэр, һэрюүншэг* и т. д.) [13, с. 183].

Согласимся с мнениями ученых о том, что вопрос о месте категории состояния в системе частей речи разных языков до сих пор остается открытым, но в то

же время, надо заметить, многие ученые видят в данных словах большой потенциал для выделения их в отдельную часть речи. В связи с этим проблема выделения слов категории состояния в самостоятельный класс слов продолжает оставаться актуальной. Принципиальными вопросами продолжают оставаться вопросы, связанные с основанием их выделения в самостоятельную часть речи (семантические, морфологические, синтаксические признаки), с делением слов категории состояния на подгруппы, а также и с наименованием этой группы слов. Ключевыми вопросами также можно назвать вопросы, связанные с формированием слов категории состояния, с отличиями этих слов от наречий, прилагательных, глагольных форм, с соотносительностью указанных слов. Считаем, что данная категория слов в бурятоведении продолжает испытывать потребность в специальном углубленном изучении и подробном описании. Еще Ж. С. Сажинов в свое время писал, что «современный бурятский язык ждет своих исследователей по решению и этого весьма непростого вопроса» [10, с. 117]. Выскажем предположение о том, что ученые-бурятоведы усилят внимание к словам категории состояния, в связи с чем будут проведены необходимые глубокие теоретические исследования данной группы слов.

Считаем, что в условиях интенсивного сохранения и развития бурятского языка актуальны теоретико-практические исследования в области сопоставительного изучения разноструктурных языков. При сопоставлении грамматической системы бурятского языка и другого языка, например, русского, сильнее проявляются особенности и национальные черты бурятского языка. Безусловно, изучение частеречных свойств бурятских слов категории состояния создает почву для нового взгляда на систему частей речи. Основными критериями выделения слов категории состояния в отдельный класс слов являются следующие: эти слова обозначают состояние природы, человека (*На улице светло. — Газаа сэлмэг байна; Мне плохо. — Намда муу байна*), могут обозначать оценку (*Как красиво в этом лесу! — Энэ ой соо ямар гоё бэ!*), являются неизменяемыми, никаким словам в предложении не подчиняются, имеют единственную синтаксическую функцию предиката. Становление слов категории состояния как самостоятельной части речи происходит на фоне их употребления в высказываниях различного типа.

Представляется, что в бурятском языке рассматриваемая группа слов достаточно продуктивна. На вопрос об истоках и особенностях формирования данной группы слов можно ответить следующим образом. Основой для формирования этой группы слов в бурятском языке, на наш взгляд, являются имена прилагательные, употребляющиеся без суффикса (*харанхы, халуун, уйтан*), с суффиксами *-тай, -тэй, -той* (*аймшагтай, шууяатай, бороотой*), *-бтэр* (*эихэбтэр*), *-гүй* (*аягүй, гэмгүй*), *-шэг* (*хүйтэшэг, бүрэнхышэг*), *-өөр* (*бөөлжэхөөр*). Слова со значением возможности типа *болоно/можно*, со значением отрицания *болохогүй/нельзя* переходят в разряд указанной группы слов из категории глагола [11]. Приведем примеры активного употребления данных единиц: *Газаа харанхы. — На улице темно; Танай таһалга соо халуун байна. — В вашей комнате жарко;*

Намда аймшагтай байна. — Мне страшно; Тэндэ шууяатай байгаа. — Там было шумно; Газаа хүйтэшиг байба. — На улице было холодно; Мүнөөдэр үглөөгүүр бүрэнхыиэг. — Сегодня утром пасмурно.

В значении слов категории состояния могут выступать, по мнению Л. Д. Шагдарова, некоторые причастия и устойчивые глагольные сочетания: *ой гутамаар (тошно), айхаар (боязно), бөөлжэһэн хүрэнэ (тошно), айдаһан хүрэнэ (страшно), жэхыдэһэн хүрэнэ (жутко), хашир хүрэнэ (лень)* [13, с. 182]. Рассмотрим некоторые примеры: *Минии нэгэ бага айдаһан хүрэнэ. — Мне немного страшно; Энэ эдээн тон амтагүй боложо, досоомни аягүй, ой гутамаар байна. — Эта еда была такая невкусная, что мне стало тошно; Энэ үхибүүдтэй нууха дурагүйб, хаширни хүрэнэ. — С этими детьми я сидеть не хочу, мне лень.*

Очевидно, что «слова категории состояния оторвались от соотносительных с ними частей речи, обособились и составили группу слов с новым категориальным значением, новыми морфологическими признаками и синтаксической функцией» [13, с. 185]. Рассматриваемые слова весьма употребительны в языке художественных произведений: *Мүнөө, үдэр гэрэлтэйдэ, зосооньшые уужам... / Сегодня, в этот ясный день, и на душе просторно, светло; хургуулин үндэр ута коридор соо нарагүй, һүүдэгэр, хүйтэн байба / В длинных коридорах школы было темно, холодно; Газаа наратай, ялсагар, жабартай байба / На улице было солнечно, ярко (от снега), морозно* (К. Цыденов. Бусахал даа хабар).

Литература

1. Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 340 с.
2. Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // ВЯ. 1960. № 5. С. 3–18.
3. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. Москва: Высшая школа, 1972. 614 с.
4. Грамматика бурятского языка: фонетика и морфология / ответственный редактор Г. Д. Санжеев. Москва: Изд-во восточной литературы, 1962. 702 с.
5. Дондуков У.-Ж. Ш., Пахутова Е. Г. Учебник бурятского языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 112 с.
6. Доржиев Д. Д. Современный бурятский язык (морфетика). Улан-Удэ: Бэлиг, 2002. 212 с.
7. Доржиева Д. С. К описанию моделей простого предложения в бурятском языке (предложения с именным сказуемым) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: материалы международной научной конференции Улан-Удэ, 2000. Т. 3. С. 71–77.
8. Дугар-Жабон Д. Грамматика бурят-монгольского языка. Фонетика и морфология. Улан-Удэ: Бурят-монг. гос. изд-во, 1949. 154 с.
9. Маслов Ю. С. О категории состояния в болгарском языке // Теория языка, методы его исследования и преподавания: хрестоматия. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1981. С. 172–177.
10. Сажинов Ж. С. Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков (Морфология). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. 144 с.

11. Улазаева Г. В. Имя состояния в современном бурятском и русском языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ, 2004. 171 с.
12. Улазаева Г. В. Функционирование слов категории состояния в разноструктурных языках // Вестник Бурятского государственного университета. Филология, 2016. Вып. 2. С. 28–34.
13. Шагдаров Л. Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелог, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 192 с.
14. Цыдыпов Ц. Ц. Буряад хэлэнэй морфологи. Улан-Удэ: Бурят кн. изд-во, 1988. 192 с.
15. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Русская речь. Ленинград: Academia, 1928. С. 5–28.

BURYAT STUDIES:
WAYS TO NOMINATE THE CATEGORY OF STATE

Ulazaeva G. V.
Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
diskurs@mail.ru

Abstract. The article raises the question of the words of the category of state in Buryat studies. The problem of knowledge and elaboration of the words of the category of state in the Russian language is briefly described. In the Buryat grammatical science, the indicated category of words still belongs to the little-studied categories. A brief analysis of the literature on the study of words of the category of state in the Buryat language is given. The appearance of this group of words is explained by the laws and needs of thinking, and the formation from other parts of speech is explained by the internal laws of the development of the language, which made it possible to confine ourselves to forms already existing in the language. The article deals with the lexical and grammatical features of the words of the category of state and adverbs, the features of their meaning, usage, their difference. The study of the part-speech properties of the Buryat words of the state category creates the ground for deepening the existing ideas about the nature of the parts of speech.
Keywords: system of parts of speech, words of the category of state, adverbs, usage features, Buryat language.

УДК 81–31

РИЗОМА КАК МОДЕЛЬ ТЕКСТОВОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО РОМАНА

© **Бобкова Наталия Георгиевна**

учитель,

Лингвистическая гимназия № 3 г. Улан-Удэ

г. Улан-Удэ, Россия

natalia_bobkova_uu@mail.ru

Аннотация. В центре внимания автора статьи рассматривается литературоведческое понятие ризомы как одно из ключевых понятий постмодернизма. «Корневище» романов писателей-постмодернистов четко проявляет себя в таких концепциях, как аллюзия, реминисценции, цитатность, коллажность, фрагментарность, нелинейность повествования, смешение жанров и стилей. Многоуровневость постмодернистских текстов порождает их двуадресность, создает возможность диалога элитарной и массовой культур.

Образ библиотеки-лабиринта как синонима ризомы в литературе используют современные писатели в постмодернистском романе или романе-ризоме, где размываются «корневища» разных жанров с целью выразить цикличность человеческой культуры, показать духовный поиск как лабиринт, в котором невозможно найти истину. Рождается современный роман, представляющий собой весь комплекс «постмодернистской чувствительности».

Ключевые слова: ризома, постмодернистский роман, библиотека-лабиринт, аллюзия, реминисценция, культурные коды, «двойное кодирование».

Введение

Актуальность темы исследования. Последние десятилетия XX в. открывают в мировой литературе новый этап, на котором ведущим направлением становится постмодернизм. Новая стадия историко-культурного развития отличается стремительной динамикой, сменой эстетических ориентиров, кардинальным обновлением литературных приемов. Литературное творчество выходит на новую стадию развития, основанную на предыдущем культурном опыте, экспериментируя в большей степени со структурной стороной художественного текста. В связи с этим исследователи все чаще говорят о базовых текстовых стратегиях современных авторов-постмодернистов, значимой среди которых является концепция ризомы. Ризома как принцип художественного мышления, в основе которого лежит «двойное кодирование», находит свое отражение в таких приемах, как аллюзия, реминисценция, цитатность, коллажность, фрагментарность, нелинейность повествования, смешение жанров и стилей. Современные писатели, соединяя в своем творчестве сюжетные линии писателей разных эпох, искусно имитируя их стиль, комбинируя в собственном творчестве уже написанное, уже знакомое, порождают при этом новые смыслы. Таким образом, создается новый

тип многомерного произведения, в котором «закодированы» разные культурные коды. Все филологические загадки разгадать под силу лишь особому типу читателей, обладающему «литературной компетенцией», лингвистическими и литературными навыками для понимания и интерпретации художественного текста или многомерного романа, рассчитанного на разную рецепцию читателя. С помощью «двойного кодирования» разный тип читателей может прочесть (раскодировать) ровно столько, сколько ему позволяют образование, начитанность, уровень интеллектуального развития.

Цель исследования — определить «ризому» (корневище) произведений современных писателей-постмодернистов (Б. Акунин).

Объектом исследования является творчество современных писателей У. Эко, Б. Акунина.

Предмет — ризома как модель текстовой структуры современного постмодернистского романа.

В статье используются сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический **методы**.

Ризома (фр. *rhizome* «корневище») — одно из ключевых понятий философии постмодернизма, введенное французскими философами Жилем Делезом и Феликсом-Пьером Гваттари в 1974 г. в совместной книге «Ризома». Под ризомой французские исследователи понимают специфическую форму корневища, не обладающую четко выраженным центральным и подземным стеблем: *«семиотическое звено как клубень, в котором спрессованы самые разнообразные виды деятельности — лингвистической, перцептивной, миметической, жестикуляционной, познавательной; его универсальности не существует, мы видим лишь состязание диалектов, говорюв, жаргонов, специальных языков...»* [Гваттари, 1996, с. 52]. Ж. Делез и Ф.-П. Гваттари использовали метафору ризомы в противовес понятию структуры как четкой системы и иерархически упорядоченной организации природных, социальных, научно-логических и культурных явлений.

Известно, что синонимом ризомы в литературе является образ библиотеки-лабиринта. Литературоведы говорят о том, что писателей второй половины XX в. привлекают метафоры аргентинского писателя, поэта и публициста Хорхе Борхеса (1899–1986): лабиринт, зеркало, время, буква, книга, библиотека, чтение. Так, образ ризомы — запутанного лабиринта разных типов культур использовал итальянский писатель, семиотик У. Эко в романе «Имя розы». Центральная тема романа — библиотека сконструирована писателем в форме лабиринта и отсылает к аллюзии художественных образов аргентинского писателя: «Лабиринт — любимая борхесовская метафора, и всякий раз — это система, основанная на строгих правилах и подчиняющаяся законам Высшего Порядка, Предопределения, Провидения. В поисках смысла герои Х. Борхеса непременно достигают смыслового центра абсолютно любого, пусть даже чрезвычайно запутанного лабиринта, тем самым до конца сыграв предназначенную им роль» [Киреева, 2014, с. 105].

Заметим: автор романа «Имя розы» создал библиотеку по аналогии библиотеки Х. Борхеса и предложил свой вариант лабиринтов: классический лабиринт Минотавра, в котором все пути изначально ведут к центру; «маньеристический» лабиринт с разветвленными коридорами, множеством тупиков и единственной дорогой к выходу; лабиринт-ризому, где нет центра, периферии, выхода, но каждая дорожка пересекается с другой. Открытие заново средневековых, «стародавних кодов» в этом романе с точки зрения постмодернизма не филологическая забава: главным становится «изобретение новых», а не воскрешение старых кодов. Прыжок в прошлое оказывается прыжком в будущее. Циклическая ловушка истории уступает место проектированию будущего. Реконструкция прошлого не происходит, но при этом рождается современный роман, представляющий весь философский комплекс «постмодернистской чувствительности» («мир как текст», ощущение «мира как хаоса», сопровождающееся «кризисом веры», представлением об отсутствии объективной истины). У. Эко пишет роман «Имя розы»: исторический — не исторический, детективный — не детективный, средневековый — не средневековый, в конечном итоге — постмодернистский роман, роман-ризому, в котором размываются «корневища» указанных жанров с одной целью: выразить цикличность человеческой культуры, показать духовный поиск как лабиринт, в котором невозможно найти истину. Картина мира благодаря этим приемам предстает как хаос, где нет и не может быть центра, а текст как игра смыслов, «вавилонская библиотека» цитат, аллюзий, обрывков кодов, сами же пародируемые жанры — «ворота смысла» — еще одно доказательство человеческих заблуждений [Бобкова, 2010, с. 24].

Русский постмодернизм использует приемы западной постмодернистской эстетики. Самый популярный писатель конца XX в. — начала XXI в. в отечественном литературоведении Б. Акунин (признан иностранным агентом в РФ) эксплуатирует постмодернистскую технику письма западных теоретиков. Так, например, образ библиотеки и лабиринта, а также некоторые сюжетные линии знаменитого романа итальянского мэтра Б. Акунин ретранслировал в одном из своих рассказов фандоринского цикла «Перед концом света» в сборнике «Нефритовые четки». Выделим сходство сюжетных линий:

У. Эко роман «Имя розы»	Б. Акунин «Перед концом света» из сборника «Нефритовые четки»
Прославленное аббатство бенедиктинцев в Северной Италии, знаменито как церковными богатствами, так и редчайшей библиотекой, где собраны редкие произведения античности средних веков.	Староверческие деревни, в которые приезжают герои Б. Акунина, впечатляют размерами построек. Дома в два с половиной этажа, с десятком окон по фасаду. Опрятность и ухоженность царят повсюду. Жители, как и монахи монастыря, «работяги», придерживающиеся строгого порядка.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЯЗЫКА — РЕЧИ — МЫШЛЕНИЯ

<p>Хорхе слепой, фанатик своей идеи, под маской хранителей древних учений не гнушается убийствами тех, кто стоит у него на пути.</p>	<p>Кирилла приняла пожизненный старообрядческий обет с ношением черной повязки на глазах, что равносильно слепоте. Фанатична в достижении своей цели.</p>
<p>Вильгельм Баскервильский по просьбе аббата монастыря расследует череду убийств. Главному герою не удается предотвратить преступления, но причину и виновника их он раскрывает в конце романа.</p>	<p>Начало рассказа «Перед концом света» начинается как пародия на знаменитый роман итальянского писателя. Как и Вильгельм Баскервильский, Фандорин с несколькими спутниками приезжает в старообрядческие деревни, где или уже совершено преступление, или совершится. Надежды, которые возлагает на Вильгельма настоятель монастыря, не оправдываются. К месту преступления он приходит слишком поздно. Его глубокомысленные умозаключения не предотвращают ни одного из всей цепи преступлений. Старообрядцы продолжают сооружать «мины» и закапываться в них вместе со своими семьями, оставляя при этом посмертные записки, которые и заставляют Фандорина искать истинного виновника, наталкивающего суеверных жителей на самоубийство.</p>
<p>Ни у Хорхе, ни у Кириллы коварный замысел не имеет успеха, так как главные герои оказываются в конце романа умнее своих противников. Хорхе поджигает библиотеку и в конечном итоге сгорает в ней сам.</p>	<p>В основе интеллектуального поединка между Фандориным и Кириллой, смысл которого раскрывается на последних страницах рассказа лежит борьба за жизнь детей. В интеллектуальной схватке Кириллы, убеждающей детей выбрать черного голубя, и Фандорина, убеждающего выбрать белого, побеждает желание жизни, желание вернуться к своим родным, – познание еще неизведанного. И тот и другая погибают в схватке с противником. Кирилла погибает в сооруженной ею же мине. Добро в конечном итоге побеждает зло.</p>
<p>Баскервильский расшифровывает различные знаки, оставленные на месте преступления.</p>	<p>Фандорин расшифровывает различные знаки, оставленные на месте преступления, в том числе и предсмертные записки старообрядцев.</p>
<p>Хорхе — ученый, живущий среди книг, хранит редкие книги в библиотеке, не давая туда никому доступа. Несмотря на слепоту, он запоминает наизусть огромное число текстов, хранит их, но не помогает</p>	<p>Кирилла переписывает и зарисовывает старинные книги. Сказительница, ходящая по деревням и проповедующая на память те знания, которые получила, будучи зрячей, употребляет их с целью увлечь детей мыс-</p>

ученым монастыря создавать новые. Монахи переписывают, переводят старинные рукописи, которые предлагает им для работы Хорхе. Следовательно, библиотека монастыря — это место, где только хранятся старинные рукописи, редкие книги, но не создаются новые.	люю о скорейшей смерти. Роль знаний у Кириллы — приносить зло окружающим. Кирилла, проповедуя сказки, старинные писания мудрецов, выворачивает их наизнанку и преподносит жителям, а главное, маленьким детям в ином свете с целью осуществления своей «миссии» — забрать детей в загробный мир.
В скрипториуме библиотеки монахи-писцы и миниатюристы переписывают рукописи гениальных творцов.	Старообрядцы — книгочеи, знающие церковнославянское евангелие, переписывают старинные книги каллиграфическим почерком.
Сыщик пытается спасти горящую библиотеку и книги.	Фандорин спасает горящий общинный дом, нечто вроде библиотеки, где собирались жители деревни и читали книги. Соборная сгорает дотла, как и средневековый монастырь.

Как видим, образы Хорхе и матери Кириллы имеют много общего. Роль знаний у обоих одинакова — приносить зло окружающим. Кирилла, проповедуя сказки, старинные писания мудрецов, выворачивает их наизнанку и преподносит жителям, а главное, маленьким детям в ином свете с целью осуществления своей «миссии» — забрать детей в загробный мир. Знания и Хорхе, и Кириллы не несут в себе положительный заряд на зарождение новых текстов, новой жизни. Баскервильский и Фандорин — это олицетворение добра, милосердия, справедливости, жизни, а Хорхе и Кирилла — зла и фанатизма.

Результаты исследования. Исследовано своеобразие концепта ризомы в творчестве современных писателей-постмодернистов У. Эко и Б. Акунина. Проанализированы романы «Имя розы», «Остров накануне» и цикл романов о сыщике XIX в. Эрасте Фандорине. Концепт ризомы, в основе которой лежит прием «двойного кодирования», используют знаменитые писатели в своих многоуровневых постмодернистских текстах, что, в свою очередь, порождает их двуадресность, создает возможность диалога элитарной и массовой культур: роман «Имя розы» можно прочитать и как детектив, и как философский роман. Постмодернистский дискурс позволяет Б. Акунину апеллировать к разной рецепции читателей: массовой и элитарной. Любитель авантюры заинтересуется приключениями, распутыванием детективного «клубка». Ценитель классической литературы оценит поэтику аллюзий и реминисценций из классической литературы. Почитатели истории вдохновятся атмосферой 19-го столетия.

Выводы. Ведущим направлением в мировой литературе XX в. является постмодернизм, который наиболее ярко проявил себя в художественном творчестве. Базовые текстовые стратегии современных авторов базируются на концепте ризомы, рождается многомерный тип романа, роман-ризома, в котором главная роль отводится таким приемам, как игра, интертекстуальность, аллюзия, реми-

нисценция, т. е. весь философский комплекс постмодернизма. Образ ризомы как запутанного лабиринта разных типов культур используют современные писатели (У. Эко, Б. Акунин, Д. Фаулз, К. Исигуро и др.) с целью выразить цикличность человеческой культуры.

Практическая значимость статьи заключается в том, что материал статьи может найти практическое применение при разработке программ лекционных курсов, спецкурсов и спецсеминаров филологического факультета, а также учебных пособий при написании студентами курсовых и дипломных работ.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в рассмотрении жанрового своеобразия детективных романов писателя, так как жанровая индексация является также одним из приемов постмодернистской игры с читателем, где постмодернистская игра — стержневое понятие поэтики Б. Акунина.

Литература

1. Акунин Б. Нефритовые четки. Москва: Захаров, 2007. 704 с.
2. Бешукова Ф. Б., Хачмафова З. Р. Постмодернистские текстовые стратегии в пространстве литературной коммуникации // Вестник АГУ. 2017. Вып. 3(202). С. 108–113.
3. Бобкова Н. Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Б. Акунина о Фандорине и Пелагии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 25 с.
4. Гваттари Ф. Ризома. Философия эпохи постмодернизма. Минск. 1996. 52 с.
5. Киреева Н. В. Постмодернизм в зарубежной литературе: учебный комплекс для студентов-филологов. Москва: Литагент Флинта, 2014. 216 с.
6. Кучменко М. А. Принцип ризомы как структурообразующий фактор постмодернистского текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение, 2014. С. 112–122.
7. Макаркин А. В. Россия, которой мы не теряли. Борис Акунин создает эпос нового типа // Сегодня. 2008. № 7. С. 5.
8. Постмодернизм. Словарь терминов. URL: <https://postmodernism.academic.ru/112/%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%BC%D0%B0> (дата обращения: 16.07.2023).
9. Эко У. Остров накануне / перевод с итальянского и предисловие Е. А. Костюкович. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2005. 512 с.
10. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». Астрель, 2011. 157 с.

RHIZOM AS A MODEL OF THE TEXT STRUCTURE OF A MODERN POSTMODERN NOVEL

Bobkova N. G.

Teacher,

Linguistic Gymnasium No. 3 of Ulan-Ude

Ulan-Ude, Russia

natalia_bobkova_uu@mail.ru

Abstract. The author of the article focuses on the literary concept of rhizome as one of the key concepts of postmodernism. The "rhizome" of novels by postmodernist writers clearly manifests itself in such concepts as allusions, reminiscences, citation, collage, fragmentation, non-linearity of narration, mixing of genres and styles. The multilevel nature of postmodernist texts gives rise to their duality, creates the possibility of a dialogue between elite and mass cultures.

The image of the library - labyrinth as a synonym for rhizome in literature is used by modern writers in the postmodern novel or novel-rhizome, where the "roots" of different genres are eroded in order to express the cyclical nature of human culture, to show the spiritual search as a labyrinth in which it is impossible to find the truth. A modern novel is born, which is the whole complex of "postmodern sensibility".

Keywords: rhizome, postmodern novel, library-labyrinth, allusions, reminiscences, cultural codes, "double coding".

ПЕРЕВОД КАК НЕОДНОЗНАЧНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'25

СОВРЕМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ПЕРЕВОДА КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА НОВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ДИДАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

© **Убоженко Ирина Вячеславовна**

кандидат филологических наук, доцент,

Московский государственный институт международных отношений (университет),

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

г. Москва, Россия

iubojenko@hse.ru

Аннотация. Современная полифункциональная индустрия перевода напрямую влияет на процессы трансформации профессии переводчика, все больше актуализируя ее высококонвергентную специфику. Дидактика перевода концентрирует сегодня свои подходы к образовательным методикам и программам вокруг новых направлений подготовки переводческих кадров. Основные перспективы реализации главных концептуальных векторов действующего в России профессионального стандарта специалиста в области перевода доказали необходимость создания эффективных платформ и иных локаций апробации документа на образовательном пространстве нашей страны. Проектное обучение и осознание фундаментальности исследовательской деятельности как универсального навыка, способствующего синергетическому развитию переводческой деятельности, обеспечивают качество управления переводческими процессами как эффективными инструментами кросс-культурной медиации на новом цифровом уровне технологий и с учетом разноплановости современных посреднических форматов коммуникации.

Ключевые слова: профессиональный перевод, дидактика перевода, исследовательские парадигмы современного переводоведения.

Введение

В качестве фундаментальной преамбулы к ключевым постулатам данной статьи предлагается идея сопряженности современного нового технологического уклада с текущими дискуссиями о возможностях и перспективах роботизации переводческой деятельности, осуществляемой в разноплановых форматах межкультурного посредничества и медиакоммуникаций [Убоженко, Рубцова, 2023]. Стремительный рост технологизации переводческих процессов на всех уровнях требует осознания значимости управления качеством готового переводческого продукта, особенно при решении задачи упрощения и ускорения труда переводчика в условиях постоянно растущих объемов исходной информации.

Технологический уклад современной жизни человека распространился не только на экономическую сферу его жизнедеятельности, но все агрессивнее затрагивает как личное и межличностное, так и профессиональное пространство нашего разумного существования на планете. Как известно, в любую историческую эпоху революция технологий неизбежно сопровождалась цивилизационным кризисом. Сегодня мы наблюдаем аналогичную ситуацию: мировые цивилизации претерпевают глобальные изменения своих геополитических систем, что сопровождается глубинным кризисом ценностных установок во всех сферах индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека. Особенно чувствительно ощущается вторжение на глазах захватывающих мир цифровых технологий в наше личное пространство, где они активно и часто намеренно манипулятивно влияют на разные области нашей жизни, заставляя нас пересматривать свое отношение и восприятие к ее событиям и реалиям.

В связи с этим попытаемся проанализировать, какие именно парадигмальные перспективы в современных условиях могли бы оказаться продуктивными и прогрессивными для развития перевода и переводоведения как профессиональной сферы деятельности. На мой взгляд, такой базовой парадигмой сегодня должен, может и уже является интерпретативно-**творческий** подход в рамках когнитивного направления переводческих и переводоведческих исследований [Убоженко, 2016; Ubozhenko, 2020]. Традиционное рассмотрение процесса перевода как языкового перекодирования или кросс-культурной коммуникации уверенно заместилось сдвигом научного ракурса внимания на изучение когнитивных аспектов деятельности переводчика как специалиста, где фокус нацелен не на изучение передачи смысла исходной единицы перевода переводящей единицей, а сконцентрирован на передаче *смысла одной порции информации* другой порцией информации. Именно **когнитивное переводоведение** устойчиво оперирует термином «порция информации», позволяя качественно и критически оценивать окружающее нас информационно-технологичное пространство. Транслируя условное исходящее информационное поле в информационное поле переводящее, профессиональный переводчик продолжает реализовывать классический инструментальный функционал перевода, однако совершенно очевидно преодолев строго лингвистические рамки понимания алгоритмов этого процесса и выводя их в потенциально богатую исследовательской инноватикой междисциплинарную плоскость (рис. 1). Когнитивная парадигма, предполагающая в том числе интерпретацию переводческого решения как решения нестандартного/творческого/транскреативного, дает возможность по-новому взглянуть на процессы межкультурной коммуникации в их межцивилизационном понимании [Ubozhenko, Lefanov, 2022; Убоженко, 2023]. Убеждена, что профессиональная миссия переводчика сегодня, не больше и не меньше, заключается в том, чтобы выстроить новые мосты и постараться в своей зоне профессиональной ответственности обеспечить культурно-цивилизационное благополучие существования как отдельных людей, так и их групп в современном мире, где сохранение индиви-

дуальных и коллективных языковых и культурно-ценностных идентичностей никак не препятствует их гармоничному развитию в глобальном социуме.

Следовательно, современная обстановка, характеризующаяся высокой плотностью технологичности и роботизации, диктует нам сверхсложную профессиональную задачу гуманитарного уровня: необходимо выяснить, каким образом и с помощью каких инструментов продолжать транслировать внутри и вовне и сохранять ценностные идентичности своей и чужих культур, с языками цивилизаций которых мы традиционно работаем; как преодолеть описанный выше т.н. ценностный «кризис вторжения» и размывания границ и одновременно *адаптироваться локально, не дистанцируясь* и не отрываясь *от глобальных* тенденций, к новым условиям того кросс-культурного пространства, в котором мы реализуемся как специалисты.

Теоретические рамки исследования

Первое теоретическое положение, которое необходимо озвучить, заключается в понимании технологического прогресса как пространства разного рода событийной и эмоциональной информации, где авторитетные эксперты указывают и признают эмпатию и эмоциональный интеллект в качестве ключевых мягких навыков специалиста, которому приходится встраиваться в экосистемы современных маркетинговых технологий и экономических структур. Полагаю, что в этой логике неуклонно возрастает педагогическая миссия преподавателей перевода, первоочередной задачей которых становится *отбор и конструирование позитивного и развивающего информационного поля* внедрения своих методик и дидактических проектов. Информационное пространство сегодня изобилует и перегружено негативными, агрессивными, токсичными дискурсами, а значит, управление переводческими проектами и процессами не может игнорировать данный факт. Одним из способов преодоления данного фактора ценностного кризиса, обозначенного ранее, является тщательный подбор учебного материала, который должен преследовать цель воспитания гармонично развитой личности и овладения навыками избегания негативного воздействия подобного манипулятивного контента на аудиторию. Не менее важно и самому преподавателю уметь преодолевать и сознательно блокировать направленное на него прагматическое воздействие негативной информации.

Второй теоретический постулат нашего подхода связан непосредственно с образовательной подготовкой специалиста в области перевода. Данная профессия официально существует в нашей стране уже в течение двух лет, поскольку закреплена в профессиональном стандарте, легализующем деятельность переводчиков и специалистов в области перевода в терминах Министерства труда и социальной защиты [Александрова, Берендяев и др., 2019]. *Целью нашей трудовой деятельности в профессиональном стандарте обозначено создание качественного перевода.* Следовательно, очерчиваются два ключевых вопроса, требующих нашего особого внимания в данный момент: это проблема понимания в современных реалиях обновленного тезауруса понятия «качество перевода» и проблема алгоритмизации управления переводческими процессами и проектами.

Заказчику перевода по-прежнему важно получить качественный финальный продукт, но классическая шкала переводческих ошибок, описанная неоднократно в лингвистических учебниках прошлого века, оставаясь действенной, больше не является исчерпывающей, поскольку сам перевод стал другим.

Эмпирическая апробация

Имплементация профстандарта подробно представлена в проведенном нами исследовании, опубликованном в прошлом году, поэтому в данной статье излагается краткий обзор полученных результатов [Чистова, Убоженко, 2022]. Перевод как процесс стал мультифункциональным, мультидисциплинарным и мультипрагматическим, т. е. имеющим разные прагматические задачи, а значит, разные степени качества с точки зрения принципов прагматической адекватности. Специалисты, владеющие навыками управления процессами — когнитивными и производственно-технологическими, и достижения такого рода качества сегодня высоко востребованы.

Рис. 1

Современный переводчик — это по-прежнему человек, выполняющий свою основную функцию обеспечения коммуникативного взаимодействия и/или языкового, кросс-культурного и кросс-цивилизационного посредничества, который профессионально действует, в том числе с помощью машины. *Современный перевод* — это по-прежнему инструмент осуществления такого вида коммуникативного взаимодействия.

Исследовательский вопрос: «Как оценить качество данного коммуникативного взаимодействия и степень его результативности?» Для целей теоретического осмысления полагаю целесообразным развести два данных понятия в соответствующие традиционные плоскости процессуального и результативного как билатеральных признаков дефиниции перевода, обозначив *качество* как *критерий процесса перевода*, а именно: алгоритмической последовательности достижения этого качества. Под *результативностью* же предлагаю понимать

ПЕРЕВОД КАК НЕОДНОЗНАЧНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

эффективность полученного результата, которую возможно измерить с помощью определенных *маркеров*: таким образом *качественная процедура* получает *процессуальные характеристики*, а на выходе требуется оценить *эффективность результата* как степень адекватности выполнения поставленной задачи, что в компаниях, как правило, осуществляется менеджерами по оценке качества с применением конкретных *качественных метрик* [Убоженко, Рубцова, 2023] (рис. 2).

Рис. 2

В результате, разграничив понимание качественной кросс-культурной коммуникации и эффективной кросс-культурной коммуникации, где классическим посредническим мостиком выступает инструмент перевода, мы сосредоточиваем внимание на разработке нового наполнения привычных нам, в терминах тезауруса оценки качества перевода, понятий, а именно: понятий процессуальных маркеров и критериев результативности перевода, концептуальное наполнение которых в современных условиях изменилось.

Рис. 3

Высказанные ранее отправные точки предлагаемой нами модели критериев оценки качества перевода логически обуславливают необходимость переосмысления возможностей индивидуальных образовательных и исследовательских траекторий подготовки переводческих кадров (рис. 3). Отчетливо осознавая всю сложность административных и бюрократических аспектов такого переосмысления, позволю себе высказать только один тезис, в настоящий момент получивший подтверждение на практике и признаваемый экспертами отечественной переводческой индустрии: технологически опосредованная человеческая коммуникация совершенно очевидно представляет собой уже сейчас элитный сегмент индустрии перевода как по причине нечастой востребованности и дороговизны подобных заказов, так и в силу кадрового голода, объясняемого ограниченностью трудовых ресурсов, способных решать когнитивно нагруженные и творческие задачи повышенной сложности. Наряду с этим все больше расширяется сегмент т. н. массовых дискурсов, требующих перевода, запрос на качество которых не отличается особой взыскательностью заказчика в плане стилистики и эстетики, с выполнением перевода которых вполне приемлемо справляется машина. Данная ситуация ставит перед преподавателями перевода сложную педагогическую и дидактическую задачу: следует разработать полноценные подходы к подготовке переводческих кадров, знающих механизмы использования автоматизированных средств перевода, но обязательно владеющих мягкими и высокоадаптивными, гибкими «человеческими» навыками, дающими возможность специалистам одновременно и ориентироваться в достижениях технологического прогресса, и при этом уметь осуществлять собственно прямую человеческую коммуникацию без применения цифрового, компьютерного и нейросетевого или иного интерфейса [Гоппен, Убоженко, 2023].

Результаты и выводы

1. Профессиональный стандарт раскрывает перед образовательными структурами многочисленные возможности [Ubozhenko, 2022]. Реализуемая апробация переводческого профстандарта демонстрирует трансформацию производственных процессов в переводческой отрасли, что связано, в свою очередь, с модификацией когнитивной деятельности переводчика. Показанный в проведенном монографическом исследовании современный срез профессии, обрисованный на пересечении компетентностного, проектно-деятельностного подхода к использованию цифровых технологий, предлагает новые грани исследования профессии переводчика не только в области дидактики, но и в теории перевода, а также в смежной сфере менеджмента междисциплинарных лингвистических и собственно переводческих проектов [Чистова, Убоженко, 2022].

2. Изучение трансформационных процессов, происходящих в переводческой отрасли, позволило предложить новую эко-когнитивную модель переводческой деятельности, иллюстративно доказывающую кардинальные изменения в профессии синхронного переводчика [Чистова, Убоженко, 2022].

3. Профессиональный стандарт специалиста по переводу является интегрированной дорожной картой развития отечественного образовательного и профес-

сионального пространства переводческой специализации, поскольку предлагает рамку квалификаций, помогающую вузам сориентироваться в том, какие программы целесообразно реализовывать в ответ на запросы рынка [Чистова, Убоженко, 2022].

4. Переводчик-исследователь убедительно заслуживает статуса универсальной и конвергентной профессии будущего: знания и умения, закрепленные в профессиональном стандарте переводчика, методически коррелируют с дидактическим методом проектного обучения, в рамках которого исследовательская деятельность проявляется в качестве базового навыка, обеспечивающего дальнейшее системное развитие переводческой профессии [Чистова, Убоженко, 2022].

Литература

1. Перевод и локализация: опыт разработки профессионального стандарта / Е. М. Александрова, М. В. Берендяев, К. А. Васильева [и др.]. Красноярск: Изд-во Сибирского федер. ун-та, 2019.
2. Гоппен А. С., Убоженко И. В. Заменит ли нейросеть переводчика? Изучение творческих решений в машинном переводе // *Didactica Translatologica*. 2023. № 2. С. 23–39.
3. Убоженко И. В. О когнитивном моделировании интуиции и творчества в переводе: интерпретативно-семиотический подход // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2016. № 4. С. 122–141. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2016.410>.
4. Убоженко И. В. Творчество как интеллектуальный ресурс новаторского мышления (на примере переводческой деятельности в дидактическом аспекте) // *Человеческий капитал*. 2023. № 2(170). С. 174–181. DOI: 10.25629/НС.2023.02.21.
5. Убоженко И. В., Рубцова С. Ю. Трансмедийный проект как формат творческой коммуникации: процессуальные механизмы и маркеры результативности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023. № 20(2). URL: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.209>.
6. Чистова Е. В., Убоженко И. В. Перевод: актуальные научные и профессиональные траектории. Красноярск: Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2022.
7. Ubozhenko I. Cognitive Political Discourse Analysis: Creative Translation Teaching Case [Когнитивный анализ политического дискурса: обучение поиску творческих переводческих решений] // *Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities & Social Sciences*. 2020. Vol. 13, No. 3. P. 363–374.
8. Ubozhenko I. V. Prospects for Translation Development in Russia: Occupational Standard as a Trigger for Newer Professional Tracks // *Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: материалы VI Международной научно-практической конференции (Елабуга, 21 октября 2022 г.)*. Елабуга: Изд-во Елабужского ин-та КФУ, 2022. P. 246–249.
9. Ubozhenko I. V., Lefanov D. S. Blending Processes in Translation: Modelling the Cognitive Mechanisms Behind Translation Decision Didactics // *Синергия языков и культур — 2021: междисциплинарные исследования*. Санкт-Петербург, 2022. С. 548–560.

MODERN TRANSLATION INDUSTRY AS A PROFESSIONAL SYSTEM
OF NEW RESEARCH AND DIDACTIC CHALLENGES

Irina V. Ubozhenko

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),

National Research University Higher School of Economics (HSE University)

Moscow, Russia

iubojenko@hse.ru

Abstract. The modern multifunctional translation industry directly influences the transformation processes of the translator's profession, increasingly actualizing its highly convergent specifics. Translation didactics today concentrates its approaches to educational methods and programs around new fields of translation training. The major prospects for the implementation of the core conceptual vectors of the professional standard of a specialist in translation in Russia proved the need to create effective platforms and other locations for testing the document in the educational space of our country. Project-based learning and awareness of the fundamental nature of research work as a universal skill contributing to the synergetic development of translation activities ensure the management quality of translation processes which, with the diversity of modern communication formats, have been the effective tools of cross-cultural mediation at a new level of technology and digitalization.

Keywords: professional translation, translation didactics, research paradigms in modern translation.

УДК 81'25

**ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ДИСКУРСИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА**

© **Волкова Татьяна Александровна**

доктор филологических наук, доцент,

Нижегородский государственный лингвистический университет

имени Н. А. Добролюбова

г. Нижний Новгород, Россия;

Московский педагогический государственный университет

г. Москва, Россия

tatia.volkova@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрен дидактический потенциал дискурсивно-коммуникативной модели перевода: основные принципы применения модели в обучении письменному и устному переводу, необходимые понятия и определения и концепция соответствующего учебного курса.

Ключевые слова: дискурсивно-коммуникативная модель перевода, дискурсивное досье, стратегия перевода, дидактика перевода, письменный перевод, устный перевод.

В настоящей статье мы обращаемся к дидактическому потенциалу дискурсивно-коммуникативной модели в письменном и устном переводе. В современных исследованиях дискурсивному подходу к обучению переводчиков отводится заметная роль. Н. Н. Гавриленко справедливо подчеркивает важность дискурсивной компетенции переводчика [Гавриленко, 2021, с. 164]. Введенное нами в научный оборот понятие «дискурсивное досье», о котором пойдет речь ниже, развивается П. П. Дашинимаевой в русле «объемной интерпретации» [Дашинимаева, 2023].

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода в определенной степени стала ответом на следующий вопрос, связанный с подготовкой переводчиков: «Как помочь начинающим лингвистам-переводчикам оптимально использовать в процессе перевода методы анализа текста (в самом широком смысле) и соответствующие концепции, с которыми они знакомятся в процессе обучения, — в частности, значительный пласт исследований институционального дискурса, имеющих прикладное значение?».

В первую очередь обратимся к основным понятиям и определениям, релевантным для дальнейшего изложения [Волкова, 2022].

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода — объяснительная интерпретативная модель, основанная на взаимосвязанных уровнях текста, дискурса, коммуникации и действительности.

Уровень текста: дискурсивные характеристики исходного текста (авторство, адресность текста, нарратив) и его лингвистические (лексико-семантические, синтаксические, стилистические, прагматические) особенности.

Уровень дискурса: цели дискурса, узловые точки, ценности, тематика (поле), участники (направление), хронотоп дискурса, интердискурсивность (полидискурсивность).

Уровень коммуникации: типовые свойства, функции и стратегии коммуникации.

Уровень действительности: предметная ситуация и предметная область, к которой относится исходный текст.

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода позволяет точнее оценить и детальнее проанализировать исходный текст, принять более осознанные решения в отношении структуры, стилистики, прагматики текста перевода, выделить доминанты перевода. Модель структурирует процесс разработки переводчиком стратегии перевода и определяет принимаемые переводчиком решения на различных уровнях.

Стратегия перевода определяется как открытая система целенаправленных профессиональных, динамических, логически взаимосвязанных, последовательных универсальных и индивидуальных действий переводчика (приемов, переводческих решений). Стратегия перевода вариативна, индивидуальна (но не уникальна), формулируется (в устном переводе — прогнозируется) для конкретного исходного текста по схеме «особенности исходного текста — трудности перевода — переводческие решения — стратегия перевода».

Дискурсивное досье — форма представления результатов анализа исходного текста с применением дискурсивно-коммуникативной модели перевода, основа для формулирования (в устном переводе — прогнозирования) стратегии перевода; может использоваться для анализа результатов перевода. Досье составляется для конкретного или прогнозируемого исходного текста, однако может иметь типичные характеристики.

Дискурсивное досье является вспомогательной формой работы на занятии по письменному или устному переводу. Основной задачей остается выполнение обучающимися собственно перевода в соответствии с установленными требованиями к его качеству.

Применение модели в письменном и устном переводе представлено на схеме 1.

ПЕРЕВОД КАК НЕОДНОЗНАЧНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Схема 1

*Применение дискурсивно-коммуникативной модели
в письменном и устном переводе*

Письменный перевод	Устный перевод
Переводческий анализ	Предпереводческий анализ
Формулирование стратегии перевода	Прогнозирование стратегии перевода
Анализ результатов перевода	Анализ результатов перевода
Использование модели на всех этапах перевода	Использование модели на этапах подготовки и анализа результатов
Дискурсивное досье для формулирования стратегии перевода и анализа результатов перевода	Дискурсивное досье для подготовки к устному переводу, в т. ч. освоения жанра (типа) ИТ, и анализа результатов перевода

Применение модели в *письменном переводе* охватывает переводческий анализ по параметрам модели, формулирование стратегии перевода, анализ результатов перевода. Письменный перевод предполагает использование модели на всех этапах перевода: часть переводческих решений намечается и/или принимается в ходе переводческого анализа, часть принимается и/или корректируется на стадии поиска, отдельные решения могут быть приняты или скорректированы на стадии анализа результатов. Дискурсивное досье служит основой для формулирования стратегии перевода и может использоваться для анализа результатов перевода.

Стратегия перевода строится по следующей схеме:

переводчик выделяет в исходном тексте особенности на различных уровнях в соответствии с дискурсивно-коммуникативной моделью перевода и составляет дискурсивное досье;

группирует полученные особенности так, чтобы определить, какие из них попадают в разряд переводческих трудностей, которые, в свою очередь, могут носить объективный и субъективный характер;

находит к обозначенным трудностям (группам трудностей) переводческие решения, которые составляют стратегию перевода.

Возможно представление дискурсивного досье в свободной или табличной форме. Стратегия перевода также составляется письменно и может включать стандартные и нестандартные, ранее известные или не известные переводчику решения.

К исходному тексту обязательно предлагается коммуникативное (переводческое) задание, которое преподаватель, выступая в роли заказчика перевода, формулирует заранее или совместно с обучающимися.

В процессе обучения письменный перевод, досье и стратегию могут дополнять другие метаданные — например, список справочных ресурсов, применяемых в процессе перевода, комментарии об использовании модели. При оценке

переводов можно дополнительно использовать реперные точки, взаимные комментарии к письменному переводу [Волкова, 2022].

Как справедливо замечает И. С. Алексеева, при подготовке к устному переводу переводчик использует схему анализа, применяемую в письменном переводе, но осознает меньшее «разнообразие доминирующих черт» в процессе анализа, «меньшую степень сохранения инварианта [и неизбежный] дефицит времени» в процессе перевода [Алексеева, 2001, с. 109].

Применение модели в *устном переводе* охватывает предпереводческий анализ, прогнозирование стратегии перевода, анализ результатов перевода. В устном переводе модель задействована на этапах подготовки и анализа результатов, позволяя переводчику определить возможные переводческие трудности и пути их решения, наметить микро- и макростратегию перевода с учетом прогностического характера предпереводческого анализа и неизбежной фрагментарности стратегии устного перевода. Дискурсивное досье служит основой для подготовки к устному переводу, в т. ч. освоения жанра (типа) исходного текста, и может использоваться при анализе результатов перевода.

В случае устного перевода по модели выполняется предпереводческий анализ конкретного или прогнозируемого исходного текста. Если параметров для прогноза недостаточно, стратегия устного перевода во многом строится в процессе перевода. В этом случае фокус смещается с предпереводческого анализа и прогнозирования по модели на общие алгоритмы информационной подготовки, освоение тематики и предметной области и технику устного перевода.

Применение модели в обучении видится наиболее эффективным, если дискурсивно-коммуникативная модель перевода и дискурсивные досье связывают весь процесс обучения: теоретические и практические аспекты, устный и письменный перевод, перевод текстов различных жанров (типов) в различных коммуникативных ситуациях.

Одной из перспективных задач развития исследования мы считаем создание учебного курса на основе дискурсивно-коммуникативной модели перевода. Концепцию курса можно обозначить следующим образом:

1. Серия лекций по материалам исследования [Волкова, 2022] — что такое дискурс, типы и виды дискурса, модели и стратегии перевода, процедурное понимание стратегии перевода, структура и содержание дискурсивно-коммуникативной модели перевода.

2. Тексты для письменного и устного перевода и переводческого и предпереводческого анализа соответственно.

3. Задания, направленные на освоение модели в целом и анализ отдельных параметров, определение доминант перевода, анализ и перевод гибридных текстов, адаптацию и решение иных переводческих задач.

4. Коллекция коммуникативных (переводческих) заданий, позволяющих варьировать цели и стратегии перевода.

Кроме того, в дидактике перевода интересным и перспективным представляется применение модели на разных уровнях формирования переводческих компетенций и в комбинациях языков разных типов.

Литература

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. Санкт-Петербург: Союз, 2001. 288 с.
2. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель как система детерминант стратегии перевода: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нижний Новгород, 2022. 467 с.
3. Гавриленко Н. Н. Основы дидактики переводческой деятельности: специальный/отраслевой перевод: монография. Москва: Флинта, 2021. 560 с.
4. Дашинимаева П. П. Повестка дня в индустрии: наставник как системный дискур-солог // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: материалы XVIII Международной научно-практической интернет-конференции (Москва, 13–14 апреля 2023 г.). URL: <https://gavrilenko-nn.ru/video/145> (дата обращения: 06.09.2023).

DISCOURSE AND COMMUNICATION TRANSLATION MODEL:
TRANSLATOR AND INTERPRETER TRAINING OPTIONS

Volkova T. A.
Dr. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia;
Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia
tatia.volkova@gmail.com

Abstract. The article describes the application of the discourse and communication translation model in translator and interpreter training, covers some basic principles, concepts and definitions, and outlines a model-based course syllabus.

Keywords: discourse and communication translation model, discursive profile, translation strategy, interpreting strategy, training, translation, interpreting.

УДК 81'25

**НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ТЕКСТА ЛИТЕРАТУРЫ
КАК ОСНОВА ТВОРЧЕСТВА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЕ**

© Разумовская Вероника Адольфовна

кандидат филологических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск, Россия
veronica_raz@hotmail.com

Аннотация. Исследователь обращается к феномену создания центра переводной аттракции, ядром которого выступает «сильный» текст литературы. Неоднозначность информации оригинала рассматривается как стимул к творчеству при его интерпретации в ситуации художественной коммуникации, прежде всего в случаях осуществления различных видов перевода (по Р. Якобсону). Неоднозначность выступает основой явления информационной неисчерпаемости оригинала, трактуемой в настоящее время как категория художественного перевода, что в итоге может обеспечить практически бесконечное множество вторичных версий примарного художественного текста. Неисчерпаемость оригинала имеет своим результатом переводную множественность «сильного» текста, что обеспечивает сохранение оригинала в «своем» и «чужих» пространствах культуры.

Ключевые слова: неоднозначность информации, «сильный» художественный текст, неисчерпаемость оригинала, интерпретация, творчество, переводная множественность, центр переводной аттракции.

Информационная неоднозначность художественного текста в значительной мере определяет его рецепцию и, соответственно, «жизнь и судьбу» в «своей» культуре и непосредственным образом связана с созданием вторичных версий произведения литературы в процессе его перекодирования средствами другого («чужого») языка или других (не только вербальных) семиотических систем. В современном гуманитарном дискурсе широко разделяется понимание того, что ингерентная неоднозначность информации текстов художественной литературы предопределила выделение и описание явлений неисчерпаемости оригинала и переводной множественности, осмысление которых с позиции переводческой проблематики в итоге дополнило категориальную парадигму современного художественного переводоведения. Указанные категории позволяют объяснить потенциальные «полисвойства» (полиинтерпретативность, полилингвальность, полимодальность, поливариантность) художественного текста, выступающего как традиционный объект эстетического восприятия (при освоении в процессе чтения) и регулярный объект перевода (при создании вторичных версий различной семиотической природы в широком понимании переводческой деятельности). Отмеченное свойство неисчерпаемости информации оригинала текста обеспечи-

вадет его способность к созданию интерпретаций в процессе восприятия. Количество интерпретаций информации каждого отдельного текста гипотетически бесконечно, поскольку напрямую коррелирует с возможным количеством читателей, воспринимающих текст в процессе чтения. Более того, даже у одного читателя текста возможно наличие нескольких интерпретаций конкретного текста в зависимости от многих внутренних и внешних факторов в различные периоды его жизни. Так, рецепция романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» может обнаруживать очевидные отличия в его восприятии при повторных прочтениях одним читателем.

Понятие неоднозначности информации непосредственным образом связано с не прекращающимся на всем протяжении существования науки и искусства поиском принципов, факторов и категорий, которые объединяют две указанные ранее основные области творчества человека и представлены одновременно в гуманитарных, точных и естественных науках. В данном контексте интересен подход к пониманию общих основ творчества, к установлению и убедительному доказательству универсализма науки и искусства, который содержится в работе известного физика Дж. Кальоти, опубликованной в России под названием «От восприятия к мысли. О динамике неоднозначного и нарушениях симметрии в науке и искусстве» [Кальоти, 1998]. Итальянский исследователь обращается к категориям, унифицирующим творческие процессы в науке и искусстве. Общей для данных процессов в первую очередь признается обязательная генерация новой ценной информации. Дж. Кальоти убедительно отстаивает точку зрения о том, что творчество в науке и искусстве есть непосредственный результат интуитивного мышления, что в полной мере способствует их сближению (с позиции творческого подхода к осмыслению явлений и процессов в двух основных областях творческой деятельности человека). Обращаясь к текстам художественной литературы и рассматривая особенности их восприятия, Кальоти отмечает: «...где наука сходится с искусством, где истина встречается с красотой, а красота с природой, язык становится одновременно аналитическим и синтетическим, точным и многозначным, рациональным и образно-интуитивным, эзотерическим и экзотерическим. Одним словом, он становится неоднозначным. <...> И неоднозначность поднимается до роли непреходящей культурной ценности» [Кальоти, 1998, с. 171].

Анализ известных форм бытования «сильного» художественного текста, под которым в современном гуманитарном дискурсе понимается произведение литературы, обладающее эстетической и культурной ценностью и отвечающее ряду важных параметров (широкая известность в «своей» и «чужих» культурах, вхождение в образовательные программы различных уровней и включение в книжные рейтинги, высокая реинтерпретативность и очевидная способность к генерированию вторичных версий [Кузьмина, 2009]), позволил выдвинуть гипотезу о возникновении и существовании в культурном пространстве многомерного и многокомпонентного центра переводной аттракции [Razumovskaya, 2019]. Появление у художественного оригинала вербальных и невербальных (или не

только вербальных) вторичных версий обусловлено его ингерентной неоднозначностью, является проявлением категории переводной множественности, обеспечивая «сохраняемость» текста оригинала в синхронии и диахронии во временном и культурном пространствах.

В пределах центра переводной аттракции «сильный» текст литературы и культуры и его переводы (при понимании явления перевода в широком смысле) образуют синкретический «политекст» (с позиции его «полисвойств»), а также и «сверхтекст» (совокупность взаимосвязанных текстов), имеющий гетерогенную природу и представляющий собой уникальный семиотический объект, в котором оригинал может в ряде случаев утрачивать свою примарность. Рассматриваемый сложный текстовый конструкт можно образно определить как реплику «Вавилонской башни»: он никогда не будет создан до конца, поскольку количество представленных в нем переводов (якобсонских внутриязыковых, межъязыковых, а также и межсемиотических версий) перманентно меняется. Некоторые переводы становятся пассивными и переходят в периферию центра переводной аттракции по причине устаревания или исходно низкого качества; в ядерную часть центра входят новые вторичные тексты, появляющиеся в результате перевода оригинала на языки, на которых еще не существовало иноязычных версий, или создания новых версий на языках, на которых уже имелись переводы (явление повторного перевода или переперевода). При понимании явления перевода в широком смысле переводная множественность предполагает перевод текста вербального оригинала средствами собственной (внутриязыковой перевод) или других (межсемиотический вид перевода) семиотических систем.

Проявление творчества в художественной коммуникации и переводе (как отдельного вида коммуникативной деятельности) убедительно прослеживается на примере центра переводной аттракции, образованного на основе «сильного» художественного произведения. В истории мировой литературы одним из самых читаемых, переведенных и переводимых в настоящее время, широко исследуемых в различных областях гуманитаристики, а также издаваемых и продаваемых художественных текстов, бесспорно, стал роман Мигеля де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский / *El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha*», первый и второй тома которого опубликованы в 1605 и 1615 годах. Нельзя не согласиться с тем, что масштаб влияния «Дон Кихота» на мировую культуру сопоставим с такими великими («сильными») текстами, как Библия или «Одиссея» [Stavans, 2015]. О «силе» произведения убедительно свидетельствует его регулярное включение в национальные и международные рейтинги наиболее известных книг, которые рекомендованы к обязательному прочтению: 1952 — *Great Books of the Western World*; 1988 — *The Lifetime Reading Plan by Clifton Fadiman*; 1994 — *The Western Canon by Harold Bloom*; 2002 — *The top 100 books of all time* (версия издания «*The Guardian*»); 2006–2012 — *1001 Books You Must Read Before You Die*; 2009 — Всемирная литература (специальное жюри из 100 писателей, представляющих 54 страны мира, избранных Нобелевским институтом в Норвегии, роман «Дон Кихот» признан жюри лучшим романом в мировой

литературе); 2015 — The 100 greatest novels of all time (версия издания «The Guardian», роман занимает первую позицию в рейтинге); 100 великих книг. Известность романа Сервантеса у представителей различных культур ярко определил М. Твен — «A book people praise but don't read».

Бесспорно, что в различных культурах перевода у романа своя судьба. Так, в России «Дон Кихот» представляет собой уникальный случай превращения литературного явления одной страны в доминанту культурной и общественной жизни другой [Багно, 2009]. История создания иноязычных версий романа насчитывает уже несколько столетий и может рассматриваться как отдельная глава истории и теории художественного перевода.

Поскольку каждая историческая эпоха имела свою концепцию «Дон Кихота», то в каждой национальной культуре переводы отражали особенности рецепции испанского оригинала. На текущий момент, по данным различных источников, известно о 50 до 70 языков перевода романа (при условии наличия хотя бы одной версии на языке перевода). Первыми языками перевода стали европейские языки. В 1608 году появился английский перевод Т. Шелтона, получивший название «The delightful history of the wittie knight, Don Quiskote» и содержащий 27 глав первого тома. В 1614 – французский перевод первого тома Ц. Удена «L'Ingénieux Noble Don Quichotte de la Manche»; в 1621 и, соответственно, в 1648 годах опубликованы немецкие переводы двух томов романа (переводчик И. Цезарь, «Don Kichote de la Mantzscha»); 1622–1625 годах – итальянский перевод Лоренцо Франчозини «Don Chisciotte della Mancía». Количество имеющихся иноязычных версий многократно превышает количество языков перевода, поскольку за несколько столетий роман был неоднократно перепереведен на каждый иностранный язык. После указанного ранее перевода Шелтона 1608 года роман становился объектом перевода на английский язык более 30 раз. Интересно, что некоторые англоязычные версии издавались в первичной и новых редакциях через несколько десятилетий или даже столетий. Так, перевод Дж. Ормсби 1885 года, считающийся классическим и в XXI веке и не утративший своей актуальности, переиздается почти через сто лет (в 1981 году) в новой редакции Дж. Джоунза и К. Дугласа, а в 1997 году публикуется как электронная книга в рамках проекта Gutenberg. Существование в англофонной культуре различных переводов текста романа Сервантеса открывает широкие возможности для его читателей: «...многоголосье “Дон Кихота”, отраженное в бесконечном разнообразии англоязычных переводов (а их около двухсот), предоставляет читателю, обладающему досугом, художественным вкусом и воображением, огромный выбор» [Кешокова, 2016]. Значение английских переводов несомненно не только для удовлетворения стремления представителей культур мира познакомиться с шедевром испанской и мировой классики, но и для появления переводов на другие иностранные языки. Именно на английских переводах основан первый перевод романа на китайский язык, опубликованный в 1922 году, — «История заколдованного рыцаря / Legend of a Magic Knight» (переводчик Линь Шу). Данная версия в значительной степени является не переводом, а культурной транскреацией,

став результатом переосмыслений, значительных сокращений и изменений текста Сервантеса. Первая китайская версия была ориентирована на китайскую культуру: испанский рыцарь стал конфуцианским ученым, а его оруженосец — учеником. Примечательно, что к 405-й годовщине со дня смерти Сервантеса китайская версия 1922 года была обратно переведена на язык оригинала [Xin, 2022]. Среди имеющихся переводов наиболее известной в современном Китае считается полнотекстовая версия переводчицы Ян Цзян, выполненная с испанского оригинала и имеющая статус первого официального перевода на китайский язык. С момента первой публикации версии Ян Цзян в 1978 году и до 2014 года в Китае продано более 700 000 экземпляров.

В России роман стал доступен русскоязычным читателям значительно позднее. Считается, что первый перевод на русский язык издан в 1769 году. И. Тейльс (имя которого на обложке издания не указано) перевел 27 глав первого тома с французской версии Ф. де Сен-Мартена («История о славном Ла-Манхском рыцаре Дон-Кихоте»). Ряд последующих переводов на русский язык также выполнен с версий французских переводчиков (1791 — Н. П. Осипов с перевода Ф. де Сен-Мартена 1746 года; 1806 — В. А. Жуковский с перевода Ж.-П. де Флориана; 1831 — С. С. де Шаплет с перевода Ж.-П. де Флориана). Большим культурным событием стало появление в 1929–1932 годах в СССР перевода «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», выполненного группой переводчиков (Г. Лозинский, К. Мочульский, А. Смирнов, Б. Кржевский, Е. Васильева). Последний известный перевод на русский язык издан в 2002 году (переводчик Л. Яхнин). Еще одним знаковым культурным событием стало в 2013 году издание антологии, в которой представлены статьи, воспоминания, дневники, письма, стихи и фрагменты прозы, в которых раскрываются 280 лет «русского донкихотства», а также показывается использование образа героя Сервантеса в поэзии и прозе русских писателей [Бурмистрова, 2013].

Роман является сверхпопулярным объектом межсемиотического перевода и представлен в формах кинофильмов, опер, оперетт, мюзиклов, симфоний, песен, балетов, театральных спектаклей, картин, гравюр, иллюстраций книг, скульптур, аудиокниг, комиксов, компьютерных игр. А все перечисленные ранее иносемиотические версии романа также являются проявлением категорий неисчерпаемости оригинала и переводной множественности и входят в центр переводной аттракции.

Как создание текста «сильного» оригинала, так и всех его вторичных версий представляет собой бесспорный результат творчества Homo Creativus (писателя, переводчика, режиссера, композитора, певца, танцовщика, художника и т. д.) [Разумовская, 2021]. Генерирование вторичных версий обусловлено информационной неоднозначностью оригинала, определяющей вариативность восприятия и декодирования содержания текста в процессе его понимания, что в итоге и порождает неограниченные возможности интерпретации содержания оригинального текста как «своим» читателем (читателем, принадлежащим культуре оригинала), «чужим» читателем (читателем, принадлежащим к другой культуре), так и переводчиком (по Г. Гадамеру, «сверхчитателем», находящимся на границе двух культур). Таким образом, регулярная «подражаемость» и «продолжаемость» ху-

дожественного текста в течение всей «жизни» связана с неоднозначностью информации оригинала — важнейшей информационной характеристикой художественного текста и одной из центральных категорий художественного перевода.

Литература

1. Багно В. Е. «Дон Кихот» в России и русское донкихотство. Санкт-Петербург: Наука, 2009. 228 с.
2. Бурмистрова Л. Дон Кихот в России. «Он въезжает из другого века...». Москва: Центр книги Рудомино, 2013. 416 с.
3. Кальоти Дж. От восприятия к мысли. О динамике неоднозначного и нарушениях симметрии в науке и искусстве. Москва: Мир, 1998. 221 с.
4. Кешокова Е. А. «Досужий, праздный или просвещенный»: к истории английских переводов «Дон Кихота» Сервантеса // Вестник Литературного института имени А. М. Горького. 2016. № 4. С. 41–44.
5. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. 228 с.
6. Разумовская В. А. Специальный vs художественный перевод: вопросы творческого подхода (Homo Creativus) // Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного. Баня-Лука: Апейрон, 2021. С. 213–219.
7. Razumovskaya V. A. A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives // Mundo Eslavo. 2019. № 18. P. 202–215.
8. Stavans I. Quixote: The Novel and the World. New York: W.W. Norton, 2015. 288 p.
9. Xin Hongjuan. Don Quixote: From Castilian Spanish to Mandarin and back again. URL: <https://courier.unesco.org/en/articles/don-quixote-castilian-spanish-mandarin-and-back-again> (retrieved: 04.06.2023).

TEXT OF FICTION AMBIGUITY AS THE BASIS OF CREATIVITY
IN ARTISTIC COMMUNICATION AND TRANSLATION

Razumovskaya V. A.
Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia
veronica_raz@hotmail.com

Abstract. The study addresses the phenomenon of creating a center of translation attraction, the core of which is a “strong” text of fiction. The ambiguity of an original text information is considered as an incentive to creativity when interpreting it in a situation of artistic communication and, above all, in cases of various types of translation (according to R. Jakobson). Ambiguity is the basis of the phenomenon of the original text information inexhaustibility, currently interpreted as a category of literary translation, which as a result can provide an almost infinite number of secondary versions of a primary text of fiction. The original inexhaustibility results in translation multiplicity of a “strong” text, which ensures the preservation of an original text in the “own” and “foreign” spaces of culture.

Keywords: information ambiguity, “strong” text of fiction, original inexhaustibility, interpretation, creativity, translation multiplicity, translation attraction center.

УДК 81'25:24

**ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК В МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА БУДДИЙСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ТЕКСТА)**

© **Будаева Цындыма Львовна**

кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Россия
budaeva_21@mail.ru

© **Карымшакова Татьяна Геннадьевна**

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Россия
vipkt@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные типы переводческих ошибок в машинном переводе буддийского религиозного текста с английского на русский язык. Рассматривается понятие переводческой ошибки, которое в научной литературе не имеет общепринятого определения. На основе краткого обзора литературы выделяется несколько основных категорий переводческих ошибок. В ходе анализа автор придерживается типологии переводческих ошибок, предложенной в учебно-методическом пособии «Машинный перевод» (2023 г.), в основе которой лежат разработки предыдущих исследований в этой области. Материалом для исследования служит перевод буддийской статьи образовательного характера с английского на русский язык. В результате анализа автор выделяет наиболее распространенные переводческие ошибки, допускаемые системой автоматизированного перевода Google Translate при обработке текстов буддийской тематики.

Ключевые слова: машинный перевод, типология, ошибка, буддизм, английский, русский.

В настоящее время стремительное развитие искусственного интеллекта и цифровых технологий способствует улучшению и совершенствованию систем автоматизированного перевода текста. К основным преимуществам использования системы машинного перевода исследователи, как правило, относят высокую скорость выполнения перевода, низкую стоимость, доступность, конфиденциальность, универсальность и перевод в режиме онлайн. Однако, несмотря на непрерывный технологический прогресс, проблема качества машинного перевода все еще остается актуальной и нерешенной.

В переводческой науке понятие машинного перевода в узком смысле определяется как процесс перевода некоторого текста с одного естественного языка на другой, реализуемый компьютером полностью или почти полностью. В широком смысле данный термин означает область научных исследований, находящуюся

ся на стыке лингвистики, математики, кибернетики и имеющую целью построение систем, реализующих машинный перевод в узком смысле [Воронович, 2013, с. 3].

В данной статье мы анализируем основные типы переводческих ошибок, допускаемых современными сервисами автоматизированного перевода, на материале перевода буддийского религиозного текста с английского на русский язык. Следует отметить, что перевод текстов буддийской тематики представляет собой один из сложнейших аспектов теории и практики перевода. Основная проблема состоит в отсутствии общепринятого подхода к интерпретации подобных текстов из-за непростого понятийного аппарата этой области.

Понятие переводческой ошибки в научной литературе носит неоднородный характер, поэтому исследователи выделяют несколько разных подходов к его определению. По мнению Р. К. Миньяр-Белоручева, ошибка представляет собой «меру несоответствия перевода оригиналу» [Миньяр-Белоручев, 2007, с. 208]. А. Д. Швейцер определяет ошибку как «необоснованное отступление от нормативного требования эквивалентности» [Швейцер, 1988 с. 415]. Согласно В. Н. Комиссарову, ошибка является «мерой дезинформирующего воздействия на читателя» [Комиссаров, 2001, с. 424]. Н. К. Гарбовский, в свою очередь, связывает природу переводческих ошибок с когнитивным опытом переводчика, т. е. с его индивидуальным опытом познания окружающей языковой и неязыковой действительности [Гарбовский, 2004, с. 514].

В отечественной и зарубежной науке можно обнаружить большое разнообразие классификаций переводческих ошибок, которые варьируются в зависимости от преследуемых целей [Комиссаров, 1990; Гарбовский, 2004; Сдобников, 2007; Дашинимаева, 2017; Temnikova, 2010; Lacruz et al., 2014; Koronen, 2016; Kafirpour, Jahanshahi, 2016; Putri, 2019]. В целом анализ литературы позволяет выделить следующие группы переводческих ошибок: смысловые (искажения, неточности, неясности), языковые (лексические, грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки), терминологические (ошибки предметного и понятийного типа), стилистические (нарушение стиля).

В рамках данной статьи мы придерживаемся типологии переводческих ошибок, разработанной на основе предыдущих исследований и предложенной в учебно-методическом пособии «Машинный перевод» (2023 г.). Классификация затрагивает практически все аспекты текста перевода (ПТ) и включает широкий диапазон категорий ошибок, которые представлены ниже:

1. **Смысловые** (*accuracy*): неточность перевода; ошибки, искажающие смысл предложения.

2. **Лингвистические** (*linguistic*): лексические, орфографические, грамматические, пунктуационные ошибки; опечатки.

3. **Терминологические** (*terminology*): несоответствие терминологии; синонимия терминов; буквальный перевод на уровне словосочетания; не единообразный перевод терминов.

4. **Стилистические** (*style*): ошибки функционально-стилевых норм (использование разностилевой лексики, непоследовательность в тексте, буквальный пе-

ревод); искажение экспрессивного фона оригинала (ослабление или усиление) и авторской оценки (искажение, изменение, немотивированное создание оценочности); нарушения норм и узуса ПЯ.

5. **Локализация** (*localization*): ошибки, связанные с переводом **реалий** (дат, единиц измерения, названия брендов и т. д.).

6. **Оформление макета** (*design*): ошибки, связанные с форматированием/оформлением текста (шрифт, выделение цветом, наличие невидимого текста, поврежденных или скрытых символов, неправильно оформленные перекрестные ссылки и т. д.) [Карымшакова и др., 2023, с. 20–21].

Рассмотрим фрагменты перевода с английского языка на русский буддийской статьи образовательного характера, раскрывающей основные понятия буддийской философии, с точки зрения типологии переводческих ошибок. Мы сравним перевод, выполненный студентом-бакалавром 3-го курса направления подготовки 45.03.02 Лингвистика. Перевод и переводоведение ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», с переводом, прошедшим машинную обработку в сервисе автоматизированного перевода Google Translate. Ниже представлен анализ первого абзаца статьи.

Оригинал	Машинный перевод	Перевод студента
Buddhism is one of the world's major religions. It originated in South Asia around the 5th century B.C.E. with Siddhartha Gautama, and over the next millennia it spread across Asia and the rest of the world. Buddhists believe that human life is a cycle of suffering and rebirth, but that if one achieves a state of enlightenment (nirvana), it is possible to escape this cycle forever. Siddhartha Gautama was the first person to reach this state of enlightenment and was, and is still today, known as the Buddha. Buddhists do not believe in any kind of deity or god, although there are supernatural figures who can help or hinder people on the path towards enlightenment [URL: https://education.nationalgeographic.org/resource/buddhism/# (accessed on: 09.05.2023)].	Буддизм является одной из основных мировых религий . Он возник в Южной Азии примерно в V веке до нашей эры вместе с Сиддхартхой Гаутамой и в течение следующих тысячелетий распространился по Азии и остальному миру. Буддисты верят, что человеческая жизнь — это цикл страданий и перерождений, но если человек достигает состояния просветления (нирваны), можно навсегда избежать этого цикла. Сиддхартха Гаутама был первым человеком, достигшим этого состояния просветления, и до сих пор известен как Будда . Буддисты не верят ни в какое божество или бога, хотя существуют сверхъестественные фигуры , которые могут помочь или помешать людям на пути к просветлению.	Буддизм является одной из основных религий, основанных в Южной Азии примерно в V веке до н.э. Сиддхартхой Гаутамой. В течении следующих тысячелетий она распространилась не только по Азии, но и по всему остальному миру. Буддисты верят, что человеческая жизнь – это цикл, состоящий из страданий и перерождений, но из этого цикла можно выйти навсегда, если достичь просветления (нирваны). Сиддхартха Гаутама был первым человеком, достигшим состояния просветления, благодаря чему он стал известен как Будда (Просветленный). Буддисты не верят в бога, однако считают, что существуют сверхъестественные существа, которые могут помочь или препятствовать людям на их пути к просветлению.

ПЕРЕВОД КАК НЕОДНОЗНАЧНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В таблице ошибки, допущенные системой машинного перевода Google Translate, выделены жирным шрифтом. Исходя из вышеупомянутой классификации в машинном переводе данного фрагмента мы обнаруживаем такие категории ошибок, как стилистические (буквальный перевод, нарушение нормы и узуса), терминологические (буквальный перевод на уровне словосочетания) и оформление макета (ошибки форматирования). Одним из примеров стилистических ошибок является нарушение нормы и узуса в предложении *Он возник в Южной Азии примерно в V веке до нашей эры вместе с Сиддхартхой Гаутамой....* В переводе, выполненном обучающимся, это предложение передано без нарушения каких-либо стилистических норм. Другой пример стилистических ошибок заключается в буквальном переводе некоторых выражений (...*достигшим этого состояния просветления...*; *Буддисты не верят ни в какое божество или бога...*). В переводе обучающегося был использован прием опущения в обоих случаях, что вполне целесообразно и не искажает исходный смысл.

Что касается категории терминологических ошибок, примером буквального перевода словосочетания выступает выражение *сверхъестественные фигуры*. Согласно ПТ обучающегося, в буддийском контексте понятие *supernatural figures* имеет значение «сверхъестественные существа», т.е. своего рода «сверхъестественные силы». Также термин *the Buddha* на санскрите в буквальном смысле означает «пробудившийся», «просветленный» [URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/11988> (дата обращения: 13.06.2023)], что не было отражено в машинном переводе, но было предложено в параллельном переводе.

В аспекте оформления текста в переводе Google Translate мы обнаруживаем такую ошибку форматирования, как пробел перед точкой (*Буддизм является одной из основных мировых религий*), а также ненужные пробелы в скобках (...*если человек достигает состояния просветления (нирваны)*...).

Рассмотрим небольшой фрагмент перевода второго абзаца статьи.

Оригинал	Машинный перевод	Перевод студента
Born on the Nepali side of the present day Nepal-India border, Siddhartha Gautama was a prince around the fifth century B.C.E. who, upon seeing people poor and dying, realized that human life is suffering. He renounced his wealth and spent time as a poor beggar, meditating and traveling but ultimately, remaining unsatisfied, settling on something called “the Middle Way” [URL: https://education.nationalgeographic.org/resource/buddhism/# (accessed on: 09.05.2023)].	Родившийся на непальской стороне современной непальско-индийской границы, Сиддхартха Гаутама был принцем примерно в пятом веке до нашей эры, который, увидев бедных и умирающих людей, понял, что человеческая жизнь полна страданий. Он отказался от своего богатства и провел время в нищете, медитируя и путешествуя, но в конечном итоге, оставаясь неудовлетворенным, остановился на том, что называлось « Средним путем ».	Сиддхартха Гаутама родился на непальской стороне современной границы между Непалом и Индии примерно в V веке до н.э. Он был принцем, но отказался от своих богатств, увидев бедных и умирающих людей. Он понял, что человеческая жизнь – это страдание. Он стал жить в нищете, медитируя и путешествуя, но в конечном итоге, не получив удовлетворения, остановился на том, что называлось «Срединным путем».

В данном примере машинного перевода мы наблюдаем те же категории переводческих ошибок, что и в переводе предыдущего абзаца. Одной из стилистических ошибок является нарушение нормы и узуса в предложении *Родившийся на непальской стороне современной непальско-индийской границы, Сиддхартха Гаутама был принцем примерно в пятом веке до нашей эры....* В переводческом решении обучающегося мы наблюдаем использование приема перестановки, что вполне оправдано и не препятствует целостности восприятия. Здесь мы также наблюдаем буквальный перевод английского словосочетания *Nepal-India border*, которое следовало перевести как *граница между Непалом и Индией*, что и предлагается в переводческом варианте. Еще одним примером стилистической ошибки можно считать нарушения узуса в результате буквального перевода словосочетания в предложении *...но в конечном итоге, оставаясь неудовлетворенным, остановился на том, что называлось «Средним путем».*

В этом же фрагменте перевода мы обнаруживаем еще одну переводческую ошибку, однако уже терминологического характера. Буддийское понятие *the Middle Way* в переводе Google Translate передано буквально как *Средний путь*, однако в рамках буддийской философии данный термин принято переводить как *Срединный путь*. В переводе, предложенном студентом-переводчиком, данное словосочетание передано верно.

Таким образом, анализ основных типов переводческих ошибок в машинном переводе буддийского религиозного текста с английского на русский язык показал, что наиболее распространенными ошибками, совершаемыми системой автоматизированного перевода при обработке текстов буддийской тематики, являются стилистические и терминологические категории ошибок. В переводе, выполненном онлайн-сервисом Google Translate, чаще всего допускаются ошибки, связанные с нарушением нормы и узуса в результате буквального перевода предложений и словосочетаний, а также ошибки предметного и понятийного типа. Данный вывод дает основание полагать, что проблема качества машинного перевода, в частности, текстов религиозного характера, все еще остается актуальной.

Литература

1. Будда. Что такое Будда? URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/11988> (дата обращения: 13.06.2023).
2. Воронович В. В. Машинный перевод: конспект лекций для студентов 5-го курса специальности «Современные иностранные языки». Минск, 2013. 39 с.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 516 с.
4. Дашинимаева П. П. Теория перевода: психолингвистический подход: учебник. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 360 с.
5. Машинный перевод: учебно-методическое пособие / Т. Г. Карымшакова, Э. В. Семенова, Ц. Л. Будаева, Т. И. Гармаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2023. 82 с.
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник. Москва: Высшая школа, 1990. 295 с.

7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. Москва: ЭТС, 2001. 424 с.
8. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? Москва: Велби, 2007. 480 с.
9. Сдобников В. В. Критерии оценки качества перевода и типология переводческих ошибок // Проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2007. С. 183–198.
10. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. Москва: Наука, 1988. 415 с.
11. Buddhism — National Geographic Society. URL: <https://education.national-geographic.org/resource/buddhism> (accessed on: 09.05.2023).
12. Kafipour R., Jahanshahi M. Error Analysis of English Translation of Islamic Texts by Iranian Translators // Journal of Applied Linguistics and Language Research. 2016. 2(3). P. 238–252.
13. Koponen M. Machine Translation Post-editing and Effort. Empirical Studies on the Post-Editing Process: academic dissertation. Helsinki, 2016. 64 p.
14. Lacruz I., Denkowski M., Lavie A. Cognitive Demand and Cognitive Effort in Post-Editing // Proceedings of the Third Workshop on Post-Editing Technology and Practice. 2014. P. 73–84.
15. Putri T.A. An analysis of types and causes of translation errors // Etnolingual. 2019. Vol. 3, № 2. P. 93–103.

ERRORS TYPOLOGY IN MACHINE TRANSLATION
(BASED ON THE BUDDHIST RELIGIOUS TEXT TRANSLATION)

Budaeva Ts. L.

Cand. Sci. (Phil.), Senior Lecture,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
budaeva_21@mail.ru

Karymshakova T. G.

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
vipkt@mail.ru

Abstract. The paper discusses the main types of translation errors in the machine translation of a Buddhist religious text from English into Russian. The concept of translation error is considered, which does not have any agreed-upon definition in the scientific literature. Based on a brief literature review, the author identifies several categories of translation errors. Within the analysis, the author adheres to the translation errors typology proposed in the guidance manual "Machine Translation" (2023), which is based on the previous studies in this area. The study material is the translation of a Buddhist educational article from English into Russian. As a result of the analysis, the author highlights the most common translation errors made by the automated translation system Google Translate when processing Buddhist texts.

Keywords: machine translation, typology, error, Buddhism, English, Russian.

УДК 81'25(510)

**COGNITIVE FOUNDATIONS AND CURRENT CHALLENGES
IN THE TRANSLATION OF CHINESE PEKING OPERA LYRICS ON STAGE**

© **Lu Jianshun**

Associate Professor, Secretary of the Party Committee,
School of Foreign Studies,
Hebei North University
Zhangjiakou, China
lujianshun@hebeinu.edu.cn

Abstract. Peking Opera, as a comprehensive performing arts genre with over 233 years of history, has garnered global attention for its unique Mei Lanfang performance system. Lyrics play a significant role in Peking Opera performance art. This paper conducts a cognitive study of the translation of Peking Opera lyrics, exploring the cognitive structure and philosophical foundations of these lyrics. It emphasizes the influence of Daoist thought from traditional Chinese philosophy on Peking Opera art, analyzes the cultural and pragmatic cognition of Peking Opera lyrics, and highlights their formal characteristics, metrical patterns, rhyming, as well as the inclusion of proper nouns and allusions. Based on this analysis, the paper identifies the main issues in current Peking Opera lyric translations and proposes principles for translation, emphasizing the importance of respecting bilingual cultures and considering the cultural and pragmatic cognition of the target language audience.

Keywords: Peking Opera, translation, lyrics, philosophy, culture, cognition, stage effect.

Introduction

Peking Opera, as a quintessential Chinese art form, boasts a history spanning over 233 years and is renowned for its unique characteristics. Among the three major theatrical performance systems in the world, the Mei Lanfang performance system, representing Chinese traditional opera, has captivated audiences with its distinct features and allure. In Peking Opera performance art, singing holds the foremost position among the “Four Skills” (singing, recitation, acting, and martial arts). The translation of lyrics in Peking Opera holds significant importance for international audiences and researchers. However, there is currently a dearth of cognitive discussions on the translation of Peking Opera lyrics, making it essential to comprehend the cultural and pragmatic cognition of both the source and target languages [Ye Fei, 2009; Han Zhiling, 2021]. This understanding is crucial for improving the translation of Peking Opera lyrics and enhancing the appreciation and comprehension of Peking Opera among target language audiences.

I. Cognitive Structure in the Translation of Lyrics

The translation of Peking Opera lyrics can generally be categorized into two forms: one as literary translation, where lyrics are translated alongside the script as part of the dramatic narrative, and the other as stage translation, akin to subtitles, which

directly contributes to the stage performance's effects. This paper focuses on the latter, which is expected to generate stage effects.

The translation of lyrics in stage scripts differs from literary script translation. It necessitates conveying the plot, emotions, performance, music, and poetic elements inherent in the lyrics as faithfully as possible to non-source language audiences. The aim is to evoke an experience similar to or nearly identical to what source language audiences would feel. Therefore, achieving this goal depends significantly on the role of translation. As an intermediary between the source language lyrics and the target language version, translators and their translation activities must effectively “translate” and “communicate” the linguistic stylistic features of the lyrics. To ensure success, a sound and effective methodology is required. The foundation of this methodology lies in understanding the philosophical views underpinning the source language culture and the cultural and pragmatic cognition deeply rooted in it. Similarly, the degree to which the translation reproduces the appreciation effects for the target language audience (relative to the source language audience) depends on the translator's grasp of the cultural and pragmatic cognition behind the target language.

In summary, one’s worldview shapes cultural and pragmatic cognition, which subsequently influences the methodology of translation.

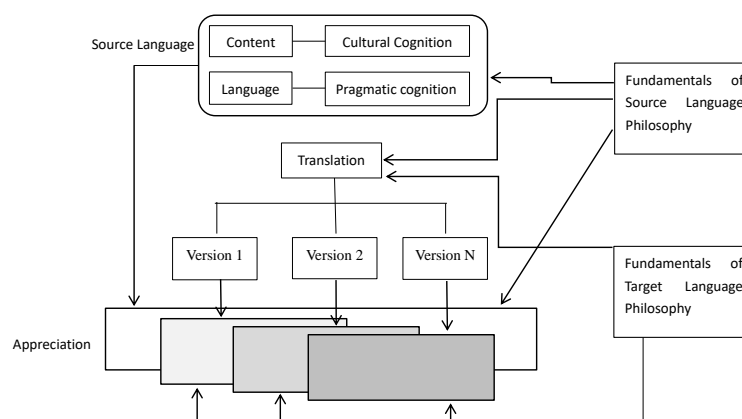

Fig. 1. Cognitive Structure in the Translation of Lyrics

Figure 1 illustrates the role of translators and their actions in the translation of lyrics. The effects of cultural and pragmatic cognition in both the source and target languages on the translation of lyrics are, more precisely, the methodological outcome of translation activities, all rooted in their respective philosophical perspectives. Translators and their translation actions, acting as a pivotal link, play a crucial role in achieving the desired stage effects for the lyrics. Effective translation may result in “transplantation” or “replication”, while inadequate translation may lead to “filtering” or “distortion”. Balancing the preservation of the cultural and pragmatic characteristics, as well as artistic qualities, of the source language lyrics with the appropriateness of the target language stage version is a formidable challenge. However, in today's world

of cultural exchange and mutual learning among civilizations, these efforts are of great significance in promoting a deeper understanding among nations and bringing the benefits of outstanding cultures to all people. This paper primarily focuses on the philosophical foundations of Peking Opera lyrics and the cultural and pragmatic cognition they reflect, offering insights into lyric translation, mainly from Chinese to English, and the issues therein. It, finally, places particular emphasis on problem identification, with the hope that scholars and practitioners will provide theoretical and practical solutions.

II. The Philosophical Foundation of Chinese Peking Opera Lyrics

Artistic expression is always rooted in one's perception of the world. Chinese Peking Opera, as a comprehensive art form, amalgamates history, language, philosophy, society, politics, economics, sports, military, music, dance, literature, and more to enrich its expressive forms. Its purpose is to convey perspectives on life and worldviews while engaging in competition with other art forms, striving for unrivaled excellence. The content, emotions, and forms it expresses all stem from the life philosophies and worldviews of its playwrights and performers, with its ultimate origin lying in traditional Chinese philosophy. Generally, Daoism and Confucianism, both originating in China, form the foundation of traditional Chinese worldview, with Daoism often considered the core of Chinese philosophical thought.

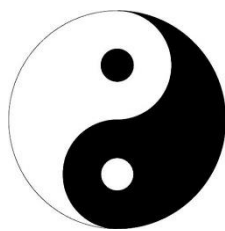

Fig. 2. 太极图 Tai Chi Diagram

Daoism, as a primary representative of traditional Chinese philosophy, introduced the concept of Yin and Yang (as is shown in Fig 2: Tai Chi Diagram. The white part is Yang, while, the black Yin), asserting that they are not only opposing forces but also complementary and interdependent. Yin and Yang can mutually nurture and restrain each other, creating a dynamic balance and forming a rudimentary dialectical thought. Daoism abstracts the concept of “Dao” (the Way) in Chinese traditional philosophy and posits the idea of the unity of heaven and humanity. This principle of the unity of opposites explains the relative equilibrium of the world's operation. Once this balance is disrupted, Yin and Yang fall into disarray, and harmony is lost. This philosophy finds clear manifestations in language, literature, art, traditional Chinese medicine, and other fields, serving as the core theoretical basis for diagnosing and treating illnesses in traditional Chinese medicine.

In Peking Opera performance, concepts such as “real and fake”, “light and shadow”, “high and low”, “strength and weakness”, “front and back”, “left and right”,

“inside and outside”, “abstract and concrete”, permeate the entire process. These concepts are reflected in every aspect of Peking Opera, including plot, scenes, movements, dance, singing, lyrics, music, and stage direction. They constantly demonstrate the relationship between the “small” and the “large”, the “specific” and the “abstract” (e.g., the use of a part to represent the whole, such as a whip to indicate riding a horse, or placing a long white silk ribbon around the neck of a character to symbolize being bound). This reflects the philosophy of unity in opposites. Actions that start with a movement to the left before moving to the right, the modulation of singing melodies, the alternation of rising and falling tones in lyrics, and the actor’s following a curved route in stage movements all exemplify this philosophy. The highly stylized nature of Peking Opera performance is a distinctive feature of Chinese operatic art. Along with elements like storytelling through song and dance, this stylization has contributed to Peking Opera’s status as one of the world’s three major performance systems, exemplified by the Mei Lanfang performance system, earning it a place in the pantheon of dramatic arts.

III. Cultural Cognition of Peking Opera Lyrics

In traditional Chinese culture, linguistic artistic forms are often highly revered. The forms of Peking Opera lyrics are generally believed to have two main origins. One is the “qupai” style, which evolved from the suite forms (brands) of miscellaneous legends and is similar to verses with varying lengths, but it is rarely used in current repertoire. The other is the “banqiang” style (singing meters with rhyme scheme), which closely resembles classical Chinese poetry, with “xipi” and “erhuang” as its primary representatives. This form constitutes the main structure of Peking Opera lyrics in existing repertoire and primarily serves the purpose of character portrayal, plot progression, and artistic expressiveness.

Many Peking Opera lyrics employ a format consisting of paired sentences, similar to the English heroic couplet. The rhyme and tonal patterns in these paired sentences reflect the contradictions and the ultimate unity, the “One”, as elucidated by Chinese philosophy. Similar usages are also prevalent in traditional Chinese poetry and songs. This coexistence of poetic language and colloquial expression, known as the combination of literary and colloquial styles, aligns with the Chinese philosophical tendency to place opposing sides on an equal footing. This dual-line lyrical form exemplifies the beauty of sound and rhythm in the Chinese language, encompassing the symmetry of syllables, the circularity of rhyme, and the melodic rise and fall of tones (known as 平仄, *pingze*. See the Note for details.), as eloquently described by the term “声韵之美” (the beauty of sound and rhyme) [Lan Fan, 2008].

As the heroine Miss Zhang’s two lines in *A Dream of Spring Boudoirs*:

去时陌上花如锦，

归来楼头柳又青。

“When we go, flowers on the streets are like brocade,

When we return, the willows on the rooftops are green.”

The symmetry, loop, and cadence in it are precisely consistent with the Yin Yang theory in traditional Chinese philosophy. This high degree of formal beauty has also become a distinct feature of the lyrics in Beijing opera, which is a collection of artistic achievements.

In the surroundings of traditional Chinese opera, for those familiar with the plot beforehand, Peking Opera audiences tend to focus more on the auditory experience, appreciating the actors' vocal performances, seeking the beauty of musical forms, and only then considering the narrative content conveyed by the lyrics. This pattern, where form precedes content, is quite distinct from the Western theatrical model where form and content interact simultaneously. Therefore, historically, people often referred to attending the theater to watch plays as "listening to plays", emphasizing the significance of "listening" to the actors' personalized interpretations and artistic transformations of the lyrics. This underscores the paramount importance of vocal performance in Chinese opera. Actors must work within the confines of the lyric's format to create melodic expression and develop their characters, without exceeding these fundamental boundaries.

The "banqiang" style of Peking Opera lyrics consists of paired sentences that symmetrically rhyme and repeat in cycles. Lyrics must rhyme, and the basic pattern involves starting with a rhyming phrase, followed by rhyming phrases at even intervals, which can continue indefinitely in paired sentences. To achieve musical beauty, the first sentence requires a *ping* tone, while the second sentence (rhyming pair) must have a *ze* tone; otherwise, the delivery will be off-key.

The number of characters in Peking Opera lyrics typically falls into seven-character or ten-character lines, with occasional use of five-character or eight-character lines, and so on. For example, in seven-character lines:

家中奉了母亲命, ---- *mìng* tone: *ze* (仄)
 去往长亭来饯行。 ---- *xíng* tone: *ping* (平)
 急急忙忙长亭奔, ---- *bèn* tone: *ze* (仄)
 见了三叔问安宁。 ---- *níng* tone: *ping* (平)

(Chopping Bao Mian)

*"At home, I followed Mother's command,
 To the pavilion, I hastened, to see you off.
 Hurrying to the pavilion, with haste I went,
 Upon seeing Third Uncle, inquired about your well-being."*

Or in ten-character lines:

老爹爹在朝中官高爵显, ---- *xiǎn* tone: *ze* (仄)
 却为何贪富贵不顾羞惭。 ---- *cán* tone: *ping* (平)
 想当初嫁儿身已从父愿, ---- *yuàn* tone: *ze* (仄)
 到如今还叫儿争宠君前。 ---- *qián* tone: *ping* (平)

(Yuzoufeng Sword)

*“Father, in court, held a lofty rank,
Yet, why did he covet wealth and fame without shame?
Recalling the past, I wed as my father wished,
But now, I must still vie for favor before the ruler.”*

In these examples, the lines are symmetrical and paired, with the first and fourth lines rhyming with each other and the second and fourth lines rhyming as well.

In addition to the format and structure, Peking Opera lyrics often contain proper nouns and allusions specific to Chinese culture, such as terms like “知府” (magistrate) and “军师” (strategist), along with historical or legendary references. These references provide resonance with the cultural and psychological aspects of the audience, invoking traditional cultural familiarity. For instance:

*有几个贤孝子听娘来论，
一桩桩一件件娘记在心。
那大舜耕田为的都是孝顺，
丁蓝刻木，莱子班衣，孟宗哭竹、杨香打虎这都是贤孝的儿孙……*

(Fishing a Golden Turtle)

*“A few virtuous and filial sons heed their mother's counsel,
One matter after another, all etched in her heart.
Like how Great Shun tilled the fields to show his filial piety,
Ding Lan carving wood, Lai Zi weaving cloth,
Meng Zong weeping for bamboo, and Yang Xiang fighting a tiger,
These are all virtuous and filial descendants...”*

This passage includes references to “大舜耕田” (Emperor Shun plowing the fields), “丁蓝刻木” (Ding Lan carving wood), “莱子班衣” (Lai Zi weaving cloth), “孟宗哭竹” (Meng Zong crying beside bamboo), and “杨香打虎” (Yang Xiang fighting a tiger). These allusions are from the *Twenty-Four Filial Exemplars*, a collection of stories depicting the filial piety of twenty-four individuals from various backgrounds in ancient China. These tales, often accompanied by illustrations in later editions, are known as the *Twenty-Four Filial Exemplars Illustrated*. They served as popular literature for propagating Confucianism and filial piety in ancient China. This passage in the lyrics emphasizes the realistic behavior of the character in the play who uses logic and emotion to persuade her son to practice filial piety. Additionally, by invoking these well-known and culturally significant references, it resonates with the audience’s cultural psyche, enhancing the emotional impact.

In translation, if the translator does not pay attention to the deeply ingrained cultural phenomena, such as the format, metrical patterns, and rhyme schemes of Peking Opera lyrics, it would be equivalent to erasing a significant portion of the distinctive features of Peking Opera, particularly its emphasis on singing [Liang Yan,

2013]. This, in turn, would result in a loss of the desired audience appreciation and comprehension of the performance in the target language context.

Understanding and conveying the cultural nuances of Peking Opera lyrics, including their format, structure, and cultural references, is essential for effective translation and maintaining the essence of this unique art form.

IV. Pragmatic Cognition of Peking Opera Lyrics

Liu Miqing argues that barriers to deep understanding are psychological or cognitive structural obstacles [Liu Miqing, 2001]. He emphasizes that these barriers do not reside within the text itself but rather exist in the domains of aesthetic imagery and cognitive cognition based on the text. In the translation of Peking Opera lyrics, pragmatic cognition often plays a crucial role in achieving effective translation results. On one hand, it involves the correct conceptual understanding and effective transmission of meaning, and on the other hand, it deals with the transmission of rhetorical effects (with a focus on metaphorical rhetoric) within the context.

In Peking Opera lyrics, adjustments to the inner structure of expressions are sometimes made for the sake of end-rhyming at the end of the sentence, such as in the line, “带过我的马能行” (“daiguo wode ma nengxing”). Chinese audiences, through cultural conditioning, can automatically adjust the surface structure of “马能行” (“ma nengxing”) to comprehend the deep structure of “能行马” (“nengxing ma”), which means “a horse capable of serving as a mount and skilled at long-distance running”. This adjustment is essential for achieving conceptual understanding of the expression. Similar inversions can also be found in English poetry, for instance, in the work of William Shakespeare:

...

That patient merit of the unworthy takes,

When he himself might his quietus make

With a bare Bodkin?...

(Hamlet, Act III Scene 1)

Failing to grasp this cultural nuance and relying solely on a literal interpretation without considering the relevant techniques used in English poetry could lead to a misinterpretation of the concept and hinder comprehension.

Metaphors may not represent literal truths semantically, but they serve a pragmatic function by conveying implied meanings [Hu Zhuanglin, 2004]. There is a correspondence between two conceptual domains, known as “mappings”. In the line “清晨起开柴扉乌鸦叫过” (“qingchen qi kai chaifei wuya jiaoguo”), the protagonist, Xiao En, sings about “乌鸦叫过” (“wuya jiaoguo”: the crow has cawed). In traditional Chinese culture, one’s seeing crows flying or hearing them cawing is considered an inauspicious omen. According to Lakoff, there is a conceptual schema here [Lakoff, Turner, 1989], where the image of crows flying and cawing is entrenched in Chinese culture as a symbol of ill omen, and it does not carry any additional meaning.

Traditionally, the “起兴” (“qi xing”) technique has been frequently employed in Peking Opera lyrics. This technique involves beginning a passage not by directly

revealing the main theme but by introducing another subject and then transitioning to the main subject, aiming to stimulate the reader's imagination and reflection, gradually leading to an understanding of the overall theme. It often involves implicit metaphors and serves the purpose of emotional expression and atmosphere creation, as, in the core passage of the Peking Opera 借东风 (*Jie Dongfeng*---Borrow the East Wind), the main character, Zhuge Liang, sings the line “天堑上风云会虎踞龙骧” (“*tianqian shang fengyun hui hujulongxiang*”), which begins with a description of a fierce battle between dragons and tigers in the sky, metaphorically alluding to the significant Red Cliffs Battle during the Three Kingdoms period. This line sets the stage for the entire passage, combining narration and emotional expression. It is not placed randomly, divorced from the context of the plot and lyrics, and it should not leave the audience bewildered. This technique is reminiscent of the use of quotations from famous works to begin essays in 17th and 18th-century English literature.

In the translation of Peking Opera lyrics, if one fails to correctly understand them from a pragmatic cognition perspective, it becomes challenging to choose the appropriate translation techniques to effectively and reasonably convey the original text's information and artistic features. Furthermore, it would be difficult to replicate the desired appreciation and comprehension effects as closely as possible in the target language context.

V. Current Challenges and Basic Attitudes and Principles Needed

Currently, there are several key issues in the translation of Peking Opera lyrics, which can be summarized as follows:

Translators often lack a sufficient understanding of Chinese traditional philosophy and are not fully aware of its influence on cultural and pragmatic cognition.

Translators may have gaps in their knowledge of Chinese traditional culture and Chinese pragmatic cognition, leading to an incomplete understanding of the expressive techniques, including *ping*, *ze* and rhyme, used in Peking Opera lyrics, let alone an accurate translation.

Due to cultural differences and cultural cognitive barriers between Chinese and foreign cultures, there has never been a fully equivalent translation of Peking Opera scripts. Although translators attempt to faithfully reproduce the form and content of the source language lyrics in the target language, there is often a “gap” because the cultural and pragmatic cognition of the target language audience differs from that of the Chinese audience, in other words, *pingze* and rhyme cannot be available in the target language version; even the lines, in their target language version, contain more syllables in them than in the original lines, which means the difficulty in singing them according to the original melody. Consequently, their foreign-language performances have never achieved all the effects that can be produced by Peking Opera practitioners performing in Chinese.

Given these limitations, translators should adhere to the following principles within their constraints:

Respect the cultures of both the source language and the target language, transcend cultural barriers, and strive to preserve the artistic style and cultural characteristics of the source language while promoting cultural understanding.

In terms of language form in the target language, try to “stay close” to the source language and make adjustments only when necessary, maximizing the presentation of the original flavor.

Based on the cultural and pragmatic cognition of the target language audience, use techniques such as adaptation and borrowing to bridge cultural cognitive barriers and strive for “mutual understanding” and “mutual interpretation” that lead to logical resonance.

If the target language version of the lines cannot achieve the effect, the singing in Chinese, rather, with key notes for *pingze* and rhyme in advance, will help to reproduce the effect to some degree, which, perhaps, is a transitional approach, considering the stage performance effect and the characteristics of Beijing Opera.

Finally, the lyrics translator should be familiar with Chinese poetry, English drama, and poetry, and preferably have the ability to create independently.

In summary, it is essential to understand the role of Peking Opera translators from a new perspective. Through adjustments in cultural and pragmatic cognition, the goal is to preserve the artistic characteristics of this Chinese cultural treasure as much as possible and effectively convey them to the target language audience. This will enable them to gain a more comprehensive understanding of the unique features of Peking Opera and fully appreciate its beauty, making cultural exchange and sharing possible.

Note

平仄 *Pingze*

It is based on the Chinese four tones with incomplete induction summed up, *Pingze* refers to flat straight (*shu*), *ze* refers to zigzag (*promote*): upper sound, go sound, enter sound for *ze*, *Pingze* is flat; Nowadays, according to “flat water rhyme” or according to the Chinese pinyin of Chinese characters, one and two tones are flat, and three and four tones are oblique tones. It can be seen that tonal is the definition of the duality of the four sounds in Chinese, and the tone of Chinese characters is either flat or tonal, which also indicates that the tonal of Chinese characters is achieved by “reciting”, not by “writing” and “seeing”. The level and oblique tones of Chinese poetry couplets are the tones of Chinese characters used in modern poetry, *ci* (a poetic form) and *lian* (couplets), which is used to express the beauty of its rhythm and is also the basis of its meter.

References

1. Han Zhiling. The Subtitles Translation of Peking Opera and Overseas Communication Under the Background of Belt and Road // Modern English. 2021. № 14. P. 84–86.
2. Hu Zhuanglin. Metaphor and Cognition. Beijing: Beijing University Press, 2004. 244 p.
3. Lakoff G. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor / G. Lakoff, M. Turner. The University of Chicago Press, 1989. 237 p.

ПЕРЕВОД КАК НЕОДНОЗНАЧНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

4. Lan Fan. A Comparative Study of Chinese and Western Drama. Shanghai: Xuelin Press, 2008. 448 p.
5. Liang Yan. The Translation of Beijing Opera Lyrics Should Not Be Underestimated // Chinese Actor. 2013. № 3 (33). P. 39–40.
6. Liu Miqing. Translation and Language Philosophy. Beijing: China Translation & Publishing Corporation, 2001. 547 p.
7. Ye Fei. China Culture Daily. Bilingual subtitles: The unspeakable nature of Beijing Opera. China Culture Daily, 2009-04-01(005).

УДК 81'25

ПРАЙМИНГ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

© Гунсурунова Анна Викторовна

аспирант,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Россия

ann03ann@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье изучается один из самых востребованных современных психолингвистических феноменов, который был заимствован из медицины и психологии, — «прайминг» в аспекте межличностного и межкультурного взаимодействия. На основе теоретического исследования работ зарубежных и отечественных ученых раскрываются значение и когнитивная природа данного феномена, определяется взаимосвязь прайминга с понятиями «прайминг-эффект», «прайм», рассматриваются его основные функции как единицы когнитивного механизма участника коммуникации, а также классификация прайминг-эффекта, приводится объяснение ее применимости в разных видах языковых ситуаций. Актуализируется значимость данного феномена для моделирования переводческого посредничества и объяснения этапов отбора определенного репертуара сем для экспликации интенций автора. Данная работа затрагивает основные вопросы таких областей, как лингвистика, психология, психолингвистика, когнитивистика, нейролингвистика и транслатология.

Ключевые слова: прайминг, прайминг-эффект, прайм, когнитивная система, когнитосфера, психолингвистика, транслатология, межкультурное посредничество.

Переводческое посредничество является комплексной системой осуществления коммуникации, в большей степени функционирующей в условиях имплицитной деятельности межкультурного посредника. Совмещая в себе когнитосферы всех трех участников коммуникации, автор-переводчик-реципиент, переводчик реализуют множество когнитивных процессов, что обуславливает сложность и многофакторность данного процесса в целом [Пастухова, Никитина, 2017, с. 159]. В отличие от других видов коммуникативного взаимодействия коммуникативная цель перевода, т. е. перевод как результат, обладает критериями качества [Алексеева, 2010, с. 76], соответственно, для достижения максимально возможного тождества текста в исходном языке и языке принимающей культуры необходимо смоделировать весь процесс для прогнозирования и алгоритмизирования всех этапов. Помимо процессов интерпретации, кодирования и декодирования языковых знаков можно проследить более масштабные процессы семиозиса в переводе, такие, например, как прайминг [Моисеева, 2019, с. 382–385].

Идея прайминга в лингвистике, а точнее, в психолингвистике, используется в методологии с середины XX в. Термин был заимствован из медицины и психо-

логии, и в настоящее время исследованиями данной проблемы занимаются многие зарубежные и отечественные ученые. Согласно результатам статистического исследования материалов на базе данных SCOPUS и электронной библиотеки e-library М. В. Щербаковой в 2019 г., прайминг в психолингвистике за последние десятилетия вызывал большой интерес у исследователей. Так, например, в ряде трудов зарубежных коллег за последние 15 лет отмечается четкая тенденция роста в вопросах, касающихся прайминг-эффекта в психолингвистике. В западном научном сообществе — особенно в 2018 году (опубликовано 255 работ) [URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-prayminga-v-sovremennoy-psiholingvistike> (дата обращения: 16.07.2023)].

В связи с тем, что прайминг является относительно новым явлением в лингвистике, трактовка данного термина осуществляется в соответствии с определениями, предложенными исследователями в области психологии. Как отмечает М. В. Фаликман, в современных пособиях предложены краткие трактовки понятия «прайминг», в своем большинстве представляющие собой варианты перевода английского слова *priming* («эффект предшествования», «подсказка», «подготовка», «преднастройка») [Фаликман, 2005, с. 81–90], однако такие определения не позволяют в полной мере познать природу данного психолингвистического феномена. Развернутые определения можно найти в специализированной литературе. Стоит отметить, что понятие «прайминг» ученые рассматривают в тесной взаимосвязи с такими явлениями, как прайминг-эффект и прайм, однако рекомендуется различать их [URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-prayminga-v-sovremennoy-psiholingvistike> (дата обращения: 16.07.2023)]:

- **прайминг** — рефлексорный процесс ментальной системы, который активизирует когнитивные единицы для более быстрой и точной обработки поступающей информации (*триггера*) и образования последующей реакции на поступившую информацию (*прайм*) [Фаликман, 2005, с. 81–90];
- **прайминг-эффект** — результат воздействия триггера в условиях обычного взаимодействия реципиента с объектами жизнедеятельности или другим индивидом, а также экспериментальное применение прайминга для «качественного или количественного изменения параметров реакции человека в ответ на появление триггера ...» [Там же].
- под **праймом** понимается предмет или предметная ситуация, которая с помощью триггера стимулирует реакцию человека, в дальнейшем предопределяя его мыслеобразующую деятельность [Там же].

В более общем понимании прайминг рассматривается как бессознательное воздействие сознания исследователя на сознание испытуемого для идентификации и воссоздания ментальных процессов восприятия, перцептивного внимания и памяти [Там же].

Поскольку прайминг является естественной реакцией сознания на поступающую информацию, идеи прайминга активно используются в качестве инструмента манипулирования в рекламном тексте, деловом общении, художественной

литературе и т. д., образуя тем самым жанровую типологию исследуемого феномена. Согласно М. В. Фаликману, А. Я. Койфман, прайминг-эффект имеет различную природу категоризации, он может различаться в зависимости от скорости образования концепт-связей, цели воздействия (когнитивный, эмоциональный), индивидуального характера восприятия (надпороговый, подпороговый), глубины когнитивной обработки триггера (сенсорный, перцептивный, семантический). Однако для психолингвистики актуальным является подход к типологизации прайма с позиции особенностей построения концепт-связей прайма или сходного с ним стимула в цепочке человек-язык-человек, т. е. вариация прайминг-эффекта в зависимости от характера триггера/предмета языковой ситуации. Попытка классифицировать прайминг-эффект на основании общих данных приведена ниже.

Концептуальный прайминг — концепт-связи, активизирующиеся в ответ на триггер, который коррелирует с уже существующими концепт-компонентами в когнитивной системе коммуниканта; также при отсутствии подходящих концептуальных категорий допускается образование новых категорий, связанных с триггером. В качестве примера можно привести такие концептуальные ветви, как: *рука* — *часть тела* — *нога*, *рука* — *элементы одежды* — *перчатка*, и т. д.

Семантический прайминг — установление взаимосвязи между семами, обладающими семантической близостью или схожей семантической значимостью, в качестве примера предлагается рассматривать такие пары, как *тарелка* — *блюдец*, *господин* — *мистер*, *кошелек* — *портмоне* и пр.

Неассоциативный семантический прайминг — чаще всего в данном виде встречаются сложные языковые связи-реакции, дистанцированные от предмета-триггера, пользующиеся меньшей актуальностью в ментальном лексиконе: *лодка* — *катамаран*, *Земля* — *Юпитер*. Тем не менее данный вид детерминирован уникальностью ментального лексикона и концептуальных систем отдельного реципиента.

Перцептивный прайминг — данный вид связи построен на функционировании визуального распознавания и быстрой адаптации в условиях минимальной информативности воспринимаемого триггера с учетом установившейся картины мира. Например, при рецепции отдельной части картины «Звездная ночь» Винсента Ван Гога в сознании воспроизводится картина целиком. В случае языковой ситуации возможен пример со стихотворением А. С. Пушкина «К ***»: при восприятии первой строки данного поэтического текста в голове непроизвольно возникает его продолжение.

Ассоциативный прайминг — построение связей на основе активного ментального лексикона и действующих концептуальных категорий: *родник* — *чистая вода*, *чашка* — *чай*.

Повторный прайминг — установление связей между вербальной информацией и праймом посредством частого употребления триггера в устной или письменной речи, например:

а) периодическое упоминание товара в рекламном тексте (реклама жевательной конфеты Мамба 90-х гг.)

Коля любит Мамбу,

Толя любит Мамбу,

<...>

Мамбу Фрутис любим мы все!

И Сережа тоже!

б) анафора или повтор метафоры в поэтическом тексте (Б. С. Дугаров, отрывок из стихотворения Наян-Нава)

Наян-Нава, Наян-Нава —

есть на земле простор такой.

Наян-Нава — растет трава,

Наян-Нава — снега и зной.

Наян-Нава — скакун летел.

Наян-Нава — кочевник пел:

«Где расседлаю я коня,

там дом и родина моя» <...>.

Маскированный прайминг — установление взаимосвязи в соответствии с прогнозируемой функцией нашего сознания, восполнение недостающих частей языкового знака путем понимания основной мысли, по тому же принципу функционирует феномен переводческой и языковой догадки — отсутствие определенной семы в ментальном лексиконе не осложняет процесс перевода, если в контексте переводимого текста значение слова уже понятно, переводчику лишь остается сузить семантическое поле и отобрать необходимые корреляты из своего лексикона, соответствующие жанру и коммуникативной ситуации.

Обратный прайминг — образует осознанную реверсивную реакцию индивида на триггер, чаще всего вовлекает экстралингвистические факторы в процесс межличностного взаимодействия. Например, такие сатирические приемы, как сарказм и ирония, отображают суть данного прайминг-эффекта, к ним же можно отнести такую фразеологическую единицу, как *мастер на все руки*, употребленную в негативном контексте.

В настоящее время наблюдается тенденция использования идей прайминга в качестве методологии для изучения многих лингвистических явлений (И. А. Асланов, А. А. Котов, Т. В. Ахутина, Е. В. Каширская, D. L. Schacter, James H. Neely, M. I. Kiose, V. A. Yarikova, Michael T. L. Pace-Sigge), это обусловлено функциональными особенностями данного феномена, а именно: способствованием спонтанности и простоте восприятия речи и ее продуцированию [URL: <https://www.readthesequences.com/About> (дата обращения: 10.07.2023)]. Несмотря на это, прайминг в контексте взаимодействия лингвокультур остается актуальным полем для исследования.

Вместе с тем был проведен ряд исследований прайминга в смежных или напрямую взаимосвязанных с переводческим посредничеством лингвистических направлениях.

В работе Е. А. Седуновой описываются когнитивные функции лексического прайминга в речевой коммуникации. В исследовании используется модель диалогического взаимодействия участников коммуникации М. Пикеринга и С. Гаррода [Pickering, Garrod, 2002, p. 24], согласно которой достижение коммуникативной цели обусловлено праймингом. Практическая часть работы включает анализ видеозэксперимента с танграммами, проведенного в Иркутском государственном университете, и видеоматериалов телевизионной игры [URL: <https://scipress.ru/philology/articles/kognitivnaya-funktsiya-leksicheskogo-prajminga.html> (дата обращения: 24.07.2020)].

Исследование В. Н. Степанова и Н. С. Ереминой направлено на изучение локализации точек когнитивного напряжения в условиях перцепции поэтического текста билингвальной личностью. В данном исследовании проводился анализ поэтического произведения, а также его перевода. Авторы исследуют одну языковую личность как реципиента-отправителя в системе двух языков — русского и английского. Также ими определяются возможные критерии оценки качества перевода.

Оба исследования обладают большой значимостью для дальнейшего изучения прайминга в системе взаимодействия культур. В первом исследовании прайминг выступает как средство достижения успешной коммуникации [Федорова, 2014, с. 409]; во втором — прайминг позволяет выявить определенные категориальные сходства в организации языка перевода билингва [URL: <https://psycholinguistic.ru/elektronii-naychnii-shynal/rybriki/otechestvennaya-i-zarybechnaya-praktika/tochki-kognitivnogo-napryazheniya-v-reczeczii-poeticheskogo-teksta/> (дата обращения: 13.07.2023)].

Исходя из результатов исследований зарубежных и отечественных ученых, можно предположить возрастающую необходимость применения данного феномена на всех этапах переводческой деятельности.

Прайминг свойствен когнитивной архитектуре любого индивида, это необратимый процесс работы нейронных цепей в организации мыслеобразующей и речеобразующей деятельности и межличностного взаимодействия, соответственно, проследить его процессы можно в любом виде коммуникации. Осведомленность об особенностях данного феномена позволяет спрогнозировать определенные сценарии речевого поведения, что в значительной мере облегчает и упрощает процесс вербального взаимодействия, способствуя при этом достижению коммуникативной цели. В аспекте переводческого посредничества является необходимым трансплантировать исходное сообщение (устной или письменной речи) в систему целевого языка в максимально возможной форме тождественности. Сообразно предположить, что идея прайма как базовой знакоразличительной и смыслообразующей структуры в моделировании перевода поможет сконструировать, во-первых, возможные концепт-компоненты и их взаи-

мосвязь с ментальным лексиконом автора исследуемого дискурса, тем самым эксплицируя интенции автора; во-вторых, предугадать реакцию реципиента, т. е. определить точки когнитивного напряжения в репертуар сем, который станет триггером для отдельной категории концепт-компонентов и понятий, создав тем самым отдельный ментальный дискурс автора текста в сознании реципиента. Обобщая вышесказанное, следует отметить, что прайминг имеет большую исследовательскую значимость не только в аспекте психолингвистики, но и в аспекте коррелирующих с ней дисциплин, таких как переводоведение, когнитивистика, нейролингвистика и т. д.

Литература

1. Алексеева М. Л. Перевод реалий и реалии перевода: особенности передачи русских реалий в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского: монография / М-во образования и науки Российской Федерации, Уральский гос. пед. ун-т. 2-е изд., перераб. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2010. 221 с.
2. Асланов И. А., Котов А. А. Влияние метафорического фрейминга на оценку суждений о примере категории // Психологические исследования. 2020. Т. 13, № 72. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.07.2023).
3. Ахутина Т. В., Каширская Е. В. Нейропсихологический анализ индивидуальных особенностей переработки лексической информации // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 93–101.
4. Моисеева И. Ю. Значение прайминга в процедуре неосознаваемой обработки информации при восприятии текста // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 3(28). С. 382–385.
5. Пастухова С. Е., Никитина Е. В. Когнитивный подход в переводоведении // Приоритетные научные направления: от теории к практике: материалы XXXVI Международной практической конференции (Новосибирск, 28 февраля 2017 г.). Новосибирск, 2017. С. 157–163.
6. Седунова Е. А. Когнитивная функция лексического прайминга // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. № 7(63). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/kognitivnaya-funktsiya-leksicheskogo-prajminga.html> (дата обращения: 24.07.2020).
7. Степанов В. Н., Еремина Н. С. Точки когнитивного напряжения в рецепции поэтического текста // ЭПИ «Организационная психолингвистика». 2023. URL: <https://psycholinguistic.ru/elektronii-nauchnii-shynal/rybriki/otechestvennaya-i-zarybechnaya-praktika/tochki-kognitivnogo-napryazheniya-v-reczeczii-poeticheskogo-teksta/> (дата обращения: 20.07.2023).
8. Фаликман М. В., Койфман А. Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2005. № 3. С. 86–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-prajminga-v-issledovaniyahvospriyatiya-i-pertseptivnogo-vnimaniya> (дата обращения: 20.07.2023).
9. Федорова О. В. Экспериментальный анализ дискурса. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 512 с.
10. Федорова О. В., Юдина М. В. Разрешение синтаксической неоднозначности: эффекты прайминга и самопрайминга. Москва: Изд-во РГГУ, 2009. С. 554–558.

11. Щербакова М. В. Значение прайминга в современной психолингвистике // БГЖ. 2020. № 2(31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-prayminga-v-sovremennoy-psiholingvistike> (дата обращения: 16.07.2023).
12. Kiose M. I., Yarikova V. A. Novel metaphors recognition in reading. Do we face priming effects? // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. 2022. № 6(861). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novel-metaphors-recognition-in-reading-do-we-face-priming-effects> (дата обращения: 16.07.2023).
13. Neely James H. Semantic priming and retrieval from lexical memory: Evidence for facilitatory and inhibitory processes // Memory and Cognition. 1976. № 4(5). P. 648–654.
14. Pace-Sigge Michael T. L. The concept of Lexical Priming in the context of language use // ICAME Journal. 2013. № 37. P. 149–173.
15. Pickering M. J., Garrod S. Towards a mechanistic psychology of dialogue // Behavioral and Brain Sciences. 2002. P. 27.
16. Schacter D. L. Priming and the brain // Neuron. 1998. P. 185–195.
17. Yudkowsky E. Rationality: From AI to Zombies / Machine Intelligence Research Institute. 2015. URL: <https://www.readthesequences.com/About> (retrieved: 10.07.2023).

PRIMING IN TRANSLATION STUDIES

Gunsurunova A. V.
Research Assistant,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
ann03ann@mail.ru

Abstract. The article deals with priming in aspects of interpersonal and intercultural interactions. Priming is a medicine and psychological term and one of the most relevant modern psycholinguistic phenomena. This article refers to the analysis of priming researches of foreign and Russian scientists that expand complex cognitive structure of prime, its cognitive features and its functioning as an element of one's cognitive mechanism in a process of communication and explain such conceptual constructs as «priming-effect», «prime». Current theoretical research also gives detailed classification of priming-effect and highlights the necessity of priming as a linguistic tool for modeling each step in the process of translations featuring pre-translation interpretation and explication of author's intentions. The article faces main theoretical issues in the context of linguistics, psychology, psycholinguistics, cognitive linguistics, neurolinguistics and translatology.

Keywords: priming, priming-effect, prime, cognitive system, cognitive sphere, psycholinguistics, translatology, intercultural mediation.

УДК 81'25:821.58

**ПЕРЕВОД БУДДИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ ЭКСКУРСИИ В ДАЦАН**

© **Карымшакова Татьяна Геннадьевна**

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Россия
vipkt@mail.ru

© **Будаева Цындыма Львовна**

кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Россия
budaeva_21@mail.ru

Аннотация. В статье отражены результаты исследования, проведенного авторами, которые изучали роль переводчика в индустрии религиозного туризма. Установлено, что гид-переводчик является важным участником процесса межкультурной коммуникации, особенно при посещении этнокультурных и религиозных объектов. Отмечено, что для передачи значения различных терминов, связанных с религией, чаще всего использованы устоявшиеся/окаzionaliальные эквиваленты или описательный перевод. Применение калькирования требует особой осторожности. Кроме того, авторы опираются на классификацию буддийской лексики по тематическим группам, предложенную Д. Л. Шагдаровой. В целом статья позволяет лучше понимать роль переводчика в индустрии религиозных туров и содержит практические советы для тех, кто планирует заниматься этой деятельностью.

Ключевые слова: буддийская лексика, перевод, эквивалент, гид, переводчик, экскурсия.

Религиозный туризм в мире стабилен, однако во времена потрясений наблюдается повышение интереса к подобным путешествиям. Например, в буддийских территориях России (республики Калмыкия, Тыва и Бурятия) на протяжении многих лет, причем не только со стороны российских туристов, но и иностранных. В связи с этим очевидна необходимость подготовки гидов-переводчиков, работающих на территории объектов этнотуристской привлекательности и конфессиональных сооружений (в Бурятии — дацанов) или ведущих экскурсии, тематически связанные с религиозными сооружениями.

Иностранный язык — это инструмент межкультурной коммуникации в индустрии туризма, а переводчик — традиционно посредник. «В рамках экскурсионного дискурса гид-переводчик становится проводником, осуществляющим культурный трансфер» [Кругляк, 2018, с. 119]. По определению многих исследователей, экскурсионный дискурс рассматривают как «совокупность текстов с

учетом экстралингвистических, социокультурных и других факторов» [Бахвалова, 2011, с. 199].

В случае экскурсии по буддийскому храму (дугану) или храмовому комплексу (дацану) перед переводчиком стоит задача наиболее адекватного перевода буддийской лексики, в частности философской, общерелигиозной, храмовой и другой. Д. Л. Шагдарова считает, что «в монгольских языках, в том числе в бурятском, буддийские термины считались священными, не подвергались большому изменению и в абсолютном большинстве заимствовались главным образом из тибетского языка, относящегося к иной, чем монгольские языки, семье, а именно сино-тибетской, поэтому имеющего отличную от них фонетическую систему [Шагдарова, 2016, с. 192]. Большая часть данной лексики в дальнейшем перешла в русский язык, на котором гиды проводят экскурсии для туристов. При переводе основную трудность вызывают несколько тематических групп, выделенных Д. Л. Шагдаровой:

- термины, обозначающие общие буддийские понятия (дхарма «учение», сангха «община буддистов»);
- «термины, относящиеся к духовенству (напр., хубараг «послушник», шэрээтэ «настоятель ламаистского дацана»);
- термины, относящиеся к буддийскому ритуалу (напр., хурал «массовое ламское богослужение», жасаа «ежегодный ритуальный молебен, посвященный хранителям очага»);
- термины, относящиеся к культовым предметам (напр., дамаари «молитвенный барабанчик», бойпуур «кадило»);
- термины, относящиеся к архитектуре буддийских храмов (напр., дасан «дацан», дуган «молельня», субарга «ступа» и др.)» [Шагдарова, 2016, с. 192].

Как и при проведении любой другой экскурсии, переводчик имеет выбор между использованием устоявшихся/оказиональных эквивалентов или описательного перевода.

Устоявшиеся/оказиональные эквиваленты

Существующие двуязычные и онлайн-словари зачастую не содержат эквивалентов перевода данной лексики. Так, ключевое существительное *дацан* для экскурсии, связанной с буддизмом, в печатных словарях не представлено вообще, но есть в Мультитране и переводится как «temple/monastery» [URL: <https://www.multitran.com/m.exe?s=дацан&l1=1&l2=2> (дата обращения: 27.07.2023)]. Для термина *хубарак* «послушник» можно предложить вполне рабочий перевод «student», так как в Иволгинском дацане (Бурятия), где имеется буддийский университет, так называют в основном тех, кто там учится. Однако терминов, имеющих конкретное соответствие в английском языке, не так много, и даже те, что есть, требуют пояснения, поскольку их большая часть уже переведена на английский с тибетского языка или санскрита методом транслитерации или транскрипции, и не все туристы могут знать их по-английски.

Сюда можно отнести, например, слова *дхарма* «dharma» (moral principles, teaching of Buddha), *лама* «lama» (Buddhist monk), *бодхисаттва* «bodhisattva» (a person who is on the path towards bodhi ('awakening') or Buddhahood) и огромный список другой буддийской лексики. Поэтому чаще всего для данного пласта лексики недостаточно употребления словарного соответствия, необходим описательный перевод — толкование. Однако при работе с подготовленными туристами, имеющими опыт буддийских практик и понимающими контекст, достаточно использовать устоявшиеся эквиваленты.

Описательный перевод

Кроме учета конфессионального компонента экскурсии и умения подбирать окказиональные эквиваленты понятий буддизма гид-переводчик должен иметь обширные знания в области буддийской философии, ритуалов и владеть соответствующей терминологией на языке перевода. Особенно актуально это в связи с тем, что многие термины и понятия буддизма требуют описательного перевода. Будет недостаточно перевести слово *Будда* — «Buddha», ведь необходимо дать пояснение с учетом прагматики каждой конкретной группы туристов. Например, термин *хамбо-лама* (титул главы сангхи Бурятии) можно перевести описательно: «the spiritual leader of Buddhists in Buryatia», *хурал* (*дацанский молебен*) «formalized service of veneration and worship». Пожалуй, описательно нужно переводить практически в каждой тематической группе, будь то «духовенство», «ритуалы», «культовые предметы» и др. Такой подход требует от гида-переводчика высокого профессионализма, поскольку, например, обращение к калькированию может быть как удачным, так и неудачным. Термин *зангя* «нить-оберег» [URL: <https://sangharussia.ru/buddiiskoe-uchenie/zangyaa-nit-obereg> (дата обращения: 27.07.2023)] можно перевести «string», а для термина *хурдэ* «молитвенный барабан» [URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Молитвенный_барабан (дата обращения: 27.07.2023)] англоязычная страница соответствующего ресурса предлагает «prayer wheel» [URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Prayer_wheel (дата обращения: 27.07.2023)].

В заключение отметим, что гид-переводчик при подготовке к экскурсии в этнотуристские и конфессиональные объекты должен быть широко эрудирован, понимать историю и философию религиозного объекта, тщательно сопоставлять термины и понятия с учетом их содержания и объема, конфессионального контекста и речевой нормы.

Литература

1. Бахвалова Л. Е. Сравнительный анализ экскурсионной речи в режиме «автор – адресат» // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1, № 2. С. 199–204.
2. Кругляк Е. Е. Перевод религиозной лексики при составлении экскурсии по конфессиональным объектам // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: международный сборник научных статей. Нижний Новгород: АЛЬБА, 2018. Вып. 8. С. 119–122.

3. Слепнева Л. Р., Партиллаева И. К. Развитие туризма в Республике Бурятия: этноконфессиональные аспекты // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-turizma-v-respublike-buryatiya-etnokonfessionalnye-aspekty> (дата обращения: 27.07.2023).

4. Шагдарова Д. Л. Буддийская лексика и терминология и проблема их перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-1(57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buddiyskaya-leksika-i-terminologiya-i-problema-ih-perevoda> (дата обращения: 29.07.2023).

5. Мультитран. URL: <https://www.multitran.com> (дата обращения: 27.07.2023).

TRANSLATION OF BUDDHIST RELIGIOUS VOCABULARY WHEN PREPARING A DATSAN TOUR

Karymshakova T. G.

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
vipkt@mail.ru

Budaeva Ts. L.

Cand. Sci. (Phil.), Senior Lecture,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
budaeva_21@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a study conducted by the authors who studied the role of a guide in the religious tourism industry. They established that the guide-interpreter is an important participant in the process of cross-cultural communication, especially when visiting ethno-cultural and religious places. It is noted that in order to convey the meaning of various terms related to religion a guide would use traditional or occasional equivalents or descriptive translation. The use of literal translation requires special care. In addition, the authors refer to the classification of Buddhist vocabulary by thematic groups proposed by D.L. Shagdarova. In general, the article allows for a better understanding of the role of an interpreter in the religious tour industry and provides practical advice for those who plan to engage in this activity.

Keywords: Buddhist vocabulary, translation, equivalent, guide, translator, tour.

УДК 81'25:821.58

**TRANSLATION OF FOLK CULTURE
IN *LIFE AND DEATH ARE WAERING ME OUT* TRANSLATED
BY HOWARD GOLDBLATT**

© **Hou Bijun**

Lecturer, English Department, School of Foreign Studies
Hebei North University
Zhangjiakou, China
houbijun12345@163.com

Abstract. The entire novel portrays the virtues and vices of human nature, the preciousness of life, and the ruthlessness of society from the perspective of animals. The author ingeniously employs the technique of allegory to vividly depict the joys and sorrows of China's rural areas over the past half-century. This narrative unveils the hardships and bitterness experienced by peasants, along with their profound attachment to the land. The novel also vividly portrays the hardworking, resilient, sincere, and optimistic nature of the peasants. This paper analyzes Howard Goldblatt's translation of the novel, further delving into the translation of folk culture within it, thus deepening our understanding to folk culture.

Keywords: *Life and Death are Wearing me Out*, Howard Goldblatt, folk culture, translation.

Introduction

Life and Death Are Wearing Me Out is one of Mo Yan's representative works, depicting the history of land changes in Chinese rural areas over half a century. The characters and stories in this book are heavily rooted in reality, with many of them having genuine prototypes. While writing, Mo Yan drew from his own experiences and stories he had heard, incorporating numerous real events and individuals from both rural and urban settings. As a result, this novel stands as an outstanding literary work with profound historical and cultural significance. It possesses elevated historical value and cultural depth within the realm of literature.

Section One Overview of *Life and Death Are Wearing Me Out*

Part One

Life and Death Are Wearing Me Out is a novel written by Mo Yan. The protagonist of the novel, Ximen Nao, is an unjustly killed landlord. He undergoes six cycles of reincarnation, transforming successively into a donkey, ox, pig, dog, monkey, and a severely disabled infant. Throughout these six cycles, the landlord experiences different perspectives on life and worldviews through the various animal identities.

In the role of a donkey, he experiences hunger, exhaustion, and the anguish of exploitation. As an ox, he endures the pain of enslavement and alienation. As a pig, he faces the terror of slaughter and endless fear. As a dog, he feels the agony of abuse and abandonment. In the guise of a monkey, he encounters feelings of freedom and

cunning. Finally, he is reborn as a big-headed infant afflicted with an incurable congenital disease. As the big-headed infant, the landlord begins to recall his experiences in human society. He remembers his unjust killing, as well as the complex relationships between the peasant family Lan Jiefang and the landlord Ximen Nao. Through the narrative of the big-headed infant, the novel portrays the historical transformation of Chinese rural society over more than fifty years. It also delves into the relationships between humans, animals, and nature.

Part Two Background of Creation

The creation of Mo Yan's novel *Life and Death Are Wearing Me Out* lies in his childhood memories. During his time in elementary school, he experienced the period of China's rural transition, marked by extreme poverty and hardships. While performing the radio calisthenics exercise, he often witnessed a lone peasant pushing a discarded wooden cart past the road adjacent to their school. This peasant was an impoverished elderly farmer, and his wife was a woman with bound feet who led a limping donkey. The creaking and squeaking of the wooden cart produced a piercing sound, and when the weather turned damp or rainy, the cart left deep ruts in the road. This scene left an indelible impression on Mo Yan and became the inspiration for his novel *Life and Death Are Wearing Me Out*. Mo Yan mentioned in interviews that the process of writing this novel involved extensive contemplation and reflection. He invested a significant amount of time and effort into deep research and material collection, spanning several years. According to Mo Yan himself, the book was in fact brewing within him for 43 years. It wasn't until he saw a mural depicting the Buddhist Six Realms of Rebirth in a temple that he had an epiphany, and with newfound inspiration, he began writing this profoundly moving novel that touched the hearts of many.

Part Three Introduction to Howard Goldblatt

Howard Goldblatt was born in 1939 and is a renowned sinologist from California, USA. His translation works encompass various realms of Chinese literature, including novels, essays, and poetry. His translated works include modern classics such as Mo Yan's *Red Sorghum Clan*, Shi Tiesheng's *The Golden Age*, Yu Hua's *Brothers and To Live*. His translations have not only gained popularity among Western readers but also made significant contributions to the dissemination and exchange of Chinese literature internationally. Howard Goldblatt has consistently dedicated himself to promoting Chinese culture and literature. He has served as a lecturer and professor at several universities in the United States and has engaged in cultural exchanges and lectures globally. He is hailed as a leading translator of contemporary Chinese literature. His translated works enjoy widespread popularity and recognition internationally, showcasing the brilliance of Chinese literature to readers worldwide. His translation philosophy emphasizes fidelity to the original text, striving to preserve the linguistic style and characteristics of the original work while conveying the cultural background and emotional nuances of the pieces. His translations are not only

linguistically accurate but also culturally sensitive and insightful, aiding readers in better understanding and appreciating Chinese literary works.

Section Two Folk Culture

Folk culture is an integral component of human social development, gradually formed over long periods of production, daily life, and recreation. It bears the distinctive regional features of traditional culture. It embodies the synthesis of ethnicity, geography, history, and culture, serving as a significant manifestation of human cultural diversity and playing an essential role in daily life. It not only forms an essential part of people's lifestyle but also serves as a crucial support for their cultural psyche. By inheriting and promoting folk culture, cultural confidence and national pride can be strengthened, societal cohesion and cultural identity can be enhanced, and cultural diversity and exchange can be fostered. However, with the development of modernization and the impact of cultural globalization, folk culture faces the risks of being overlooked and disappearing. Therefore, promoting and safeguarding folk culture has become a vital task in contemporary society. Governments, social organizations, and the general public should collaborate to strengthen the inheritance and protection of folk culture, allowing it to continue flourishing in modern society.

Folk culture can be divided into three categories: material life folk culture, spiritual life folk culture, and social life folk culture. Material life folk culture encompasses two aspects. One relates to production-based traditions like animal husbandry and cultivation, which are usually passed down through generations and form crucial foundations for local livelihood and development. The other aspect encompasses material consumption culture, including clothing, food, housing, and transportation, unique to local lifestyles and customs that differ significantly among regions and ethnic groups, reflecting local living environments, societal cultures, and historical traditions. Social life folk culture encompasses a variety of social traditions and customs, such as traditional festivals, coming-of-age rituals, family culture, kinship systems, and village regulations. Spiritual life folk culture, often intangible, includes local language characteristics like proverbs, distinctive cultural beliefs like witchcraft and divination. Therefore, protecting and passing down these folk cultural traditions hold great significance in promoting the development of cultural diversity and fostering cultural exchange and integration.

Section Three Translation Strategy for Folk Culture in Howard Goldblatt's Translation of *Life and Death Are Wearing Me Out*

One Literal translation

Literal translation, also known as word-for-word translation, involves translating according to the literal meaning of the original text. Goldblatt employs a strategy of literal translation as much as possible when dealing with words that carry specific cultural significance. This approach aims to preserve the authentic cultural essence of the text, ensuring that the translated version retains the original flavor and cultural connotations.

Example 1: 三月扶犁，四月播种，五月割麦，六月栽瓜，七月锄豆，八月杀麻，九月掐谷，十月翻地。 Translated version: In the third month, I plowed the fields, in the fourth I planted seeds, in the fifth I sowed wheat, in the sixth I planted melons, in the seventh I hoed beans, in the eighth I collected sesame, in the ninth I harvested grain, and in the tenth, I turned the soil.

In his novel, Mo Yan employs concise and clear four-character parallelism to vividly depict scenes of rural farming. In his translation, Goldblatt preserves the original parallelism technique, using the structure "in...I did something" to present a series of farming scenes. This approach aligns more closely with English language conventions, resulting in a more natural and fluent translation. In Chinese rural areas, people follow the twenty-four solar terms for planting, harvesting, and other agricultural activities. Each solar term holds unique symbolism and cultural significance. For instance, "立春" (Beginning of Spring) marks the start of spring, while "冬至" (Winter Solstice) signifies the increasing sunlight and warming weather. Therefore, in the provided example, the items corresponding to different months differ as well. By linking farming activities to the twenty-four solar terms, a sense of reverence and dependence on nature is expressed, reflecting the Chinese attitude and values towards life. Goldblatt's translation further emphasizes the inseparable emotional connection between farmers and the land, aiding readers' comprehension of the variations in agricultural civilization and offering insight into Chinese agricultural customs.

Example 2: 白刀子进，红刀子出。 Translated version: White knife in, red knife out.

In this sentence, the novel describes the scene of slaughtering pigs in a slaughterhouse. The "白刀子" (white knife) is used for the first half of the pig's slaughter, while the "红刀子" (red knife) is used for the second half. Therefore, the colors of the knives hold a specific meaning, representing different stages in the slaughtering process. Goldblatt directly translates "白刀子" and "红刀子" as "White knife" and "Red knife," which not only preserves the cultural connotations of the original text but also allows readers to stay closely connected to the context and scenario of the original. Moreover, Goldblatt employs the prepositions "in" and "out," opposites in direction, to translate the original "进" (in) and "出" (out), enhancing the clarity of readers' understanding of the spatial layout and operational process of the slaughterhouse. In translation, the use of "White" and "Red" conveys the colors "白" (white) and "红" (red). However, colors hold different meanings and symbolism across cultures. In Eastern cultures, red symbolizes celebration, auspiciousness, enthusiasm, and happiness, frequently used in festive occasions like holidays and weddings. On the other hand, white signifies death, sorrow, omens of bad luck, and inauspiciousness, seen as an unlucky color. In contrast, in Western cultures, the symbolism of red is more intricate. Red is associated with vitality, passion, strength, but simultaneously linked to negative connotations like violence, war, blood, and danger. In this novel, the

use of red in lively and celebratory situations represents joy and celebration. Ge Haowen's direct translation approach aids readers in better understanding the symbolic meanings of colors in different cultures, facilitating a deeper grasp of the cultural implications conveyed in the work. Simultaneously, a direct translation approach is crucial in cultural exchange and cross-cultural understanding, fostering better comprehension and respect for other cultures and promoting communication and understanding between diverse cultural backgrounds.

Two Free Translation

Paraphrasing, also known as "free translation," involves translating based on context and cultural background, often adding or omitting content as needed. In his translation work, Goldblatt employs a paraphrasing approach for words or phrases that are challenging to directly translate. This approach allows for a better conveyance of the intended meaning of the words.

Example 4: 蓝开放和西门欢，则对面坐在棺材前面的两个小方凳上，就着一个瓦盆，烧化纸钱。 Translated version: Lan Kaifang and Ximen Huan sat on stools at the head of the coffin facing each other and burning spirit money in an earthenware platter.

When translating the term "纸钱" (zhǐ qián), Goldblatt employs a paraphrasing approach, translating it as "spirit money". This is because a literal translation as "paper money" might lead readers to misunderstand that the characters in the story are burning actual currency. On the other hand, "spirit money" accurately conveys the intended meaning of the original text, referring to paper money made and burned by the people as an offering to the deceased as an expression of grief. Furthermore, the term "spirit" in "spirit money" carries the connotation of "灵魂" (líng hún) or "spirit", aligning with the strong reverence and respect for spirits within Chinese funeral culture. Translating "纸钱" as "spirit money" not only communicates the essence of the original text but also helps readers better understand Chinese funeral customs and folk beliefs. This paraphrasing approach effectively conveys the meaning of the original text while also transmitting elements of Chinese culture and values to the readers.

Example 5: 民国三十五年春天被我收了房。 Translated version: In the spring of 1946, she became my concubine.

In the original text, the phrase "被我收了房" refers to the act of a man taking a concubine, which is a typical traditional Chinese marital practice. However, for readers who are not familiar with Chinese culture, this may be perplexing. Therefore, Goldblatt adopts a paraphrasing approach, translating "收了房" as "became my concubine". This allows the target readers to better understand the intended meaning of the original text while preserving its cultural essence and traditional marital customs. This approach not only conveys the meaning of the original text effectively but also retains its style and characteristics.

Three Transliteration

Transliteration involves translating the syllables of the original text into the target language's syllables. Goldblatt utilizes transliteration when translating Chinese-specific names, place names, and item names to retain the authentic cultural characteristics.

Example 6: 丁丁当当，铿铿锵锵，火花迸溅，声震四壁，让我西门驴之心，为之迷狂。 Translated version: The bang-bang, clang-clang sound bouncing off the walls and the flying sparks had me spellbound.

In the original text, a substantial amount of onomatopoeia and reduplication is used to describe the sound of a hammer striking an iron block while blacksmithing, such as "丁丁当当" (ding-ding dang-dang) and "铿铿锵锵" (keng-keng qiang-qiang). Therefore, when translating, phonetic translation is employed to vividly portray the sound of a hammer striking an iron block. English words like "bang" and "clang" are chosen to convey the onomatopoeic sense from the original text. These words' phonetics and spellings closely resemble the onomatopoeic words in the original, effectively conveying the meaning and imagery. Additionally, the use of hyphens in the translation represents the pauses and intervals between the big and small hammers' strikes, making the translation more faithful to the original and enhancing its rhythm and phonetic beauty. This approach allows readers to feel as if they are truly hearing and experiencing the sound of a hammer striking an iron block.

Four Omission

Omission translation, also known as "省译" (shěng yì), involves omitting certain unimportant information that is not crucial for readers to understand the context. This approach is often used when translating aspects of folk culture, allowing for a more effective transmission of cultural connotations.

Example 7: 正应了两句俗语：“屋漏偏遇连阴天”，“黄鼠狼单咬病鸭子”。

As the details of these two folk sayings have already been elaborated in the previous text, readers can comprehend their meanings through the surrounding context. Therefore, in translation, the omission approach is chosen. This omission does not hinder readers' understanding and analysis of the novel's plot, lightening the burden of translation reading. It also helps prevent the translation from becoming verbose.

Five Addition

Addition translation, known as "增译" (zēng yì), involves adding helpful information to aid readers' comprehension. For instance, when translating Chinese cultural customs, relevant background knowledge might be added to enhance readers' understanding of these cultural practices.

Example 8: 许宝许宝，见蛋就咬！咬不着蛋，满头大汗。 Translated version: Xu BaoXu Bao, sees an egg and takes a bite! Without an egg to bite, he sweats all night.

In translating "满头大汗" (mǎn tóu dà hàn), the addition approach is employed by adding "all night," which further intensifies Xu Bao's suffering and anxiety, better conveying the original meaning. The addition also maintains the rhyme with the preceding "bite," enhancing the rhythmic beauty of the entire translation. This makes it

easier for readers to comprehend and grasp the original meaning and emotions conveyed in the text.

Conclusion

Howard Goldblatt's translation of "生死疲劳" ("Life and Death Are Wearing Me Out") is remarkably successful in conveying folk culture. Throughout the translation process, he takes into account the target culture, employing a variety of translation strategies that facilitate readers' comprehension of the involved folk culture and emotions. Moreover, he pays attention to the aesthetic aspects of literature. By retaining the original text's rhetorical techniques and literary language, he enhances the literary value of the translation. Therefore, translation serves not only as a mission of cultural dissemination but also as a crucial pathway for enhancing cross-cultural exchanges between the East and the West. Taking his work as an example, we should continuously improve our translation skills, contributing even more significantly to cultural exchanges between different languages and promoting mutual understanding between cultures.

References

1. 章奕奕. 狂欢化下《生死疲劳》中人与动物的关系[J]. 文学教育(上), 2023(04): 39-41.
2. 王振平, 冯旭冉. 《生死疲劳》人物形象前景化表达的翻译研究[J]. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版), 2023(02): 116-120.
3. 李梓铭. 副文本视域下莫言《生死疲劳》英译本农民蓝脸形象重构研究[J]. 文艺争鸣, 2023(01), 174-179.
4. 曹锦秀. 《生死疲劳》英译本中的形象变异[J]. 名作欣赏, 2022(32): 179-181.
5. 陈筱婷, 吴涛. 葛浩文英译莫言《生死疲劳》被动意义句式研究——生态翻译学视角[J]. 汉字文化, 2022(20): 152-154.
6. 汪笑纯. 关联理论指导下《生死疲劳》中的民族特色文化英译研究[J]. 文化创新比较研究, 2022,6(26): 46-49.
7. 徐子晏. 浅谈《生死疲劳》葛浩文译本中民俗文化的翻译策略[J]. 英语广场, 2022(22): 42-44.

УДК 81'25

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ КАК ФОРМА ВНУТРИЯЗЫКОВОГО ПЕРЕВОДА

© Семенова Эржена Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Россия
semenerzh@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена переложению как формы внутриязыкового перевода. Рассматриваются литературное переложение, перифраз, конспективный перевод. Переложение – прием, который мы часто наблюдаем и который применяется к сложным литературным произведениям для обучения и чтения в рамках школьной программы. Для переводчиков внутриязыковой перевод является хорошим подспорьем, поскольку в процессе обучения происходит тренировка умений и навыков подбора наиболее удобного варианта для перевода. Примеры приводятся на русском языке для наглядности.

Ключевые слова: внутриязыковой перевод, переложение, конспективный перевод, подготовка переводчиков.

Обучение и подготовка переводчиков – сложный и многогранный процесс. Формирование, совершенствование и развитие профессиональных умений и навыков должно пронизывать все учебные дисциплины образовательной программы. Предлагаем рассмотреть переложение как особый вид внутриязыкового перевода на занятиях по практике языка. Примеры приводятся в статье на русском языке для наглядности.

Переложение — это форма внутриязыкового перевода, при которой содержание или структура оригинального текста переносится на другие языковые единицы, чтобы сохранить его смысл и выразительность. Это может включать перефразирование, замену слов или выражений, изменение порядка слов, использование синонимов и других языковых приемов. Переложение в рамках внутриязыкового перевода часто используется, когда точный перевод оригинального текста не является возможным или достаточным для передачи его значения на целевой язык.

Р. Ф. Бекетов рассматривает литературное переложение как жанровую форму и дает определение — «вполне самостоятельная, автономная смысловая конструкция, которая вместе с тем своеобразно совмещает в себе элементы перевода и оригинального творчества. Переложение – не пересказ в элементарном значении, не вольный перевод, а значительно более сложное словесно-эстетическое образование» [1].

Литературное переложение — это особое явление, которое может проявляться как в прозе, так и в стихах. В теоретическом плане это понятие еще не полностью исследовано. Например, в «Краткой литературной энциклопедии» [2]

переложение не представлено в виде термина, в то время как художественному переводу, который связан с переложением по схожести, уделено значительное внимание. Термин «парафраз», который близок к переложению, определен очень кратко, что не позволяет говорить о наличии общей теории.

Синонимом переложения часто выступает перифраз, который понимается как «переложение прозаического текста в стихи»; но помимо этого и прежде всего «парафраз» является «сокращенным изложением (адаптацией) больших художественных произведений», например классики (вроде «Хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского» или «Гаргантюа и Пантагрюэля») для читателей и слушателей детско-подросткового возраста. В последнем случае «парафраз» уместно толковать как почти стандартный риторический прием, то есть как способ приближения сложноорганизованного литературного текста к уровню его восприятия отдельной читательской аудитории. Для начальной и средней школы именно такая адаптация приближает сложные литературные произведения для понимания учащихся. К переложению тяготеют и другие термины: «литературная обработка», «литературная переделка», «литературная интерпретация», «ремейк» (феномен игровой поэтики постмодернизма, переосмысление и реактуализация какого-либо известного произведения), «пастиш» (намеренно деформированная копия, которая заостряет те или иные черты исходного, оригинального текста) и т. д. Все они — отдельные грани интерпретации и перевода в расширительном, семиотическом понимании этих слов.

Литературные переложения произведений всегда привлекали внимание литературоведов, особенно когда речь шла о псалтирной лирике. Библейская тема всегда была важной частью русской культуры, поэтому ее переложение определенно заслуживало особого внимания.

Однако существуют определенные трудности при изучении литературных переложений, как считают некоторые исследователи. Одна из таких трудностей заключается в нечеткости жанра самого переложения. Оно находится на грани разных жанров и является переходным, но это не исключает его самостоятельности и всех ее последствий.

Таким образом, литературные переложения играют важную роль в русской культуре и заслуживают внимания несмотря на свою специфику. Они являются своеобразным перекрестком разных жанров и структур, и изучение их поможет лучше понять и оценить значение библейской темы в русской литературе.

Переложение как перевод внутри одного языка предполагает перекодировку и передачу информации из одной формы в другую. Оно имеет свою коммуникативную цель и функциональное назначение, которые необходимо учитывать при переводе.

Однако переложение не ограничивается только художественными текстами. Оно также применяется в различных областях, таких как научные работы, технические спецификации и т. д. В таких случаях переложение выполняет функцию передачи информации и является важным средством коммуникации. Необходимо отметить, что переложение как и любой другой перевод не является идеальной и полной

передачей смысла оригинала. При переводе всегда есть определенная степень субъективности и интерпретации, и переводчик должен учитывать контекст и цель текста, чтобы достичь наилучшего результата. Таким образом, переложение как перевод внутри одного языка имеет свои особенности и функциональное назначение, которые необходимо принимать во внимание при выполнении перевода.

Еще одной формой переложения, на наш взгляд, является «конспективный перевод» академика РАН, доктора филологических наук М. Л. Гаспарова (1985–2005), автора работ о русском и европейском стихосложении, историка и знатока литературы античности, теоретика литературы.

Согласно Гаспарову, «конспективный перевод» возникает в ситуации намеренного отсечения от оригинала всего лишнего, второстепенного, того, что затрудняет прямое восприятие смысла из-за уводящих частных, в совокупности создающих «художественную эмоцию» [3].

Гаспаров считал, что в случаях, когда необходимо передать историческую эпоху и культурную традицию, наиболее эффективным способом является сохранение тонкостей формы оригинала, включая размер и рифму. Однако если целью переводчика является передача нюансов особой индивидуальности автора, превращая его в живого собеседника, то более правильным будет игнорировать форму и сосредоточиться на контенте, передавая его прозой или даже близкой к прозе стихотворной структурой, такой как верлибр. Гаспаровскую методику "конспективного перевода", применяемую в основном к объемным и трудночитаемым произведениям, можно охарактеризовать как отказ от точного воспроизведения формы в пользу точной передачи смысла.

Подражая Гаспарову, хрестоматийное пушкинское «Я Вас любил: любовь еще, быть может...» мы конспективно могли бы, уложив 8 строк в 4, то есть сократив ровно в 2 раза, представить так:

*Да, я Вас когда-то нежно любил,
Но теперь не хотел бы ничем волновать.
Любовь, увы, была невзаимной...
Пусть же, как я, Вас полюбит другой!*

Конспективный перевод этого отрывка может быть представлен так: «Поэт был некогда сильно влюблен, его чувства носили искренний характер, и вот теперь он, обращаясь к Богу, желает, чтобы объект давних переживаний был полюблен кем-то так же чисто и глубоко, как эту радостно-возвышенную, облагораживающую любовь испытывал сам поэт» [3].

При подготовке переводчиков упражнения на переложение, конспективный перевод направлены на увеличение словарного запаса, стиливое и жанровое разнообразие.

Например, задание на переложение с русского языка на русский предложения: «Он пошел спать». В ответ мы можем получить: «Он захотел спать», «Он почувствовал, что хочет спать», «Ему было пора ложиться спать», «Он отправился ко сну», «Он лег спать», «Морфей забрал его в свои объятия», «Его веки сме-

жил сон», «Он пошел почивать», «Делать было нечего, он пошел спать», «Он пошел отдыхать», «Он отправился на боковую». И примеров может быть еще больше. Или «Она родила ребенка» — «У нее родился ребенок», «Она произвела на свет новую жизнь», «Она дала начало новой жизни», «Она продолжила род человеческий», «Она произвела на свет нового человека», «Она стала мамой», «Она стала обладательницей родительского статуса после рождения своего ребенка».

Упражнения можно делать на понижение или повышение стиливых и жанровых характеристик. Подобные упражнения на иностранных языках будут способствовать гибкости переводческих умений для подбора варианта перевода на целевой язык.

Литература

1. Бекметов Р. Ф. Литературное переложение как жанровая форма (библейские псалмы в поэтической традиции) // Вестник ТГПУ. 2022. № 3(69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnoe-perelozhenie-kak-zhanrovaya-forma-bibleyskie-psalmy-v-poeticheskoy-traditsii> (дата обращения: 10.01.2023).
2. Краткая литературная энциклопедия: в 9 томах. Москва: Советская энциклопедия, 1962–1978. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения: 10.01.2023).
3. Гаспаров Л. М. Экспериментальные переводы. Санкт-Петербург: Гиперон, 2003. 352 с. URL: https://imwerden.de/pdf/gasparov_eksperimentalnye_perevody_2003__ocr.pdf?ysclid=lk3fg27lik273697012 (дата обращения: 08.01.2023).

TRANSPOSITION AS A FORM OF INTRA-LANGUAGE TRANSLATION

Semenova E. V.
Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
semenerzh@yandex.ru

Abstract. The article discusses transposition as a form of intra-language translation. Literary transposition, periphrasis, and abstract translation are considered. Transposition is a technique that we usually observe, that is applied to complex literary works for teaching and reading as a part of the school curriculum. Intra-language translation is a good help for translators' training, because the skills and abilities of selecting the most convenient option for translation are mastered in the process of training. Examples are given in Russian for clarity and illustration.

Keywords: intra-language translation, transposition, abstract translation, translators' training.

УДК 81'1:24

АЛГОРИТМИЗАЦИЯ ПРЕДПЕРЕВОДА БУДДИЙСКО-ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

© Архипова Светлана Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Россия

arkhipova16@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена алгоритмизации предпереводческого анализа религиозных текстов буддийской философии. Акцентируется внимание на понимании основ буддийской философии, изучении дискурсивных стратегий философского стиля изложения автора, создания глоссария буддийских терминов перед началом перевода.

Ключевые слова: предпереводческий анализ, дискурсивные стратегии, религиозные стили и жанры.

Предпереводческий анализ в современном переводоведении рассматривается как обязательный этап работы с текстом, предвещающий этапы перевода и его редактирования. В связи с этим возникает необходимость разработки алгоритма предпереводческого анализа текстов буддийской философии. К буддийским религиозным текстам относятся сутры, абхидхармы, тантры, комментарии и трактаты, написанные учеными и мастерами буддийской философии для анализа и разъяснения учений Будды. Примеры включают комментарии к Абхидхарме, Мадхьямике, Йогачаре и многим другим учениям. Перевод буддийско-философских текстов в переводоведении сложно переоценить не только в связи с необходимостью сохранения культурного наследия, распространения учений Будды, философского и духовного понимания наследия, диалога между разными религиозными и культурными традициями, проведения научных исследований, но и трудностями, связанными с тем, что буддийская философия представлена разными школами и направлениями, каждое из которых имеет собственные концепции и терминологию. Комбинация этих факторов вызывает основные трудности при переводе религиозных текстов, требующих не только знания языка, но и глубокого понимания буддийской философии, культуры и контекста. В связи с этим предпереводческий анализ является неотъемлемым инструментом для переводчика. В. Н. Комиссаров отмечает, что «любой процесс перевода в значительной степени детерминирован успешностью этапа анализа исходного сообщения». Однако последовательность проведения и компоненты такого анализа до сих пор остаются предметом дискуссии.

В связи с вышесказанным предлагаемый нами алгоритм предперевода буддийско-философского текста призван способствовать улучшению качества перевода и сокращению времени выполнения переводческих задач.

Предпереводческий анализ представляет собой следующий алгоритм:

1) *изучение основ буддийской философии (БФ).*

Основами буддийской философии являются:

1. Четыре благородные истины — это основа учения Будды. Они гласят о том, что жизнь полна страданий, причиной страданий является желание, страдания можно прекратить, следуя пути осмысленной жизни.

2. Карма — это закон причинности, согласно которому каждый поступок оставляет след в сознании и влияет на будущее.

3. Бессамость — это концепция, согласно которой все явления, включая нашу личность, не имеют постоянного и независимого существования.

4. Срединный путь — это учение о том, что искусство жизни заключается в нахождении баланса между крайностями и следовании срединному пути.

5. Нирвана — это состояние освобождения от страданий и цикла перерождений, достигаемое путем осознания и практики учения Будды.

2) *ознакомление с базовыми дискурсивными стратегиями философского стиля изложения автора исходного языка-культуры с целью понимания выбора стратегий для целевого языка перевода*

Буддийский философский стиль изложения может включать в себя следующие базовые дискурсивные стратегии:

1. Отражение: в данной стратегии автор старается отразить точку зрения другого человека и понять ее. Он старается включить в свой текст мысли и аргументы, которые могут поддерживать эту точку зрения.

2. Анализ: в этой стратегии автор проводит анализ терминов, идей и теорий в рамках буддийской философии. Он стремится разобраться в том, как они взаимодействуют между собой, чтобы лучше понять их значение и на что они влияют.

3. Рассуждение: эта стратегия включает в себя логическое рассуждение и анализ аргументов. Автор пытается обосновать свои идеи и убедить читателя в том, что его аргументы корректны.

4. Диалог: буддийская философия зависит от многих разных школ мысли, и иногда бывает полезным проводить диалог между этими различными школами. Это помогает автору лучше понять различия и сходства между ними.

5. Практическая экспликация: эта стратегия объясняет, как концепции буддийской философии могут быть использованы на практике в повседневной жизни. Автор может предлагать конкретные методы медитации или духовного развития, которые помогают человеку реализовать знания в действительности.

6. Контекстуализация: в этой стратегии автор старается понять концепты и идеи в широком контексте, учитывая исторические, культурные и социальные факторы, влияющие на их истоки и развитие.

3) *понимание замысла и смысла ИТ автора и его индивидуальный стиль:*

1. Сбор сведений об авторе, особенно его социально-личностных характеристик (знакомство с биографией, основными трудами, достижениями другого плана, комментариями и обзорами его деятельности).

2. Изучение источника. Переводчик должен внимательно изучить оригинальный текст, чтобы понять его смысл, контекст и особенности.

3. Определение целевой аудитории. Перевод должен быть направлен на определенную аудиторию, поэтому переводчик должен определить, для кого предназначен перевод (например, для верующих или для неверующих).

4. Выбор стиля перевода. Религиозные тексты могут иметь различные стили и жанры:

✓ Сутры — это основные учения Будды Гаутамы, выраженные в виде диалогов, рассказов и предписаний. Они содержат учения о принципах буддизма и путях достижения просветления. Примером может служить «Сутра Лотоса».

✓ Тантры — это сборники текстов, которые используются в медитации, чтобы достичь просветления. Они также могут включать описания практик, связанных с духовным развитием. Примером может служить «Калачакра-тантра».

✓ Абхидхарма — это тексты, имеющие дело с космологией буддизма, философией и психологией, анализирующие свойства ума и психические процессы. Примером может служить «Абхидхармакоша».

✓ Биографии буддийских святых — это тексты, которые описывают жизнь и учение знаменитых буддийских мастеров. Примером может служить «Жизнеописание Миларепы».

✓ Мантры — это короткие формулы, которые используются в медитации и практиках. Примером может служить мантра «Ом мани падме хум».

✓ Комментарии — это тексты, которые содержат толкования сутр и других буддийских текстов. Примером может служить «Комментарий к Абхидхармакоше» Васубандху.

✓ Художественная литература (kavya) — поэмы или рассказы, написанные в стиле, соответствующем культуре и времени, когда были созданы. Они могут содержать притчи и метафоры, которые помогают проиллюстрировать буддийские концепции.

✓ Гимны и молитвы (stotra) — тексты, содержащие песнопения и молитвы, которые могут использоваться в различных ритуалах и церемониях буддизма.

4) *деление (умозрительно или конкретно-операционально) исходного текста на две части — уникальную, т. е. буддийскую, и общую, т. е. не-буддийскую, понимаемую в рамках обыденных знаний;*

✓ по первой части определить список буддийских терминов и подготовить глоссарий.

✓ продумать тактику синхронизации первой и второй частей с тем, чтобы не было логического и концептуального противоречия между ними;

✓ обеспечить здоровый баланс между эквивалентными соответствиями (в лексике — словарные соответствия и нормативно-узусальные сочетания, в грам-

ПЕРЕВОД КАК НЕОДНОЗНАЧНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

матике — стандартные с точки зрения жанровой нормы структуры) и *коррелятами*.

5) *перевод текста;*

6) *проверка и редактирование перевода (перевод должен быть проверен на ошибки и неточности);*

7) *корректировка перевода (переводчик должен скорректировать перевод в соответствии с пожеланиями заказчика, учитывая особенности целевой аудитории);*

8) *финальная проверка (перевод должен быть окончательно проверен на ошибки и неточности, чтобы гарантировать высокое качество перевода).*

Литература

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика. Санкт-Петербург, 2000. 192 с.
2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Санкт-Петербург, 2004. 352 с.
3. Чужакин А., Палажченко П. Мир перевода. Москва, 1999. 215 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва: Высшая школа, 1990. 250 с.

ALGORITHMIZATION OF PRE-TRANSLATION ANALYSIS.
BUDDHIST-PHILOSOPHICAL TEXT

Arkhipova S. V.
Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
arkhipova16@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the algorithmization of pre-translation analysis of religious texts of Buddhist philosophy. The emphasis is placed on understanding the foundations of Buddhist philosophy, studying the discursive strategies of the author's philosophical writing style, and creating a glossary of Buddhist terms before starting the translation.

Keywords: pre-translation analysis, discursive strategies, religious styles and genres.

ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ И МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

УДК 378:811

ИНТЕГРАЦИЯ МИКРООБУЧЕНИЯ В КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

© Гартунг Стелла Рудольфовна

заместитель директора,

Морской государственной университет им. адм. Г. И. Невельского

г. Владивосток, Россия

gartung_sr@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена использованию метода микрообучения в рамках коммуникативного подхода. Рассмотрены положительные эффекты подобной коллаборации, а также предложены варианты коммуникативных заданий.

Ключевые слова: микрообучение, методика обучения иностранным языкам, коммуникативный метод обучения, английский язык, мобильное обучение.

Эффективность и результативность коммуникативного подхода при обучении иностранному языку неоспорима. В настоящее время он считается основополагающим, однако стремительные изменения в обществе требуют не менее быстрых изменений в формате обучения. Информационное общество все чаще коммуницирует «в сети», получает новую информацию «порционно», но при этом регулярно так же в сети Интернет. Все это определяет потребности так называемого «поколения Z» в получении образования. Являясь активными пользователями интернета и гаджетов, современные студенты стремятся получить максимальный объем знаний за минимальную единицу времени в удобном и привычном для них формате. Такому специфическому запросу удовлетворяет микрообучение. В данной статье рассмотрены варианты внедрения микрообучения в коммуникативный подход в неязыковом вузе.

Востребованность микрообучения обусловлена динамично меняющимся миром, где обучающимся необходимо не только получать большие потоки информации, но и обрабатывать их [Алленова, 2022]. Микрообучение обретает все большую популярность, потому как, согласно многим зарубежным и отечественным исследователям, способствует улучшению запоминания и удержания информации, а также повышению вовлеченности и мотивации представителей поколения Z (Kohnke, Choudhary, Leong, Милушенко, Диденко). Такой подход к обучению приемлем для насыщенных контентом курсов, так как материал подан в доступной форме и легко усваивается, однако от преподавателей он требует

тщательной разработки учебного плана, включая оценку потребностей и способностей учащихся, контекста и сроков обучения, материалов и технологического обеспечения [Lohman, 2023].

В микрообучении потоки информации дробятся на более мелкие единицы, что значительно облегчает восприятие. Потоки могут представлять собой как небольшие тексты, так и мультимедийные фрагменты, содержащие максимальный объем данных. В большинстве случаев подобный формат используют для демонстрации теоретического материала в виде таблиц, инфографики либо видеоматериалов продолжительностью не более 15 минут. Некоторые исследователи предлагают использовать также искусственный интеллект, виртуальную и/или дополненную реальность. Тем не менее нам видится перспективным использование микрообучения для отработки практических навыков, а именно как особый вид коммуникативных заданий.

Коммуникативные задания являются тем самым средством, которое обеспечивает взаимодействие базового английского языка и языка для профессиональных целей. Коммуникативные задания мотивируют студентов быть более активными и вовлеченными на занятиях, стимулируют изучение не только профессиональных терминов, но и базового английского языка, поскольку в заданиях чаще всего фигурируют реальные жизненные ситуации. Такие задания развивают коммуникативные и прагматические навыки, а также готовят студентов к будущей профессиональной деятельности [Алленова, 2023].

Микрообучение в контексте коммуникативного подхода в нашем понимании наиболее эффективно с использованием современных технологий, так как это позволят студентам заниматься самостоятельно и отрабатывать речевые и грамматические конструкции, лексику, произношение и интонации. Кроме того, мы считаем, что успешное погружение в коммуникацию возможно только при использовании аутентичных материалов. Последний пункт может показаться спорным при обучении студентов неязыковых вузов, так как их языковой уровень значительно ниже уровня студентов профильных вузов, однако в микрообучении в небольших «порциях» оригинальные материалы легко воспринимаются и усваиваются обучающимися. Рассмотрим некоторые варианты такой интеграции.

Одним из примеров может быть чтение небольших новостных текстов. Актуальность событий провоцирует большое количество взаимодействий между обучающимися. Более того, такие тексты позволяют расширить кругозор, развить критическое мышление, почерпнуть актуальную для профессиональной сферы деятельности информацию, пополнить словарный запас. Следовательно, анализ новостных событий представляется актуальным и востребованным. Анализ новостных событий может быть представлен в виде кейс-метода, анализа и последующего обсуждения приведенного события/ситуации. Данный метод помогает вовлечь студентов в учебный процесс, освоить все виды речевой деятельности (чтение, говорение, аудирование) [Алленова, 2022]. Одним из ключевых моментов в данном виде деятельности является подготовка преподавателя – необходим текст, релевантный уровню подготовки студенческой группы, актуаль-

ный, вовлекающий в обсуждение и при этом довольно краткий. Положительной стороной можно также выделить доступность новостных текстов и их вариативность.

Приведенный пример учебной деятельности может быть применен и в рамках мобильного обучения: использование мобильных новостных приложений, мессенджеров и социальных сетей позволяет студентам самостоятельно заниматься в любом комфортном месте и в любое время, что способствует реализации личностно-деятельностного подхода, развитию soft skills и self skills [Гартунг, 2023]. Помимо этого мобильные устройства делают коммуникативные задания более интерактивными.

Студентам предлагается к прочтению и ознакомлению фрагмент треда — переписки двух или более пользователей на определенную тему, чаще всего это реакция на событие и дальнейшее его обсуждение, обмен мнениями, череда вопросов и ответов. Треды могут быть взяты с веб-сайтов социально-развлекательной тематики Reddit, Quora либо с веб-сайтов, соответствующих профессиональной направленности обучающихся. После прочтения следует обсуждение: прагматическая и смысловая нагрузка диалога/полилога, речевые конструкции, наличие или же отсутствие терминологии, сленга. Также возможен запрос реакции студентов на тему обсуждения в тред, небольшой опрос мнений. Далее студентам предлагается создать свой тред на основе прочитанного, используя в качестве шаблона приведенный пример. Такая активность погружает обучающихся в хорошо знакомую им среду — интернет-коммуникацию, где им известны правила ведения диалога и типовые выражение. Кроме того, такой вид деятельности может быть отработан не только в письменной форме (форума или чата), но и в устной. Однако стоит обратить особое внимание на подбор тредов-примеров: важно, чтобы они не содержали обценной лексики или неэтичных выражений, слишком коротких реакций либо реакций, выраженных в виде эмодзи.

Для некоторых коммуникативных ситуаций можно подобрать видеотреда. Например, из фильмов, сериалов, интервью, коротких обучающих и/или развлекательных видео. Просмотр небольшого медиафайла, иллюстрирующего бытовую или профессиональную ситуацию, помогает обучающимся сориентироваться в целях коммуникации и ее средствах. Такие видео показывают необходимые в определенных ситуациях паттерны поведения, речевые обороты, интонации, необходимые лексические единицы. Дополнительно в подобных видеотредах можно вычленить жесты, знание которых важно в аспекте межкультурной коммуникации. В последующем самостоятельном воспроизведении таких ситуаций студенты могут варьировать языковые средства, тем не менее придерживаться определенных «формул» речевой ситуации.

Еще одним вариантом коммуникативного задания в рамках микрообучения выступает взаимодействие с чат-ботом. Растущая популярность нейронных сетей и их повсеместное внедрение привели к появлению автоматизированных виртуальных собеседников. Такой собеседник всегда рядом, может поддержать любой

разговор, развлечь, стать источником новой лексики и даже оценить произношение. В качестве примера можно привести такие чат-боты, как ChatGPT, Jasper Chat, Mondy, Andy. Эти и другие собеседники могут быть установлены в качестве приложения на смартфон студента, что обеспечивает легкий и быстрый доступ к диалогу, возможность завершить общение в любой момент, а также отсутствие осуждения со стороны собеседника, что зачастую мешает обучающимся с уровнем ниже среднего в языковой группе. Подобный вид деятельности может быть реализован в качестве самостоятельной работы студентов либо дополнительного задания. Безусловно, такое задание заинтересует обучающихся в силу новизны и интерактивности, но не заменит реального собеседника.

Интеграция микрообучения в коммуникативный подход при обучении иностранному языку, на наш взгляд, необходима в текущих мировых тенденциях и индивидуальных запросах обучающихся. Такая комбинация методов ускоряет усвоение информации, погружает студентов в коммуникативную ситуацию, моделируя ее; способствует развитию универсальных компетенций (критического мышления, кооперации, коммуникации, креативности, компьютерной грамотности) и в равной степени профессиональных компетенций. Обучающиеся в неязыковых вузах чувствуют большую вовлеченность в процесс изучения языка, познают новое, учатся строить коммуникацию, не получая при этом избыточной информации.

Литература

1. Алленова Н. А., Тимченко В. О. Перспективы использования метода коммуникативных заданий на занятиях по английскому языку для курсантов МГУ им. адмирала Г. И. Невельского // Актуальные вопросы обучения профессионально ориентированному иностранному языку в морском вузе: проблемы и перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 15–16 марта 2023 г.). Санкт-Петербург: Изд-во гос. ун-та морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова, 2023. С. 131–139.
2. Алленова Н. А., Тимченко В. О. Элементы микрообучения на примере использования кейс-метода при анализе новостных событий на занятиях по английскому языку для курсантов МГУ им. адмирала Г. И. Невельского // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2022. № 9. С. 29–33.
3. Гартунг С. Р. Использование мессенджеров и социальных сетей как вспомогательных средств обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 2(6). С. 80–84.
4. Lohman L. How can you deliver microlearning when learners don't want it? Designing microlearning for socially oriented learners // Educational Technology & Society. 2023. № 27(1). URL: <https://www.researchgate.net/publication/373238626> (retrieved: 05.09.2023).

INTEGRATION OF MICROLEARNING INTO THE MEANS
OF COMMUNICATIVE APPROACH OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING
IN NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

Gartung S. R.
Deputy director,
Maritime State University named after G. I. Nevelskoy
Vladivostok, Russia
gartung_sr@mail.ru

Abstract. The article is devoted to microlearning method in the means of communicative approach. The positive effects of the combination are brought. Some sample tasks are suggested.

Keywords: microlearning, foreign language teaching methodology, communicative teaching method, English language, mobile learning.

УДК 37:811

**ЛИНГВОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ
СТУДЕНТОВ-БИЛИНГВОВ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

© **Матвеева Дора Гончиковна**

кандидат педагогических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Россия

mdg06@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена лингвопсихологическим особенностям обучения студентов-билингвов иностранным языкам. Для правильной организации учебного процесса по обучению билингвов иностранным языкам важно определение типа двуязычия, доминантного языка. Анализ двуязычия дает информацию об отношениях между речевыми механизмами двух языков, степени билингвального состояния и выборе опорного языка в обучении третьему языку. В Республике Бурятия у большинства студентов русско-бурятское двуязычие, как показывает текущее исследование. Обучение иностранным языкам таких студентов должно проходить с опорой на оба языка: русский и бурятский. Процесс обучения иностранным языкам билингвов отличается от обучения монолингвов. С одной стороны, у студентов есть значительные транспозиционные возможности, с другой — студенты испытывают двойные трудности, так как интерференция исходит от двух языков.

Ключевые слова: билингвизм, лингвопсихологические особенности, иностранные языки, доминантный язык, транспозиция, интерференция.

Республика Бурятия является многонациональной республикой, поэтому неудивительно наличие в образовательной среде двуязычных учащихся и студентов. В современном мире практически каждый человек может объясняться на двух и более языках. Но все ли они относятся к категории билингвов и полиглотов? Согласно определению «Двуязычие (билингвизм) — это понятие, характеризующее владение субъекта двумя языками, когда оба языка реально используются в коммуникации» [Матвеева, 2007, с. 8]. При этом степень владения вторым языком должна быть достаточной для обмена мыслями на этом языке. Таким образом, билингвами (двуязычными) считаем тех людей, которые владеют двумя языками и пользуются обоими языками на практике. Обычно уровни владения этими языками бывают разные. В том случае, если человек владеет двумя языками на одинаковом уровне, мы говорим, что у них координативный билингвизм. Но часто люди владеют одним языком лучше, то есть он является доминантным языком. В этом случае у них субординативный билингвизм.

В процессе обучения иностранным языкам важен учет опыта владения языками у обучаемых. Учеными доказано, что изучение одного языка способствует и благоприятствует изучению последующих. Важно применение этого положения в процессе обучения иностранным языкам. Для правильного построения

учебного процесса необходимо провести анализ двуязычия с целью выяснения его типа и определения степени его билингвального состояния. Анализ двуязычия дает необходимые сведения о типе отношений между речевыми механизмами родного и второго языков у билингвов, о степени владения тем и другим, а также данные, необходимые для решения вопроса о целесообразности и возможности одновременной опоры на два языка при обучении иностранным языкам.

В 2003 г. нами было проведено исследование двуязычия учащейся молодежи для определения типа билингвизма, в котором приняли участие 1 200 старшеклассников и студентов вузов Бурятии. Ведущим методом было анкетирование для наибольшего охвата респондентов. Проведенное исследование показало, что у учащихся и студентов Бурятии преимущественно субординативное двуязычие: бурятско-русское и русско-бурятское [Матвеева, 2007, с. 32].

В 2023 г. решили повторить исследование для выявления изменений в языковой ситуации за двадцать лет. Исследование проводилось с участием студентов Бурятского государственного университета (260 респондентов). Вопросы в анкете для сравнения были взяты те же самые, что и в 2003 г. Прежде всего нас интересовало время овладения вторым языком. У лиц, овладевших вторым языком в детстве, билингвизм бывает координативным. Это объясняется удивительной способностью маленьких детей легко и без особого труда овладеть своим родным и вторым языками.

Для определения типа двуязычия нам следовало выяснить, каким языком билингв пользуется в большинстве ситуаций общения — в семье, с друзьями, с родственниками и т. д. Также важно было выявить, на каком языке респондент формулирует свои мысли, на каком языке он осуществляет свою внутреннюю речь, умеют ли учащиеся читать и писать на родном и на русском языках. И безусловно, испытывают ли респонденты трудности при говорении на родном или на русском языке. Какие же изменения произошли в языковой среде среди учащейся молодежи в Республике Бурятия за двадцать лет?

Опрос показал, что студенты владеют не только русским и бурятским языками, но и тувинским, китайским, татарским, армянским, казахским, якутским и монгольским. Как видим, учебные группы становятся многонациональными и поликультурными. 58,5 % респондентов указали русский язык родным, 33,5 % опрошенных — бурятский язык. В 2003 г. было 25,4 % и 69,9 % соответственно (рис. 1).

ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ И МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

2. Ваш родной язык?

260 ответов

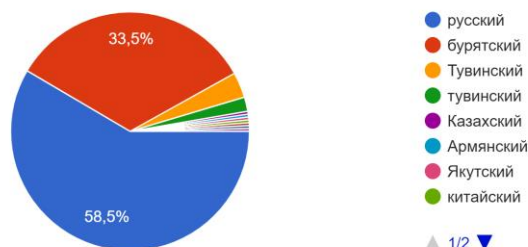

Рис. 1

90,3 % респондентов считают, что владеют русским языком лучше. Только 27% опрошенных общаются дома на бурятском, с друзьями — 12,7 %. В 2003 г. 70,3 % опрошенных дома разговаривают на бурятском, 35,1% респондентов — с друзьями на бурятском языке (рис. 2).

4. На каком языке вы говорите дома?

260 ответов

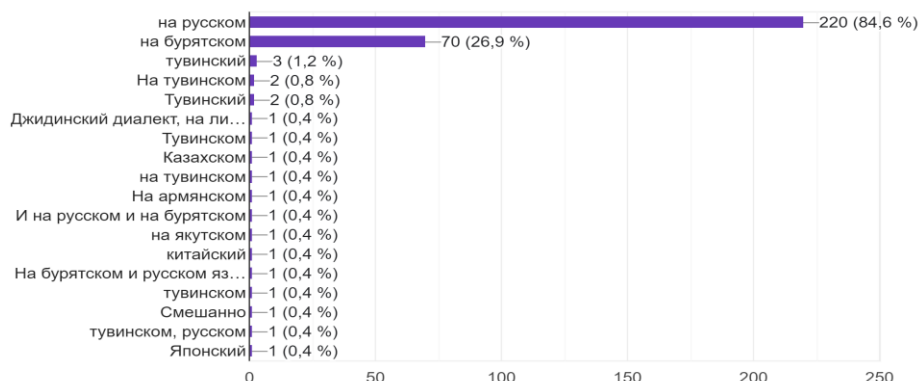

Рис. 2

88,4 % респондентов владеют русским языком с раннего детства и поэтому думают на русском языке. В 2003 г. 34,8 % опрошенных владели русским языком с детства, а 65,2 % знали русский язык со школьных лет (рис. 3).

6. С какого возраста вы владеете русским языком?

260 ответов

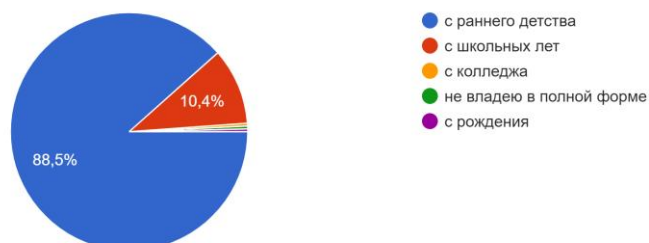

Рис. 3

В 2003 г. 89 % учащихся и студентов умели читать и писать на родном языке, но большинство из них указали, что им легче читать на русском языке. В 2023 г. только 41,3 % студентов умеют читать и писать на родном (бурятском, тувинском, татарском и т. д.) языке (рис. 4).

8. Умеете ли вы писать на бурятском (тувинском, татарском, китайском и т.д.) языке?

260 ответов

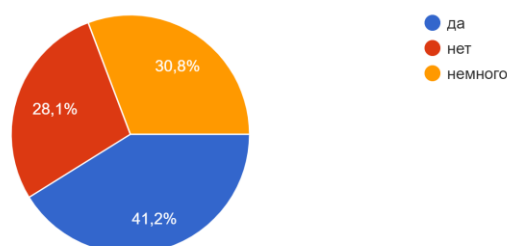

Рис. 4

В 2003 г. проведенное нами исследование показало, что у студентов и учащихся Республики Бурятия сложилось преимущественно субординативное двуязычие: бурятско-русское и русско-бурятское. Текущее исследование подтверждает этот вывод, но при этом количество студентов с русско-бурятским двуязычием увеличилось, а количество с бурятско-русским двуязычием сократилось. Сравнение результатов исследования в 2003 и 2023 гг. показывает большую разницу в цифрах, что можно объяснить некоторыми погрешностями из-за разного количества участников, но в любом случае это показывает общую тенденцию развития языковой ситуации в республике. В 2003 г. в исследовании принимали участие учащиеся сельских школ, студенты Бурятской сельскохозяйственной академии, куда традиционно поступают выпускники сельских школ. Как мы выяснили, выпускники сельских школ лучше владеют родным (бурятским языком). Текущее исследование было проведено только с уча-

ствием студентов Бурятского государственного университета, где учатся выпускники и сельских, и городских школ. Тем не менее опрос показал, что растет количество билингвов в образовательной среде. Это объясняется, с одной стороны, поступлением в учебные заведения республики абитуриентов из разных стран и республик, с другой — в республике имеются национальные школы и практически во всех школах учащиеся изучают бурятский язык как государственный.

Как показывает анкетирование, у большинства опрошенных субординативный тип билингвизма. При этом русский язык является доминантным, т. е. у них русско-бурятское двуязычие. К сожалению, сокращается количество лиц, владеющих бурятским языком. 90,3 % обучающихся владеют русским языком лучше, по их мнению. Они владеют русским языком с детства, не испытывают трудности при чтении на русском языке. 62,3 % опрошенных указали, что испытывают трудности, когда говорят на бурятском языке. Языком общения в большинстве случаев (дома, с друзьями) является русский язык (рис. 5).

12. Испытываете ли Вы трудности, когда говорите на бурятском (тувинском, китайском, татарском и т.д.) языке?

260 ответов

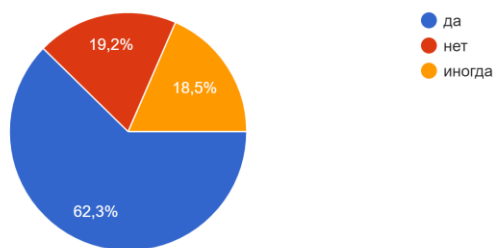

Рис. 5

Таким образом, проведенное исследование выявило, что в Республике Бурятия растет количество билингвов. Учебные группы становятся многоязычными и поликультурными. Родной язык (бурятский) у многих учащихся не является доминантным, но этот языковой опыт должен быть использован в процессе обучения иностранным языкам. Есть студенты с доминантным бурятским языком, в основном выходцы из сел. Обучение иностранным языкам, организованное без учета реального владения родным и русским языками на основе недоминантного языка, нарушает объективные закономерности овладения неродным языком.

Обучение иностранным языкам в условиях двуязычия отличается от обучения ИЯ молилингвов. В условиях совместного влияния родного и русского языков на изучаемый иностранный язык учащиеся и студенты испытывают значительные трудности в их иноязычной учебно-речевой деятельности. С одной стороны, у обучаемых есть значительные транспозиционные возможности, предоставляемые знаниями и умениями по двум опорным языкам, но с другой — данный лингвистический опыт носит и определенный отрицательный заряд, т. е.

учащиеся и студенты испытывают двойные трудности, так как интерференция исходит одновременно как от родного, так и от русского языков.

У учащихся с бурятско-русским двуязычием бурятский язык является доминантным. Мыслительная деятельность у таких билингвов проходит на родном языке. Поэтому на занятиях английского языка в голове у них происходит сложный мыслительный процесс: все, что слышат на английском языке, они сначала переводят на русский, потому что он является языком обучения, а потом для формирования мысли он использует родной язык. Но, чтобы сформулировать эту мысль на английском, ему опять нужен код русского языка, потому что английский язык они изучали через русский. Без сомнения, таких билингвов надо обучать с опорой на родной язык. Студентов с русско-бурятским двуязычием надо обучать с опорой на оба языка (в нашем случае — на русский и бурятский языки). Итак, методика обучения иностранным языкам билингвов имеет следующие лингвopsихологические особенности:

- Важен учет типа двуязычия, выбор языка опоры в зависимости от лингвистических особенностей изучаемого материала (сопоставление родного, русского и изучаемого языков для выявления алломорфных и изоморфных элементов).
- Использование результатов исследования по сопоставлению контактируемых языков для учета транспозиции и интерференции языковых явлений.
- Возможность самостоятельного выявления алломорфных и изоморфных элементов студентами в случае отсутствия теоретических сопоставительных исследований.
- Студентов, относящихся к группе с русско-бурятским двуязычием, целесообразно обучать с опорой на оба языка.
- Студентов, относящихся к группе с бурятско-русским двуязычием, целесообразно обучать с опорой на родной язык.

Таким образом, обучение иностранным языкам билингвов имеет свои особенности. Изучаемый иностранный является третьим языком. Это имеет и положительные, и отрицательные последствия. Учебный процесс должен быть построен с учетом типа двуязычия, доминантного языка. Надо принять меры для предотвращения интерференции от первого и второго языков, и в то же время найти возможность использования транспозиционных явлений. Если нет результатов теоретических сопоставительных исследований, студенты могут самостоятельно проводить сравнение, сопоставление, анализ, делать выводы о наличии алломорфных и изоморфных элементов в контактирующих языках.

Литература

1. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. Воронеж: МОДЭК, 2001. 432 с.
2. Матвеева Д. Г. Методика обучения студентов-билингвов видовременным формам английского глагола. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 150 с.

LINGVO-PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF TEACHING ENGLISH
TO BILINGUAL STUDENTS

Matveeva D. G.
Cand. Sci. (Ped.), A/Prof.,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
mdg06@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the linguistic and psychological peculiarities of teaching English to bilingual students. It's necessary to define the type of student's bilingualism and dominant language to organize the teaching process in a correct way. The analysis of bilingualism gives information about relations between two speech mechanisms and the level of students' bilingualism. The most of students in Buryatia has Russian-Buryat bilingualism, as the current research has shown. Both languages should be used in teaching process: Russian and Buryat. Teaching of English to bilingual students is quite different from teaching to monolingual students. It's possible to use transposition from both languages, but at the same time there's interference of two languages.

Keywords: bilingualism, lingvo-psychological peculiarities, foreign languages, dominant language, transposition, interference.

УДК 378:811

МОЖЕТ ЛИ *CHATGPT* СТАТЬ ИНСТРУМЕНТОМ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА?

© Орбодоева Лариса Матвеевна

кандидат педагогических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Россия

orbodoeva@mail.ru

Аннотация. Информатизация современного общества способствовала внедрению технологий искусственного интеллекта в систему образования. В статье представлен обзор актуальных работ отечественных ученых, посвященных методическому основанию использования нейросетей и языковых чат-ботов в процессе обучения иностранным языкам на разных уровнях. Кроме того, рассматривается дидактический потенциал использования ChatGPT в практическом курсе иностранного языка в вузе и ставится вопрос о необходимости формирования специальных компетенций преподавателей иностранного языка и перевода, позволяющих эффективно применять технологии искусственного интеллекта в образовательном процессе.

Ключевые слова: нейронные сети, ChatGPT, обучение иностранным языкам, технология обучения.

В последнее десятилетие мы явились свидетелями того, как цифровые образовательные программы, электронные ресурсы, платформы для дистанционного обучения повлияли на традиционную модель образования: структуру, содержание, методы и технологии обучения. Безусловно, изменения затронули и процесс обучения иностранным языкам и переводу в университете. В настоящее время весьма актуальным как в теории, так и в практике становится проблема обучения на основе технологий искусственного интеллекта. В целом ряде исследований, посвященных изучению возможностей применения таких технологий в образовательном процессе, рассматривается педагогический и дидактический потенциал сервисов распознавания, анализа и генерирования текстов, таких как онлайн-переводчики, сервисы для проверки орфографии, пунктуации, грамматических структур, а также сервисы подбора синонимов, корпусные технологии и т. д. Быстрое распространение нейронных сетей среди пользователей интернета, появление языковых чат-ботов и их доступность ознаменовали новый виток технологического развития. Использование нейронных сетей в процессе обучения находит разную оценку среди преподавателей иностранного языка. Между тем студенты активно применяют нейросети для выполнения переводов, написания разного рода текстов. В связи с этим возникает вопрос о необходимости формирования специальных компетенций преподавателей иностранного языка и перевода, позволяющих использовать языковые чат-боты в качестве инструмента обучения и не отставать от студентов в использовании инновационных техноло-

гических продуктов. В статье мы рассмотрим дидактический потенциал ChatGPT в обучении иностранным языкам, его преимущества и недостатки.

Анализ научной литературы в области теории и практики обучения иностранным языкам показывает, что функционал чат-ботов на основе искусственного интеллекта позволяет разработать стратегии их интеграции в процесс обучения иностранным языкам [Кравцова, 2023]. В частности, статья Ю. В. Шуйской в соавторстве с коллегами посвящена разработке методических рекомендаций по использованию нейронных сетей при формировании умений дебатирования, когда применяется апперцепционная база носителей английского языка и искусственный интеллект моделирует диалог с носителем языка [Шуйская, 2023]. В работе П. В. Сысоева и Е. М. Филатова анализируются возможности использования ChatGPT в научно-исследовательской работе студентов. Указанные авторы ставят ряд вопросов, которые так или иначе необходимо решать педагогическому сообществу в ближайшем будущем. Так, отдельные вопросы связаны с качеством и достоверностью материалов, предоставляемых чат-ботами; с авторской этикой создания и написания текстов научно-исследовательского характера; нивелированием исследовательской деятельности студентов и др. [Сысоев, Филатов, 2023]. В одной из своих последних работ П. В. Сысоев формулирует методологические основы внедрения технологий искусственного интеллекта в процесс обучения иностранным языкам, выделяя при этом три аспекта деятельности: 1) преподавание; 2) овладение обучающимися иностранным языком; 3) управление образовательными процессами в целом [Сысоев, 2023]. М. С. Коган обосновывает важность формирования у преподавателей базовых представлений о том, как «функционируют современные системы автоматической обработки текстов на естественном языке» [Коган, 2023, с. 31], и необходимость формирования навыков работы с системами искусственного интеллекта. Автор подчеркивает главную особенность искусственного интеллекта — способность самообучаться на основе огромного массива информации. Развитие ChatGPT стало возможным в результате разработки трансформера — «авторегрессионной (генеративной) языковой модели на основе архитектуры глубоких нейронных сетей» [Коган, 2023, с. 33].

Таким образом, анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на имеющиеся риски для процесса обучения в целом, идея применения нейронных сетей, в частности языковых чат-ботов, поддерживается исследователями. С одной стороны, эти технологии можно использовать непосредственно для развития иноязычных речевых умений, а с другой — для формирования метакогнитивных навыков и умений у студентов (умение анализировать генерируемую чат-ботом информацию, умение определять достоверность информации, умение правильно формулировать запросы, корректировать тексты и т. п.).

Помимо обзора литературы кратко обобщим свой небольшой эмпирический опыт применения ChatGPT при планировании занятий по практическому курсу иностранного языка. Обозначим некоторые преимущества работы с ChatGPT:

1. Персонализация: ChatGPT может реагировать на потребности и уровень обучающихся и, таким образом, индивидуализировать занятия.

2. Интерактивное обучение: ChatGPT может создавать интерактивные обучающие задания (викторины, тесты), чтобы способствовать активизации и расширению страноведческих знаний студентов.

3. Экономия времени: ChatGPT может помочь автоматизировать такие задачи, как оценка заданий, разбор грамматических или лексических ошибок, подбор текстов, составление вопросов к тексту, адаптация иноязычного текста.

4. Многоязычие: ChatGPT может работать на разных языках и поддерживать обучающихся, которые изучают два и более иностранных языка.

5. Гибкость: ChatGPT можно использовать в любое время, как в аудиторное, так и внеаудиторное, что делает учебный процесс более гибким.

В качестве недостатков языковых чат-ботов можно назвать следующее:

1. Подверженность ошибкам: ChatGPT основан на искусственном интеллекте и может работать неправильно, если база данных или программирование неверны. Это может привести к неточным ответам или некорректной информации.

2. Ограничение творчества: хотя ChatGPT может помочь в создании учебных материалов, он не может заменить творчество и оригинальность преподавателя-человека. Это может сделать занятия менее привлекательными и интересными.

3. Зависимость от технологий: использование ChatGPT требует постоянной доступности технологий и высокой технической грамотности преподавателей (сформированности специальных компетенций у преподавателей иностранного языка). Что касается обучающихся, то возникает риск зависимости у последних от технологий искусственного интеллекта. Ведь в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции важно развить у студентов умения иноязычной письменной речи, в частности, нормативно и узуально правильно оформлять иноязычный текст, самостоятельно доказывать какие-то положения в письменном виде, приводить собственные аргументы и т. п.

Учитывая вышесказанное, сформулируем некоторые идеи использования технологий ChatGPT на платформе «Telegram» в практическом курсе иностранного языка/ практикуме по культуре речевого общения:

1. Раскрытие значения и употребления грамматической структуры. Приведем примеры из немецкого языка. По запросу «Как употребляются в немецком языке ограничительные парные союзы *zwar ... aber?*» система выдает значение союзов для выражения противопоставления или контраста, иллюстрирует это значение примерами. По запросу пользователя примеры могут быть простыми для обучающихся на начальном уровне, так и и более сложными в лексическом, грамматическом и содержательном планах. Например:

– *‘Sie spricht zwar Deutsch, aber nicht fließend’.*

– *‘Zwar hat die Informatisierung der modernen Gesellschaft zur Integration von künstlicher Intelligenz in das Bildungssystem geführt, aber es ist auch wichtig,*

spezifische Kompetenzen bei Fremdsprachen- und Übersetzungslehrern zu entwickeln, um künstliche Intelligenz effektiv im Bildungsprozess einzusetzen’.

2. Раскрытие значения лексической единицы или пояснение различий двух лексических единиц. На запрос «В чем различие значений немецких глаголов *berichten* и *mitteilen*?» мы получили такой ответ от чат-бота: *глагол ‘berichten’ чаще используется для формального и объективного сообщения, в то время как глагол ‘mitteilen’ используется для более индивидуального и личного сообщения.*

- *Die Zeitung berichtete über den Unfall.*
- *Kannst du mir bitte mitteilen, wann du zurückkommst?*

3. Генерирование текстов разной сложности на любую тематику и разного жанра, например, раскрытие какого-то понятия или написание личного письма, письма-жалобы, эссе и т. п. Например, один из наших запросов был сформулирован следующим образом «Что может сказать немецкий подросток на молодежном сленге о зеленой моде?» В качестве ответа получен такой текст:

Ick denke, grüne Mode is'n geiler Weg, um unsen Beitrag zum Umweltschutz zu leisten. Is wichtig, dass wir uns bewusst sind, wie die konventionelle Modeindustrie die Umwelt belastet und negative Auswirkungen auf Arbeiter hat. Wenn wir nachhaltige Mode wählen, können wa dazu beitragen, den ökologischen Fußabdruck zu reduzieren und faire Arbeitsbedingungen zu fördern. Ey, und ick find dit geil, dass es imma mehr Marken gibt, die sich auf nachhaltige Mode spezialisieren. Zeigt doch, dass immer mehr Leute Bock haben auf 'ne nachhaltigere Zukunft.

4. Работа с аутентичными текстами. Возможность делать запросы системе: составление развернутого плана текста, сокращение текста, написание аннотации к тексту, выделение ключевых слов из текста, составление вопросов к тексту, изменение жанра или регистра текста. В качестве примера проиллюстрируем ответ на наш запрос сформулировать к заданному тексту об экомоды 5 вопросов:

- 1) *Worauf bezieht sich nachhaltige Mode?*
- 2) *Welche Eigenschaften haben nachhaltige Materialien, die in grüner Mode verwendet werden?*
- 3) *Was ist das Ziel von grüner Mode in Bezug auf die negativen Auswirkungen der konventionellen Modeindustrie?*
- 4) *Warum interessieren sich immer mehr Menschen für grüne Mode?*
- 5) *Gibt es spezifische Marken und Designer, die sich auf nachhaltige Mode spezialisiert haben?*

Таким образом, на основе анализа работ отечественных исследователей и собственного небольшого эмпирического опыта можно ответить на вопрос в заголовке нашей статьи, что технологии ChatGPT могут стать действенным инструментом преподавателя иностранного языка. Мы признаем, что еще необходимы дальнейшие исследования в этой области, проведение опросов среди преподавателей и обучающихся, обсуждение возможностей применения технологий искусственного интеллекта при обучении межъязыковому и внутриязыковому переводу, разработка и обоснование методики применения чат-ботов в обу-

чении иностранному языку. При этом необходимо формировать у себя специальные компетенции интегративного характера, включающие в себя техническую компетенцию, методическую компетенцию, метаязыковую компетенцию (в частности, правильно формулировать запросы или так называемые промты – команды и выражения, позволяющие эффективно использовать чат-боты для конкретных целей в организации обучения иностранному языку).

Литература

1. Коган М. С. О возможном использовании нейросети ChatGPT в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2023. № 3. С. 31–38.
2. Кравцова А. Г. ChatGPT-3: перспективы использования в обучении иностранному языку // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3(100). С. 33–35.
3. Сысоев П. В. Технологии искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2023. № 3. С. 6–16.
4. Сысоев П. В., Филатов Е. М. Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2023. Т. 28, № 1. С. 66–72.
5. Сысоев П. В., Филатов Е. М. ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2023. Т. 28, № 2. С. 276–301.
6. Шуйская Ю. В., Дроздова Е. А., Мыльцева М. В. Привлечение нейросетей к проведению дебатов на иностранном языке на продвинутом этапе его изучения // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2(99). С. 216–218.

CAN CHATGPT BECOME A TOOL FOR A FOREIGN LANGUAGE EDUCATOR?

Orbodoeva L. M.

Cand. Sci. (Ped.), A/Prof.,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
orbodoeva@mail.ru

Abstract. The informatization of modern society has led to the integration of artificial intelligence technologies into the education system. This article provides an overview of current research by domestic scientists on the methodological basis for utilizing neural networks and language chatbots in foreign language learning at various proficiency levels. It examines the didactic potential of incorporating ChatGPT into university practical language courses, while also discussing the importance of developing specific competencies among foreign language and translation educators to effectively leverage artificial intelligence technologies in the educational process.

Keywords: neural networks, ChatGPT, learning foreign languages, learning technology.

УДК 37.016:81

**ПРИЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ТРЕНИНГА
В СОВРЕМЕННОМ ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ**

© **Овчинникова Марина Федоровна**

кандидат педагогических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Россия

Marina_F_Ovchinnikova@mail.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает понятия «тренинг» и «межкультурный тренинг» с позиции возможности его использования на практических занятиях по иностранному языку, не конкретизируя тип учебного заведения. Далее автор обращает внимание на лингводидактический потенциал межкультурного тренинга с позиции развития речевых умений. Часть статьи посвящена приемам интерактивного обучения, которые могут послужить основой для проведения межкультурного тренинга в виде интерактивного взаимодействия между участниками учебно-воспитательного процесса, связанного с созданием благоприятной атмосферы, с организацией коммуникации, обмена деятельностью,мыследеятельности, смыслотворчества, с проведением интерактивных игр.

Ключевые слова: виды тренинга, межкультурный тренинг, интерактивные инструменты обучения.

Развитие и становление межкультурной, лингвокультурологической, социолингвистической, а также других функциональных компетенций разного профиля для изучения языка культуры являются векторным предметом рассмотрения в большинстве научных исследований уже пару десятков лет подряд. Данная тенденция обозначилась в силу непреодолимости изучения «человека в языке и языка человека». В отечественной методической науке антропоцентрическая парадигма уже нашла проявление в переключении интересов учителя-практика и медиатора культур с объекта познания (иностранный язык) на субъект речевой деятельности, то есть ученика. В этой связи сегодня процессы интеграции ставят методистов перед необходимостью разрабатывать новые методические модели, технологии и методики, методические системы и комплексы упражнений для достижения целей на разных ступенях обучения, в том числе в процессе обучения иностранным языкам и культурам. Многолетний опыт наблюдения за современными исследованиями в данной области, личный опыт учителя-практика и преподавателя методики обучения иностранным языкам и культурам в вузе позволяют констатировать, что формирование культурно-ориентированных компетенций в процессе обучения — задача сложная, не имеющая однозначных и простых решений. Однако определенные достижения в смежных науках, например, теории межкультурной коммуникации, могут оказать определенную помощь.

На наш взгляд, межкультурный тренинг в процессе овладения культурой изучаемых языков обладает незаурядными дидактическими возможностями. Впрочем, до сих пор в отечественной и зарубежной методике не определено его место, значение и статус в учебно-познавательном процессе. В связи с этим не выяснено и назначение, то есть роль межкультурного тренинга. Ни в каких серьезных исследованиях ему не назначена роль упражнения, приема, метода, технологии обучения или формы нетрадиционного урока иностранного языка.

Автор статьи ставит перед собой следующие задачи. Первое — рассмотреть понятия «тренинг» и «межкультурный тренинг» в смежных с методикой науках, его виды и характерные черты, модели проведения. Вторая задача — исследовать обучающий, лингводидактический потенциал межкультурного тренинга на уроке иностранного языка и предложить ряд приемов, которые могли бы стать основой для проведения межкультурного тренинга в современном иноязычном образовании.

Тренинг как явление зародился в предметной области лечебной психологии и стал популярным в 1950-е гг. Особенности использования тренинга в тот период являлось то, что данный прием работы развивался, опираясь на теоретическую базу психоанализа, бихевиоризма, гуманистической психологии и гештальт-учения. Тренинг в психологии — это активный метод групповой и индивидуальной работы, эффективно применяемый на этапе обучения практическим и психологическим навыкам становления межличностных отношений. Тренинг использовался в основном в психологической и психотерапевтической практике. В качестве метода обучения тренинг первыми в Европе начали применять А. Адлер и Дж. Морено, в США — Дж. Х. Пратт [Козленкова, Ушатова]. В качестве метода и приема обучения на уроках в школе и в вузе тренинг представляет собой планомерно осуществляемую программу разнообразных операций, действий, упражнений с целью формирования и совершенствования навыков и развития умений в определенной сфере человеческой деятельности.

В области межкультурных отношений метод тренинга был впервые предложен Г. Триандисом, который уверен, что этот прием-метод знакомит с межкультурными различиями в межличностных отношениях путем проигрывания ситуаций, протекающих по-разному в разнообразных культурах. На тренинге, по его мнению, знакомство с чужой культурой происходит через эмоционально окрашенную деятельность, повторяемость ситуаций и их последующий анализ, что и позволяет переносить сформированные знания в новые ситуации [Грушевицкая, 2003].

В современной отечественной педагогической науке тренинг — это «форма интерактивного обучения, цель которого — развить компетентность межличностного, межкультурного и профессионального поведения в межкультурном взаимодействии» [Утехина, 2012, с. 173]. В теории межкультурной коммуникации тренинг есть эмпирический метод обучения [Грушевицкая, 2003, с. 238].

Для учителя-практика, обучающего иностранному языку и культуре, непременно важно понимать, что эмпирическое обучение взаимодействию с «носителем

лями» других культур ставит перед собой два существенных ориентира деятельности. Первая из них — это знакомство обучаемых с межкультурными различиями через проигрывание ситуаций, протекающих по-разному в различных культурах. Вторая — это формирование гибкости межкультурного навыка и подготовка учащихся и переносу полученных знаний и/или умений в схожие ситуации межкультурного общения.

В американской культурной антропологии были разработаны всевозможные виды тренингов в области межкультурной коммуникации, полная типология которых была введена У. Брислином. Он, исследовав взаимосвязь между коммуникацией и социальной психологией, выделил следующее:

- тренинг самосознания, в котором индивид изучает свои собственные культурные основы, осознавая свою собственную идентичность;
- когнитивный тренинг, в котором участники получают информацию об иных культурных сообществах;
- тренинг атрибуции, в котором участники определяют причинно-следственные объяснения ситуаций и действий с точки зрения иной культуры;
- поведенческий тренинг с целью обучения практическим навыкам, необходимым для жизни в другой культуре;
- ситуативный тренинг, включающий воспроизведение и анализ конкретных межкультурных ситуаций, а также размышления по проблемам, возникающим в результате этих контактов [Brislin, 1994].

В наши дни учеными определяется и уточняется роль межкультурного тренинга в ходе формирования иноязычной межкультурной коммуникативной компетенции. При этом одна группа ученых полагает, что тренинг призван восполнить недостающие навыки и умения учащихся, которые почти никак не обеспечиваются системой образования, процессами социализации и инкультурации и не могут быть приобретены в процессе коммуникативной практики [Садыхин А. П.]. Иное мнение сводится к тому, что упражнение в тренинге — это деятельность по переосмыслению опыта общения, расширению знаний, способствующих формированию более функционального взаимодействия с окружающим миром.

Эти две точки зрения породили две модели развития межкультурного аспекта коммуникативной компетенции через использование межкультурного тренинга. Первая из них посвящена приобретению и совершенствованию знаний, навыков, умений и установок. К моменту завершения работы тренинга его участники приобретают новые для них знания, формируют и развивают новые межкультурные навыки и умения, весомо повышающие их компетентность в рамках проблематики тренинга. Другая модель предполагает, что в тренинге обучаемые овладевают новыми, более качественными и функциональными способами работы с собственным опытом межкультурной деятельности. В ходе воплощения данной модели знания, навыки и умения приобретаются не столько во время проведения

тренингов, а в большей степени в ходе рефлексивной работы, следующей за ними.

Иначе говоря, межкультурный тренинг — это система упражнений, которая является инструментом практического овладения ценностями, нормами, правилами и традициями другой культуры, помогающая преодолевать стереотипы поведения и мышления, предвосхитить проблемы, разрешить уже наметившиеся конфликты и сбои коммуникации в ситуациях культурного многообразия, а также минимизировать конфликты, основанные на межкультурном непонимании. Эмпиричность данного средства обучения в сочетании с тем, что в процессе применения межкультурного тренинга на уроке происходит приобретение самобытной и важной информации о национально-культурных особенностях стран изучаемого языка, своей страны, о культуре в целом, вербальном и невербальном поведении участников общения и т. д., делает данный метод психологии и межкультурной коммуникации уникальным и бесценным для учителей-практиков иностранного языка при взаимосвязанном обучении иным культурам.

Во второй части статьи нам необходимо проанализировать некоторые лингводидактические возможности межкультурного тренинга и предложить приемы для успешной реализации межкультурного обучения.

Тренинг, по мнению А. Н. Утехиной, служит одним из методов в межкультурной дидактике, способствующей формированию определенных языковых навыков и речевых умений [Утехина, 2012]. Интересно, что частью проведения тренинга могут стать чтение аутентичных, оригинальных текстов, просмотр фильмов и роликов, прослушивание аутентичных песен, дальнейшее обсуждение поликультурных проблем, проигрывание ситуаций общения и т. д. Таким образом, помимо развития конкретных коммуникативных умений в видах речевой деятельности у учащихся развиваются умения самостоятельно преодолевать затруднения в понимании иностранного языка, нахождения конкретной информации, интерпретации и дальнейшем использовании полученной информации в практике общения. Размышляя далее, мы полагаем, что любой тренинг всегда подразумевает коммуникацию между двумя и более участниками устно или письменно, что с позиции обучения иностранного языка и культуре предполагает, прежде всего, развитие умений в говорении и письме, то есть монологической и диалогической речи, а также в письменной речи. Формирование навыков и овладение речевыми умениями осуществляется, во-первых, через интенсивные тренировки в комплексах упражнений и выполнение ряда систем упражнений; во-вторых, через использование полученных знаний о культуре и поведении представителей иных культур в естественном межличностном общении.

Таким образом, в процессе проведения межкультурного тренинга у участников формируются продуктивные способы интеракции, основанные на индивидуальных особенностях человека и его коммуникативных способностях. Можно предположить, что высокая образовательная ценность и результативность тренинга определяются тем, что межкультурный тренинг, построенный на моделировании и симулировании реальных межкультурных условий, требует от его

участников динамичного участия в процессе коммуникации и мобилизации когнитивного и аналитического потенциала.

Сознательное выполнение требований и условий тренинга, организованного преподавателем-медиатором культур, дает возможность прогнозировать ход успешной интеркультурной межличностной коммуникации, делать нужные выводы и предвосхищать возникновение ошибок и конфликтов в межкультурном общении. Как полагает А. Н. Утехина, успешная межкультурная коммуникация должна обладать следующими чертами: открытость к познанию иной культуры и восприятие психологических, социальных и культурных различий; психологический настрой на общение и взаимодействие с представителями другой культуры; умение отличать качества в невербальном/вербальном поведении людей, присутствие обществу и индивиду; способность дисабсолютировать стереотипы мышления и общения; творческое и сознательное отношение к процессу коммуникации с использованием требуемых моделей, стилей общения; владение веером коммуникативных средств и их грамотным выбором в зависимости от ситуации; стремление к балансу и симметрии в общении; обязательное соблюдение этикетных норм родной и чужой культуры. В силу понимания первоначальной психологической природы тренинга эти черты становятся требованиями для организации межкультурного тренинга на уроке иностранного языка, в ходе которого участники могут общаться во всех видах речевой деятельности.

В отечественной и зарубежной методике обучения иностранным языкам в ходе формирования навыка и развития речевого умения как средства обучения используются упражнения, которые классифицируются (языковые, условно-речевые, речевые и т. д.), они группируются в системы и комплексы и только затем предлагаются обучаемым для выполнения.

В этой статье, остановившись на рассмотрении межкультурного тренинга для развития речевых умений в процессе развития речевых умений, представляется необходимым припомнить стабильные требования, предъявляемые к речевым упражнениям: одноязычность, наличие речемыслительной задачи, ситуативность общения, новизна и мотивированность общения, комбинируемость речевого материала, связь контекста общения с личностью обучаемого. К варируемым требованиям Е. И. Пассов относит незаданность речевых средств, содержание общения и направленность упражнения на развитие одного из качеств речевого умения. Данные требования, по мнению Е. И. Пассова, характеризуют любые речевые упражнения [Пассов, 2010].

Интересно, что С. С. Кашлев, разрабатывая многообразные интерактивные методы обучения в контексте инновационности современного образования, предлагает более 60 тренинговых заданий, которые, являясь элементарными поступками на уроке иностранного языка, могут рассматриваться нами как приемы обучения. Белорусский коллега организует их в следующие группы методов интерактивного обучения [Кашлев, 2000; Кашлев, 2022].

Методы создания благоприятной атмосферы и организации коммуникации — для оперативного включения в совместную работу используется метод «Заверши

фразу», например, «Сегодня на уроке я хочу узнать ...», «А знаете ли вы, что ...», «А кто помнит, что ...», «Быть гражданином значит ...». Этот метод может включить учащихся в работу по постижению темы урока, обсуждаемой проблемы. Часть методов автор предлагает использовать на первых уроках при знакомстве с классом или просто для создания благоприятной атмосферы. Однако в контексте соизучения языков и культур в зависимости от класса, возраста, тем общения эти задания могут быть переформулированы, уточнены и звучать как: «А знаете ли вы, как правильно вести себя в английском пабе?», «Почему олененка Рудольфа не приглашают играть в подвижные игры и смеются над ним?», «Быть гражданином Соединенного Королевства/Российской Федерации означает...» и т. д.

Методы организации обмена деятельностью — организация групповой работы, при которой участники группы определяются с целями деятельности, порядком и условиями работы, выполняют предметные действия в определенной последовательности, по окончании анализируют ее ход и результаты. Автор интерактивных методов обучения предлагает специальные, которые удобны для работы с текстом (звучащим или читаемым), когда учащиеся в результате обмена деятельностью, например, чтения, обмениваются не только информацией, но и умозаключениями и комментариями событий, описанием состояния.

Методы организации мыследеятельности (воспроизводства реальных моделей вербального поведения, нацеленных на деятельность) направлены на выполнение учащимися неких когнитивных операций, таких как анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификация, абстрагирование, которые основаны на обмене мыслительными действиями между участниками образовательного процесса. Учащиеся сравнивают события, обобщают факты, анализируют явления, классифицируют данные в результате полученной информации из текста.

К методам организации смысловторчества (включая постановку задач, формулирование целей, комментирование смыслов) С. С. Кашлев относит простые и интересные задания на завершение фраз и идей, комментирование ассоциаций и межкультурных событий, формулирование определений и др. При этом за смысловторчеством мы также будем усматривать обогащение личности учащегося за счет познания нового межкультурного явления и ее наполнение личностным смыслом в деятельности общения.

Интерактивные игры — еще один метод, который предлагается С. С. Кашлевым. Подобные игры основаны на интенсивном взаимодействии участников образовательного процесса, формируют устойчивый интерес к познанию, оживляют атмосферу занятия, снимают напряжение, активизируют учащихся, приближают учебу к жизненным ситуациям, формируют навыки учебной деятельности, создают позитивное образовательное пространство [Кашлев, 2022]. Например, игры, в которые играют британские дети Red Light Green Light, Skipping rope, Marco Polo и другие, можно соответственно внедрить в тренинги, объясняющие причины возникновения левостороннего движения в Англии, позволяющие познакомиться с детским фольклором (считалки, стишки) и пояснить причины поступков героев.

Анализ интерактивных методов С. С. Кашлева с позиции требований к речевым упражнениям позволяет сделать вывод о том, что все они могут быть использованы в качестве речевых упражнений или приемов в ходе организации и проведения межкультурного тренинга при решении коммуникативных задач разного уровня сложности (информационных, регулятивных, ценностно-ориентационных и даже конвенциональных [1]), с одной стороны. С другой — данные методы или *приемы*, на наш взгляд, отвечают требованиям межкультурного тренинга, рассмотренного в статье. В любом случае упомянутые выше приемы межкультурного тренинга являются целенаправленными, усиленными для выполнения во всех возрастных группах, естественными по содержанию и способу исполнения, апеллируют к разным видам памяти, особенностям восприятия, типам мышления; мотивируют обучаемых на деятельность, активизируют и мобилизуют их интеллектуальные способности.

Проанализировав более детально разнообразные методы интерактивного обучения, полагаем, что лингводидактический потенциал таковых заключается в возможности:

- реализовать культурно-ориентированные подходы к обучению за счет их наполнения новым культурно значимым содержанием с последующим комментированием ситуативности, разнообразия, драматизации и т. д. Также в ходе симулирования повседневных ситуаций учащиеся знакомятся с культурными особенностями быта, контактного общения, проблемными ситуациями, благодаря которым формируется понимание истории и культуры иной страны; с речевым и неречевым поведением, при этом приобретает опыт осуществлять межличностное и межкультурное общение;
- формировать социокультурную и социолингвистическую компетенции в связи с тем, что содержание тренинговых заданий может включать в себя знания национально-культурных особенностей страны изучаемого языка, правил речевого и неречевого поведения в распространенных ситуациях общения, тонкостях этикета носителей языка и умение осуществлять свое неречевое/речевое поведение в соответствии с этими моделями;
- формирования и развития вторичной языковой личности у принимающих участие в межкультурном тренинге с использованием данных приемов;
- реализовать сознательный, компетентностный, личностный и деятельностный подходы, так как одним из ключевых моментов организации личностно-ориентированного занятия по языку является форма взаимодействия между учителем и учеником, учеником и учеником, организованная как диалогическое общение и/или полилог на сознательной основе;
 - их применения в разных видах устной и письменной речевой деятельности;
 - включения учащихся в интерактивное общение как друг с другом, так и со средствами обучения: учебником, видео- и аудиоматериалами, рабочей тетрадью, учебными пособиями, таблицами и схемами, карточками, интернет-ресурсами.

Литература

1. Бим И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. Проблемы и перспективы: учебное пособие. Москва: Просвещение, 1988. 255 с.
2. Грушевицкая Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / под редакцией А. П. Садохина. Москва: Юнити-Дана, 2003. 352 с.
3. Кашлев С. С. Современные технологии педагогического процесса: пособие для педагогов. Минск: Университетское, 2000. 95 с.
4. Кашлев С. С. Технология интерактивного обучения: учебно-методическое пособие. Москва: ИНЦ ИНФРА-М, 2022. 239 с.
5. Козленкова Е. Н., Ушатова И. В. Становление понятия о тренинге как методе обучения в отечественной педагогике. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-popyatiya-o-treninge-kak-metode-obucheniya-v-otechestvennoy-pedagogike/viewer> (дата обращения: 23.06.2023).
6. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Урок иностранного языка. Ростов н/Д: Феникс; Москва: Глосса Пресс, 2010. 640 с.
7. Садохин А. П. Метод тренинга в формировании межкультурной компетентности. URL: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/sadohin_metod_training.pdf (дата обращения : 23.03.2023).
8. Утехина А. Н. Межкультурная дидактика: монография / под редакцией Т. И. Зелениной. Москва: ФЛИНТА, 2012. 280 с.
9. Brislin R. W., Yoshida T. Intercultural Communication Training: An Introduction. Thousand Oaks: Sage Publications, 1994. 236 p.

INTERCULTURAL TRAINING TECHNIQUES
IN MODERN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Marina F. Ovchinnikova
Cand. Sci. (Ped.), A/Prof.,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
Marina_F_Ovchinnikova@mail.ru

Abstract. In the article, the author considers the concept of training and intercultural training from the standpoint of the possibility of its use in practical classes teaching foreign languages, without specifying the type of educational institution. Further, the author draws attention to the linguodidactic potential of intercultural training in developing speech skills. Part of the article is devoted to interactive learning techniques that can serve as the basis for conducting intercultural training in the form of interaction between participants in the educational process associated with creating a favourable and positive atmosphere, organizing communication, exchanging activities, thought activity, meaning creation, and conducting interactive games.

Keywords: types of training, intercultural training, interactive learning techniques.

УДК 372.8

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ РЯД КАК ОДНА ИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ
МЕТОДА АССОЦИАЦИЙ В ОБУЧЕНИИ**

© **Татаурова Дарья Михайловна**

кандидат филологических наук, преподаватель,
Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Россия
darya.tataurova@mail.ru

© **Татаурова Марина Всеволодовна**

преподаватель,
Иркутский региональный колледж педагогического образования
г. Иркутск, Россия
darya.tataurova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается применение интертекстуального ряда как средства обучения на примере интертекста Конституции. Интертекстуальный ряд представляет собой последовательный набор вариантов одного и того же интертекста, в ходе анализа которого изучаются его цитаты или языковые единицы. Актуализация интертекста как целостного феномена производится с помощью ассоциативных связей, таким образом, описанный подход имеет отношение к методу ассоциаций, преимуществами которого являются погружение студентов в самостоятельную деятельность, осознанность усвоения знаний, способствование развитию личности и коллектива в целом. Выбор конституционного интертекста для репрезентации интертекстуального ряда обусловлен не только наличием лексических тем, посвященных политико-правовым вопросам, но и необходимостью формирования личности с активной гражданской позицией.

Ключевые слова: ассоциация, ассоциативная связь, обучение, интертекст, претекст, смысловой интертекстуальный ряд, гражданин.

С давних времен ассоциативная теория обучения используется в педагогике и методике, и иностранный язык не является исключением, более того, для данной дисциплины актуальность ассоциативного метода обусловлена постоянной необходимостью усвоения новых языковых единиц. Понятие «ассоциация» объективируется как взаимосвязь между отдельно взятыми определениями, фактами, предметами, явлениями, следствием которой является то, что упоминание одного понятия вызывает воспоминание о другом, сочетающемся с ним [6; 9].

Актуальность применения метода ассоциаций проявляется в развитии личностных качеств на основе ассоциативной деятельности и обеспечении полноты, глубины, прочности усвоения знаний, с помощью чего совершенствуются механизмы запоминания. Основная задача обучения в представленном ракурсе объективируется в обогащении сознания учащихся образами и ментальными единица-

ми. Метод ассоциации позволяет популяризовать учебную дисциплину, благодаря чему выпускники обладают большим уровнем эрудиции и развитым логическим абстрактным мышлением. Ассоциация обеспечивает продвижение сознания к обобщению на основе сравнения [10].

В частности, применение речевых ассоциаций, то есть установление связей по сходству звучания, позволяющее расширить эрудицию и обогатить словарный запас, популярно в преподавании различных дисциплин, в том числе, безусловно, иностранного языка, однако в данной работе рассматривается применение ассоциаций в аспекте применения интертекстуального смыслового ряда. Базовым понятием в таком случае предстает интертекст, который актуализируется как явление многогранное, но в исследовании интертекст актуализируется, согласно определению Т. Е. Литвиненко: интертекст есть «мультиреферентный текст. Такой текст представляет собой понятийно-знаковый синтез — результат эволюции смыслов и способов их вербальной репрезентации, аккумулированных лингвокогнитивным сообществом. И одновременно (вос)созданный коммуникантом концепт, переданный им средствами национального языка как превращенными прецедентными знаками» [8, с. 288].

Следующим понятием, имеющим непосредственное отношение к интертекстуальному смысловому ряду, является пре[цедентный]текст, или претекст, который определяется как источник вносимых в последующий за ним интертекстуальный вариант дублируемых элементов, при этом соотносимый с последним в диахроническом плане [7]. Употребление претекста направлено на вызов ассоциативного воздействия: узнавание прецедентной информации, отбор релевантных ассоциаций и реализацию потенциала генерации новых смыслов, что возможно благодаря ассоциативным связям [4]. Ученые предложили ввести термин «смысловой интертекстуальный ряд», или совокупность фрагментов интертекста, зависящих друг от друга, имеющих общую тематику и претекст, что усиливает интертекстуальные ассоциации. Интертекстуальные версии одного и того же интертекста могут быть проанализированы студентами, что позволит последним эксплицировать изучаемые понятия и далее качественно и точно отобразить передаваемые смыслы в употреблении данных единиц. Для этого требуется подготовка, включающая выделение претекстов по определенной теме, затем репрезентацию совокупности последующих интертекстуальных вариантов изучаемого интертекста и его цитат, подлежащих группировке в смысловой интертекстуальный ряд. Студентами же производится распознавание ментальных характеристик взаимодействия элементов ряда, то есть цитат, и их функциональных характеристик в интертексте [11].

Не подлежит сомнению, что прототипическое значение ментальной единицы, реализуемой через цитату интертекстуального ряда, имеет скорее теоретическое значение, и в сознании каждого отдельно взятого студента оно не будет актуализировано в полной мере, в том числе из-за индивидуального характера ассоциаций. Тем не менее прототип все же способен служить общей базой для определенной группы [5], роль которой в обучении языкам выполняет коллектив обучающихся.

Описанный подход актуален в условиях учебного билингвизма, так как позволяет увеличить объем ассоциативного, а значит, и семантического пространства обучающегося, что происходит с помощью возникновения и увеличения качества и количества ассоциативных связей и последующего моделирования фрагментов мира [1; 2].

Было рассмотрено применение интертекстуального ряда на примере конституционного интертекста. Актуальность выбранного материала обусловлена наличием в федеральных государственных образовательных стандартах как среднего, так и высшего образования компетенций, объективирующих привитие студенту активной гражданской позиции, основывающейся в том числе на владении историческими сведениями и способности применять основы правовых знаний¹. Без сомнения, применительно к узкоспециальным дисциплинам анализ интертекстов подобного рода может быть актуален при проведении занятий по лексикологии и лингвокультурологии, в спецкурсах по интертекстуальности, по политической и юридической лингвистике.

Рассмотрим единицы ГРАЖДАНИН и CITIZEN. На семантическую близость двух понятий указывает общий предикативный компонент «политико-правовая связь субъекта и государства». Однако ситуативно отношения данных единиц раскрываются именно в конституционном интертексте, где студенты, активизировав ассоциативное мышление, могут наблюдать как общий ряд прототипических признаков, так и семантические различия, что позволяет разграничить значение и употребление данных единиц. При рассмотрении интертекстуального ряда российского конституционного интертекста выявляются две единицы: ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН. Первая существовала в «Своде Основных законов Российской Империи» 1906 г., но была утрачена после установления нового государственного строя, что потребовало ее замены актуальным юридическим понятием. Несмотря на отличия, эксплицирующие смену законодательных основ, в интертексте Конституции РСФСР 1918 г. была воспроизведена значительная часть семантики предшествующей единицы, что позволяет провести множество ассоциативных связей. В интертекстах Конституции 1925, 1937, 1978 и 1993 гг. трансформация понятия проявляется одновременно в расширении общей семантики понятия и сужении количества периферийных значений и их вариантов. Эволюция соответствующих единиц в британском конституционном интертексте проявляется в подобных российскому конституционному интертексту процессах: если в первых версиях интертекстуального ряда производится четкая градация единиц SUBJECT, CITIZEN и DENIZEN и их гиперонима

¹ Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. Официальный сайт Рособрнадзора. URL: https://obrnadzor.gov.ru/gosudarstvennye-uslugi-i-funkczii/7701537808-gosfunction/acts_list2021/mandatory_requirements_2021/fgos_spo/ (дата обращения: 06.09.2023); Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. URL: <https://base.garant.ru/71344998/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#friends> (дата обращения: 06.09.2023).

NATIONAL, то впоследствии данные понятия унифицируются. С помощью ассоциативного мышления студенты приходят к выводу, что семантика расширяется, при этом растет тенденция к моносемизации¹.

При осуществлении сравнения современного значения единиц ГРАЖДАНИН и NATIONAL российского и британского конституционного интертекстов наблюдаются следующие отличия: российская единица функционирует в разных семантических ролях: как родовое имя, отражающее факт наличия политико-правовой связи с государством; и оно же служит для обозначения нескольких гипонимов, один из которых объективирует совокупность ключевых прав, обязанностей и гарантий субъекта; другой служит репрезентацией субъекта без определенных прав и обязанностей или не обладающего ими в полном объеме. Усвоение семантических вариантов единицы ГРАЖДАНИН, затрудняемое отсутствием отдельных имен для каждого из них, может быть произведено при проведении параллелей с британским конституционным интертекстом: единица NATIONAL выполняет преимущественно родовую функцию, кодифицируя наличие отношений с государством; гипонимы, актуализирующие человека с полным набором прав и субъекта, не имеющего возможности реализовать политико-правовые связи с государством полностью, представлены соответственно лексическими единицами CITIZEN и SUBJECT².

В современной концепции образования предполагается, что на выходе из учебного заведения общество получает личность высоконравственную и компетентную. На наш взгляд, предлагаемая форма реализации ассоциативного метода будет способствовать активному формированию и использованию коммуникативных компетенций, а также реализации возможности самоактуализации. Описанный аспект применения ассоциативных связей обеспечивает систематизацию знаний, повышение и упрочение усвоения и интерес учащихся в процессе моделирования мира, в том числе с точки зрения гражданско-правовой позиции.

Литература

1. Алферова Ю. И., Сафронов Д. М. Методика преподавания иностранных языков // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 3 (50). С. 76–79.
2. Белянин В. П. Психолингвистика: учебник. Москва, 2003. 232 с.
3. Вершков А. С., Самойленко О. Б., Дорофеев А. А. Применение инновационно-ассоциативного метода обучения в условиях образовательной среды современного вуза // Актуальные исследования. 2020. № 19 (22). С. 79–83.
4. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва: Гнозис, 2003. 288 с.
5. Дашинимаева П. П. Семиозис и вопрос единичности семантики слова // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 10. С. 86–90.

¹ Законодательство России. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> (дата обращения: 04.09.2023); UK Legislation. URL: <https://www.legislation.gov.uk> (accessed: 05.09.2023).

² Там же.

6. Жигулин С. С., Кошелева А. О. Стратегия формирования профессиональной компетентности в контексте инновационного педагогического проектирования. Орел: ОГИИК, 2007. С. 24–26.
7. Литвиненко Т. Е. О статусе производных единиц с форматом «-текст» в современной теории текста // Вестник Красноярского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2006. № 3/1. С. 184–188.
8. Литвиненко Т. Е. Тексты, которым мы живем // Вестник НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5, вып. 1. С. 120–126.
9. Самарин Ю. А. Очерки психологии ума: особенности умственной деятельности школьников / под редакцией Г. А. Неценко, З. Г. Найденовой. Изд. 2, испр. Гатчина: Изд-во Ленингр. обл. ин-та экономики и финансов, 2003. 318 с.
10. Татаурова М. В. Новый взгляд на ассоциативный метод в обучении физике // Развитие педагогического ресурса образовательной организации для личностного и профессионального самоопределения будущего специалиста: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 7 февраля 2023 г.). Иркутск, 2023. С. 40–45.
11. Харьковская Ю. В. Моделирование перевода интертекстуальных смысловых рядов и геральдических конструкций в художественном тексте: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Уфа, 2017. 185 с.

INTERTEXTUAL SEQUENCE AS A CASE OF
ASSOCIATION APPROACH IN STUDY PROCESS

Tataurova D. M.
Cand. Sci. (Phil.), Lecture,
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia
darya.tataurova@mail.ru

Tataurova M. V.
Lecture,
Irkutsk Regional College of Teacher Training
Irkutsk, Russia
darya.tataurova@mail.ru

Abstract. In the article, the appliance of intertextual sequence as means of education is investigated. The intertextual sequence is a set of versions of the same intertext, mainly, they are put in chronological order. These pieces of the intertext considered are linked with the help of lexical units, which are analyzed by students. Intertextual links are provided by associations, consequently, the association approach is used as well, and it has such benefits as immersion of students to self-sufficient creative activity, consciousness of knowledge acquirement, assistance to personal and collective development. The choice of constitutional intertext as the example used in the study is determined not only by the presence of educational topics devoted to law and politics, but also by the necessity of making a student a noble citizen of the country.

Keywords: association, association link, education, intertext, pretext, semantic intertextual sequence, citizen.

УДК 378:811

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ГРУППАХ С БОЛЬШОЙ НАПОЛНЯЕМОСТЬЮ

© **Чепак Ольга Александровна**

кандидат социологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Россия
chepak.o@yandex.ru

© **Шагланова Елена Андреевна**

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Россия
shaganel80@mail.ru

Аннотация. В статье авторы делятся опытом обучения иностранному языку в группах с большой наполняемостью. В статье предпринимается попытка выявить преимущества и недостатки коллективного обучения, предлагаются способы решения проблем, связанных с организацией коллективного обучения, анализируется роль учителя. В статье описаны некоторые технологии и приемы, которые используются авторами при обучении студентов 1-го и 2-го курсов Института права и экономики, а также Института математики, физики и компьютерных наук Бурятского государственного университета.

Ключевые слова: преподавание иностранного языка, группы с большой наполняемостью, недостатки, преимущества, опыт преподавания.

Современное общество предъявляет высокие требования к выпускникам высших учебных заведений. Одним из таких требований, которое делает специалиста конкурентно способным и повышает его шансы найти работу по специальности, является владение иностранным языком (ИЯ). Данная дисциплина является обязательной на 1-м и 2-м курсах неспециальных факультетов. Однако преподаватели иностранных языков сталкиваются с рядом проблем, которые значительно затрудняют преподавание. К основным трудностям можно отнести низкую мотивацию изучения иностранных языков, низкий уровень владения ИЯ, с которым выпускники школ приходят продолжать обучение, недостаточное количество часов, отведенных учебным планом на изучение дисциплины, разноуровневые группы, группы с большой наполняемостью.

В условиях оптимизации, с которой столкнулось высшее образование в настоящее время, группы, в которых происходит преподавание ИЯ, укрупняются. Известно, что специфика изучения ИЯ предполагает группы, состоящие из 10–12 человек, такое количество считается оптимальным для успешного формирования, развития и совершенствования умений всех видов речевой деятельности.

сти. Группа, состоящая из более чем 12 человек, считается большой, однако количество студентов в группах, в которых студенты изучают английский язык на некоторых факультетах, достигает 25–30 человек. Проблема преподавания ИЯ в больших академических группах практически не представлена в методической литературе. Преподавателю самому приходится искать пути выхода из сложившейся ситуации и адаптировать учебный процесс к новым реалиям, применяя различные стратегии и формы работы на уроке, происходит постоянный поиск наиболее эффективных форм обучения. В статье мы рассмотрим подробно недостатки и преимущества обучения ИЯ в больших группах и поделимся опытом преподавания в больших группах на юридическом факультете Бурятского государственного университета.

Как мы писали выше, проблема преподавания в больших группах практически не освещена в научной литературе. Существует много работ, посвященных групповой работе на уроке, в них рассматриваются малые группы, которые разово формируются на уроке из небольшого числа студентов. Мы же говорим о постоянных группах с большой наполняемостью. Фронтальная работа, индивидуальная работа практически не возможны при таком большом количестве обучающихся. По нашему мнению, при большой наполняемости групп нужно обратить внимание на такой потенциал, как коллективное обучение. Под коллективным обучением мы понимаем такой вид обучения, при котором члены коллектива, а в нашем случае это академические группы, активно участвуют в обучении друг друга в процессе учебной деятельности. Считаем, что учащиеся данной возрастной категории способны не только самостоятельно получать знания, но и передавать их, а также осуществлять контроль и взаимоконтроль усвоения. Но нужно отметить, что такое обучение в основном может реализоваться опять же через групповую работу на занятиях. На наш взгляд, основными признаками коллективного обучения являются наличие общей цели, взаимодействие учащихся друг с другом, взаимопомощь, взаимопроверка, контроль за своей деятельностью и деятельностью членов группы.

При всей сложности и, на первый взгляд, невозможности преподавания ИЯ в группах с большой численностью данная модель обучения имеет ряд преимуществ. Первым неоспоримым аргументом в пользу коллективного обучения в процессе изучения ИЯ в группах с большой наполняемостью является то, что такое взаимодействие позволяет увеличить время говорения обучающихся на иностранном языке. Большую академическую группу можно поделить на несколько малых групп и дать каждой группе одинаковые или разные задания на говорение, в результате сразу несколько студентов могут иметь устную практику одновременно. Остальные получают информацию, замечают и исправляют ошибки, выстраивают свои высказывания с учетом допущенных ошибок, что тоже способствует усвоению языка.

Коллективная работа способствует улучшению содержания речи, увеличивает возможности поиска интересных идей, тем самым раскрывает творческий потенциал обучающихся. При фронтальной и индивидуальной работе говорящий

больше думает о форме высказывания, боясь совершить ошибки. Когда обучающийся высказывается в естественной для взаимодействия среде среди своих сверстников, он обращает внимание на то, какую информацию он может передать своим одноклассникам. Кроме того, в психологически комфортной атмосфере общения у говорящих в группе развиваются такие функции речевого высказывания, как генерировать идеи, отстаивать свою точку зрения, выразить согласие или возражение, обобщить, сделать выводы, подвести итог. Таким образом, можно сделать вывод, что коллективное обучение предоставляет возможность для формирования, совершенствования и развития навыков и умений, составляющих основу коммуникативной компетенции, которая является основной целью изучения ИЯ. Коллективное обучение способствует созданию положительного эмоционального климата, что помимо прочего ведет к повышению мотивации изучения ИЯ, повышению интереса к предмету.

Кроме развития языковых и речевых навыков и умений коллективное обучение также способствует дальнейшей социализации и развитию таких личностных качеств учащихся, как работа в команде, требовательность к себе и к другим, принципиальность и честность при самооценивании и взаимооценивании, чувство ответственности.

Перейдем к рассмотрению некоторых недостатков коллективного обучения. Как говорилось выше, в основе обучения ИЯ лежит коммуникативный подход, то есть учащиеся должны уметь понимать иностранную речь и использовать изучаемый языковой материал в речи. Главным недостатком совместной учебной деятельности на уроке ИЯ является недостаток активной контролируемой учителем устной практики на каждого студента. При большой наполняемости учитель физически не может обеспечить индивидуальный подход, как следствие, не все обучающиеся в равной степени усваивают изучаемый языковой материал. Также затруднительно объективное оценивание, отсутствует возможность определить степень сформированности навыков и умений говорения. У преподавателя не хватает времени прослушать каждого студента, оценить содержание речи, правильное использование изучаемого материала, произношение.

Второй проблемой являются организационные трудности. Как говорилось выше, при коммуникативной направленности на каждом уроке постоянно должна присутствовать устная практика, которая сама по себе является источником шума. А при большом количестве учащихся в группе очень трудно определить характер и источник шума. Учитель физически не может проконтролировать правильность выполнения задания, степень использования родного языка при выполнении заданий, обсуждение вопросов, не связанных с заданием.

Вышеуказанные проблемы могут решиться, на наш взгляд, следующими педагогическими приемами: использование практики взаимопроверки и взаимоконтроля, когда студенты с высоким уровнем прослушивают студентов с более низким уровнем; коллективное оценивание, когда группа студентов слушает одного студента, и каждый ставит свои оценки, затем обсуждают результаты и выводят окончательную оценку; корректно разработанные критерии оценивания;

правильное деление на малые группы; правильный выбор лидера группы; совместная подготовка к презентации нового материала, когда все члены малой группы готовы выступить с результатами, но преподаватель выбирает только одного спикера; деление материала на части и прослушивание связного рассказа по частям, так что появляется возможность прослушать сразу несколько учащихся. Проблемы дисциплинарного характера также могут быть решены за счет использования ряда педагогических приемов: четкие установки выполнения задания; наличие цели и конечного результата; использование соревновательного элемента между малыми группами; оценивание степени участия каждого члена малой группы в выполнении задания; использование балльно-рейтинговой системы; оптимизация организации мебели. Важная роль при организации групповой работы принадлежит учителю, который выступает не как источник информации и контролер, а как наставник, помощник, наблюдатель, диагност. Эффективность групповой работы во многом зависит от того, насколько грамотно учитель диагностирует результаты работы, организует все этапы работы, доносит до учащихся не только цели и задачи заданий, но и их важность, насколько последовательно требует выполнения заданий. Но нельзя не отметить, что при коллективном обучении активность учащихся выше активности преподавателя.

Следует отметить, что коллективному обучению следует сначала научить студентов. Обучающиеся приходят со школы, где они изучали иностранный язык в более комфортных условиях, в подгруппах с небольшой наполняемостью, с большим количеством уроков в неделю, где учитель играл главную роль в обучении, используя индивидуальный подход к каждому ученику, и самостоятельная работа в основном сводилась к выполнению домашнего задания. Поэтому невозможно с первого урока «заставить» студентов передавать информацию друг другу, оценивать и контролировать друг друга. Преподавателю следует постепенно вводить элементы взаимообучения, например, делить большую студенческую группу на несколько смешанных групп и проводить небольшие учебные проекты на одном из этапов урока, постепенно вводить соревновательные элементы между малыми группами. По мере знакомства со студентами и их знакомства друг с другом, по мере определения уровня владения ИЯ студентами в одной ученической группе, потенциала, заложенного в них, можно переходить к более сложным заданиям.

В статье мы опишем некоторый опыт работы в группах с большим наполнением. Юридический факультет является одним из многочисленных, поэтому группы, в которых ведется ИЯ, являются достаточно большими, достигая 25 и более студентов. Согласно учебной программе за два года студенты юридического факультета изучают следующие темы: юридические профессии, политическая система, Конституция, законодательный процесс. Каждая тема изучается на примере трех стран: США, России и Великобритании. После изучения первой темы студенты выбирают страну, про которую они будут собирать информацию и делать проекты с презентацией на протяжении двух лет. Все проекты выполняются по единому плану, но наполнение разное, в зависимости от выбранной страны. Кроме того, все студенты делают два обязательных слайда: для снятия трудно-

стей, куда они помещают новые слова, без которых невозможно понять содержание проекта; и слайд с фактами про страну по изучаемой теме, которые не были им известны ранее и представляют интерес для будущих юристов. Эти два слайда, во-первых, способствуют пониманию информации, во-вторых, повышают интерес к такого рода работе. Также студенты готовят задание, направленное на проверку понимания информации, представленной во время презентации. Это может быть заполнение таблицы, верные и неверные утверждения, список вопросов, заполнение пропусков в тексте нужной информацией. После завершения презентации происходит взаимопроверка выполненных заданий. Каждый студент заводит специальную тетрадь, где отводит по несколько страниц на каждую страну, о которой одногруппники делают проекты. По мере изучения тем и прослушивания презентаций о разных странах у студентов пополняется информация о каждой стране. Кроме того, вся группа оценивает презентацию по единым критериям, далее происходит обсуждение результатов и выводится общий балл. В результате к концу второго курса они владеют полной информацией о юридических профессиях, политическом устройстве, законодательном процессе не только США, Великобритании и России, но и еще порядка 20 стран, в зависимости от количества студентов в группе. Таким образом, на протяжении всего времени изучения дисциплины происходит коллективное обучение, при котором студенты не только делятся информацией друг с другом, проверяют понимание, но и оценивают других.

Следующим методом, которую успешно используем при обучении в больших группах, является достаточно известный метод «Карусель». Преподаватель просит найти студентов дополнительную информацию по изучаемой теме. Например, при изучении модуля «Профессия юриста», обучающиеся получают задание найти материал про известных юристов разных стран, осмыслить, обобщить информацию и приготовить сообщение для своих одногруппников. На уроке происходит обмен информацией при помощи организации внешнего и внутреннего кругов карусели. В результате изучен и тщательно проработан материал, организована коммуникация, созданы условия для развития навыков говорения и аудирования, все студенты за короткое время получают друг от друга большой объем интересной и полезной информации. Использование данного метода значительно сокращает время на изучение темы, способствует долгосрочному удержанию или глубине понимания материала. Делает процесс обучения более интенсивным.

В заключение отметим, что в сложившихся реалиях преподавателям следует быть гибкими, пробовать разные подходы к обучению, пытаться адаптировать традиционные формы обучения к работе в больших группах, в частности, обратить внимание на потенциал коллективного обучения. В рамках данной статьи мы попытались выявить преимущества коллективного обучения, мы рассмотрели лишь некоторые приемы, которые используем в группах с большой наполняемостью. Даже недлительный опыт использования коллективного обучения показывает, что правильно организованное коллективное обучение имеет много преимуществ и может быть достаточно эффективным способом обучения иностранному языку.

Литература

1. Берсенева О. М., Быкова Л. В. К вопросу о применении технологии взаимообучения в образовательном процессе // Педагогическое образование в России. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primenenii-tehnologii-vzaimoobucheniya-v-obrazovatelnom-protseesse/viewer> (дата обращения: 10.09.2023).
2. Назаренко Е. Н. Групповое обучение иностранным языкам на неязыковых факультетах высших учебных заведений (на примере направления подготовки «Правоведение»). URL: https://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2019/1_41/10.pdf (дата обращения: 10.09.2023).
3. Талагаева Ю. А., Варушкина А. В., Калгина Е. А. Применение технологии коллективного взаимообучения на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnologii-kollektivnogo-vzaimoobucheniya-na-zanyatiyah-po-inostrannomu-yazyku-v-neyazykovom-vuze> (дата обращения: 10.09.2023).

PECULIARITIES A FOREIGN LANGUAGE TEACHING
IN LARGE GROUPS

Чепак О. А.

Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof.,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
chepak.o@yandex.ru

Shaglanova E. A.

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
shaganel80@mail.ru

Abstract. In the article the authors share the experience of foreign language teaching in large groups. An attempt to identify the advantages and disadvantages of collective learning is made, the ways to solve problems related to collective learning are described, and the role of the teacher is analyzed. The article describes some technologies and techniques that are used by the authors when teaching 1-2-year students at the Institute of Law and Economics, the Institute of Math, Physics and Computer Science of Buryat State University.

Keywords: foreign languages teaching, large groups, disadvantages, advantages, teaching experience.

УДК 811.111

К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

© **Базарова Баярма Баировна**

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Россия
bbazarova@mail.ru

© **Буланова Марфа Николаевна**

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Россия
mar-bashkueva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из современных направлений в языкознании — экологическому. Это направление чаще подразделяется на экологию языка и экологию речи. Наряду с ними рассматривают также экологию мышления. К вопросам, которыми занимаются в эколингвистике, можно отнести в первую очередь проблему состояния собственно языка и его чистоты, вопросы его реализации в речи с точки зрения аккуратности по отношению к собеседнику и т. д. Политкорректность как лингвокультурный феномен тоже относится к сфере интересов экологов. В работе уделяется внимание эвфемизмам как средству выражения политкорректности. В качестве примера рассматриваются эвфемизмы — неологизмы английского языка. Обращение к термину «экологический портрет» связано с особенностями структуры ресурса WordSpy, который представляет определенный интерес для изучения тех изменений, которые происходят в английском языке, особенно в ракурсе его экологичности.

Ключевые слова: экология языка, эколингвистика, лингвоэкология, экологический портрет, политкорректность, неологизмы.

Современное языкознание характеризуется синтезом разных наук, среди которых выделяется экологическое направление. Несмотря на то, что развитие данного направления лингвистики насчитывает уже не одно десятилетие и выработан уже определенный терминологический аппарат, тем не менее в определении самой науки до сих пор нет единства. Так, в частности, в научной литературе встречаются термины «эколингвистика» и «лингвоэкология», которые употребляются, по одним источникам, как синонимичные, по другим — обозначают разные области исследования (см. например, обзор в работе [Копнина, 2014; Сетин, 2015]).

Направления «экология языка» и «экология речи» все же обретают все более четкие контуры. Г. А. Копнина, считает, что экология языка направлена на создание его экологического портрета и перечисляет следующие составляющие

такового: «количество носителей языка, сферы его функционирования, внутренняя стратификация языка, наличие кодификации, вербализация в языке морально-этических концептов, негативно влияющие на развитие языка факторы и т. д.» [Копнина, 2014, с. 82]. Под экологией же речи ученый подразумевает «речевое поведение человека в аспекте его экологичности — качества, отражающего способность речи и текста как ее результата не наносить вред адресату» [Копнина, 2014, с. 83]. Разрабатывается и направление, связанное с экологией мышления (см. например, [Дашинимаева, 2020]). Так, автор, рассуждая об изучении мышления — языка — мысли — речи, указывает на разграничение спонтанного (неосознанного) и управляемого (осознанного) мышления и подводит к мысли о возможности (во втором случае) целенаправленной экологизации способов мышления [Дашинимаева, 2020]. Можно заметить, что экология мышления таким образом связывает экологию языка с экологией речи — знание языка с осознанным его употреблением.

В первую очередь, как представляется (обзор научной литературы тому подтверждение, например [Шляхов, Никонов, 2011; Копнина, 2014; Цицкун, 2021]), экологическое направление в лингвистике волнует современное состояние языка, изменения в языке, в том числе степень «загрязнения» языка.

Рассуждая на тему экологии языка, А. В. Кравченко указывает на две основные тенденции в отношении общества к языку. «Первая заключается в преследующих политических цели *насильственных изменениях концептуальной системы через изменение языка* — например, характерное для современного западного общества движение за так называемую “политкорректность”...» [Кравченко, 2011, с. 27] (выделено А. В. Кравченко), считая, что подобное не учитывает биологической (адаптивной) функции языка. Вторая же тенденция, по мнению автора, проявляется в *самоустранении общества и государства от контроля за языковой средой* (выделено А. В. Кравченко), «когда те или иные процессы, затрагивающие область когнитивно-коммуникативных взаимодействий, вырстая в масштабах, грозят привести (и уже приводят) к радикальному ухудшению качества языковой среды, связанному с изменением и даже утратой общечеловеческих культурно-ценностных ориентиров» [Кравченко, 2011, с. 27].

Не касаясь правовых аспектов вопроса, обратим внимание на первую из упомянутых выше тенденций, в частности, на лингвокультурный феномен политической корректности. Как известно, политкорректность «подразумевает построение речевого поведения таким образом, чтобы избежать дискриминации каких бы то ни было групп населения (национальных и других меньшинств, женщин, инвалидов и т. д.)» [Карпухина, Кобцева, 2021, с. 14]. Эвфемизмы как основное средство выражения политкорректности и связывает это явление с лингвоэкологией. «Характерной особенностью политически корректных эвфемизмов является прежде всего их тесная связь с социокультурными процессами: с возникновением новых идеологических установок и переосмыслением культурных ценностей на слова, ранее не имевшие негативного оттенка, накладыва-

ется коммуникативное табу, в результате чего они заменяются новыми лексическими единицами» [Карпухина, Кобцева, 2021, с. 15].

Попробуем проиллюстрировать обсуждаемое примерами из английского языка. Обратимся с этой целью к ресурсу Word Spy, где собираются зафиксированные в средствах массовой информации новые слова в английском языке. Политкорректность, как указывалось выше, реализуется в языке эвфемизмами. Поэтому выберем категорию Language, которая, в свою очередь, представлена далее девятью подкатегориями: acronyms and abbreviations, buzzwords, euphemisms, hashtag, idioms, insults, language, retronyms, verbed nouns.

Рассмотрим эвфемизмы-неологизмы. Всего их оказалось десять.

Sacrophemism — *n.* An insulting, offensive, or vulgar term used to replace a neutral term. (Оскорбительное, обидное или вульгарное выражение вместо нейтрального.) Впервые зафиксировано в 1992 г.

Career-change-opportunity — *n.* A euphemism for being laid off. (Эвфемизм в значении быть уволенным.) Впервые зафиксировано в 1990 г.

Cumulo-granite — *n.* Pilot slang for mountains or cliffs hidden by clouds. (Авиасленг для обозначения гор, скал, скрытых за облаками.) Cumulo — облака. Впервые зафиксировано в 1989 г.

Fuzzword — *n.* A word or phrase that is deliberately confusing or euphemistic. (Слово или выражение, значение которого намеренно запутанное или эвфемистическое.) Впервые зафиксировано в 1979 г.

Meet Marx — *v.* To die, particularly when the person is or was a Communist. (Умереть, особенно когда речь идет о человеке, который был коммунистом.) Впервые зафиксировано в 1978 г.

Opposition-research — *n.* Euphemism for potentially scandalous information uncovered while researching a political opponent. (Эвфемизм для обозначения информации потенциально скандального характера, которая всплывает при проведении расследований против политического оппонента.) Впервые зафиксировано в 1971 г.

Regime-change — *n.* An ironic reference to a change of leadership, particularly in business, politics, or sports. (Иронично в отношении смены лидерства, в частности, в бизнесе, политике или в спорте.) Впервые зафиксировано в 2002 г.

Tunnel fur — *n.* A mixture of dust, oil, human hair and skin, rodent feces, and other substances that collects on subway tracks. (Смесь пыли, жира, человеческих волос, кожи, фекалий грызунов и т. д., которые собираются на путях в метро.) Впервые зафиксировано в 2016 г.

Uninstalled — *adj.* A euphemism for being fired. (Эвфемизм в значении быть уволенным.) Впервые зафиксировано в 1994 г.

Vajajay — *n.* A euphemism for the word "vagina". (Эвфемизм для обозначения вагины.) Впервые зафиксировано в 2006 г.

Рассмотренные лексические единицы, как можно заметить, относятся к разным сферам жизни человека. Два из них — career-change-opportunity (возможность сменить род деятельности) и uninstalled (букв. удаленный, демонтирован-

ный) дополнили список слов лексико-семантического поля «потеря работы, безработный». Еще два — *sasorphemism* и *fuzzword* — относятся собственно к сфере языка. К сфере политики относится слово *opposition-research*, условно сюда можно отнести *meet Marx* и *regime-change*. *Cumulo-granite* — термин, относящийся к профессиональной лексике. *Tunnel fur* — к сфере экологии окружающей среды. *Vajaујау* — замена табуированной лексики.

Очевидно, что приведенные здесь слова нельзя все подвести под традиционное понимание политкорректных единиц языка. Тем не менее изучение новых слов вносит свой вклад в изучение процессов, связанных с выявлением фрагментов действительности, подвергающимся концептуализации, таким образом, отслеживая те изменения, которые происходят в языке в связи с изменениями в социуме. Как нам представляется, интернет-ресурс, к которому мы обратились, может быть полезен для составления экологического портрета представленного в нем материала. Вслед за О. П. Ждановой [Жданова, 2013] подобное рассмотрение всего материала может наглядно продемонстрировать жизнь языка и те изменения, которые произошли к началу XXI в. в английском языке, в непосредственной коммуникативной среде, в которой они функционируют.

Литература

1. Дашинимаева П. П. Экология мышления vs методология межкультурной коммуникации // Экология. Коммуникация. Перевод: материалы всероссийской онлайн-конференции, посвященной 15-летию кафедры перевода и межкультурной коммуникации и 60-летию факультета иностранных языков Бурятского госуниверситета. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. С. 11–17.
2. Жданова О. П. Лингвоэкологический портрет толкового словаря начала XXI века // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 65–83.
3. Карпухина В. Н., Кобцева А. Ю. Проблемы экологии языка: политкорректный дискурс современного политика // Межкультурная коммуникация и СМИ. 2021. № 22. С. 14–18.
4. Копнина Г. А. Экология языка и экология речи как разделы эколлингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 78–89.
5. Кравченко А. В. Экология языка и языковая политика // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 24–29.
6. Сетин А. Н. Когнитивная экология языка социума // Знание. 2015. № 12–2(29). С. 16–18.
7. Цицкун В. В. Экология языка как маркер состояния общества // Экология и развитие общества. 2021. № 2–3(36). С. 81–84.
8. Шляхов В. И., Никонов А. Л. Эколлингвистика и проблема экологии языка в российском языковом пространстве // Пространство и время. 2011. № 4(6). С. 138–144.
9. Word Spy. Word Lover's Guide to New Words. URL: <https://www.wordspy.com> (accessed: 03.09.2023).

TO AN ECOLOGICAL PORTRAIT OF THE ENGLISH LANGUAGE

Bazarova B. B.
Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
bbbazarova@mail.ru

Bulanova M. N.
Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
mar-bashkueva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the modern branches in linguistics that of lingo–ecological. There are two approaches to study it – the ecology of language and the ecology of speech. Along with them, the ecology of thinking is also considered. The issues that are dealt with in ecolinguistics include, first of all, the problem of the state of the language itself and its purity, issues of its implementation in speech from the point of view of delicacy in relation to the interlocutor, etc. Political correctness as a linguistic and cultural phenomenon also belongs to the sphere of interests of environmentalists. The paper pays attention to euphemisms as a means of expressing political correctness. Euphemisms - neologisms of the English language are considered as an example. The term *ecological portrait* is used due to the peculiarities of the structure of the WordSpy resource, which is of particular interest to study the changes that occur in the English language, especially in the perspective of the environmental friendliness idea.

Keywords: Language ecology, Ecolinguistics, Linguoecology, ecological portrait, political correctness, neologisms.

УДК 378:811.111

**THE APPLICATION OF TASK-BASED APPROACH
IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING — TAKING ONE UNIT OF THE
COLLEGE ENGLISH TEACHINGS AS AN EXAMPLE**

© **Liu Yanchun**

Lecturer, Department of College Foreign Languages,
School of Foreign Studies,
Hebei North University
Zhangjiakou, China
springbbt@sina.com

Abstract. Task-based language teaching has witnessed a surge of interest in the past years. Task-based approach absorbed induction method. It is a meaning focused on teaching method, aiming at fulfilling language communicative tasks during finishing the tasks. The students can comprehend, acquire, experience and sum up what they learnt, then achieve the knowledge and study skills. Combining the content of the textbook, the requirements of the syllabus and the students' English level, in this paper the author carefully selected and reasonably designed the teaching tasks, and comprehensively used various teaching strategies to improve the English teaching effect. The result show that most students accepted the task-based approach and considered it can improve their interest in English learning.

Keywords: task-based teaching method, English teaching, teaching design.

I. Introduction

During the past twenty years, many theoretical experts considered that task-based approach is very important in classroom teaching. Now task-based language teaching is very popular overseas. Since 2001 November, China Ministry of Education published the new criterion of English curriculum. It emphasizes the importance of task-based approach in language teaching. This kind of teaching approach takes the students as the center. Put the task as the focal point during the teaching process. In task-based approach, teaching in classroom is mainly organized through tasks, and then learning about language is also driven by tasks. At the same time, many other factors are considered, such as cognitive and emotion etc. Therefore, task-based approach stimulates learner's study and character to further development. Teaching in classroom can take five steps: presentation of task, preparation before task, implement action of task, summary after task and language focus.

II. Definition of "task"

There are many definitions of task during the last years. All the definitions share one thing in common. They all imply that tasks involve communicative language use in which the user's attention is focused on meaning rather than linguistic structure. Here the author used Nunan's definition as the example, he considered that "a pedagogical task is a piece of classroom work that involves learners in comprehending,

manipulating, producing or interacting in the target language while their attention is focused on mobilizing their grammatical knowledge in order to express meaning, and in which the intention is to convey meaning rather than to manipulate form. The task should also have a sense of completeness, being able to stand alone as a communicative act in its own right with a beginning, a middle and an end” (2004, p. 4).

Task-based approach is the result from process syllabuses. The process syllabuses show a shift of emphasis. It means shifting from ‘what is to be learnt’ to ‘how it is to be learnt’. The former focus on learning the language subjects the later focus on the process of mastering language. Gray (1990, p. 262) gave his opinion of the comparisons in following table:

Subject centered	Process centered
What is to be learnt?	How is it to be learnt?
Subject emphasis	Process emphasis
External to the learner	Internal to the learner
Determined by authority	Negotiated between learners and teachers
Teacher as decision-maker	Learner and teacher as joint decision-makers
Content: what the subject is to the expert	Content: what the subject is to the learner
Objectives defined in advance	Objectives described afterwards
Assessment by achievement of by mastery	Achievement in relation to learners’ criteria of success
Doing things to the learner	Doing things for or with the learner

(Gray, 1990, p. 262) (qtd, in Jimei Xia, 1998, p. 93)

Task-based approach can let the students experience their progress personally. It can also let the students find out their own drawbacks. This can stimulate them have more motivation and realize their learning goals. However, on the other hand the teacher should design high quality tasks for the students. All the tasks should be suitable to the students.

III. Task-based Language Teaching

Pedagogically, task-based language teaching has strengthened the following principles and practices: (Nunan ,2004, p. 1)

A needs-based approach to content selection.

An emphases on learning to communicate through interaction in the target language.

The introduction of authentic texts into the learning situation.

The provision of opportunities for learners to focus not only on language but also in the learning process itself.

An enhancement of the learner’s own personal experiences as important contributing elements to classroom learning.

The linking of classroom language learning with language use outside the classroom.

IV. Types of task

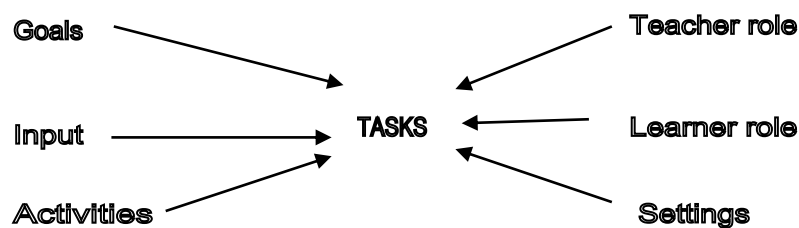
There are two types of the 'task'. The one is real-world or a target task, the other is pedagogical tasks.

A. real-world or target task, as the name implies, refer to use of language in the world beyond the classroom.

B. pedagogical tasks are those that occur in the classroom.

V. The components of a task

Generally speaking, there are mainly six components of a task. They can be shown in the following framework.

A framework for analyzing communicative tasks (Nunan, 1989, p. 11)

Goal: Exchanging personal information

Input: Give questions about the topic

Activity: i) Reading questions

ii) Asking and answering questions about the topic

Teacher role: Monitor and facilitator

Learner role: Conversational partner

Setting: Classroom/pair work

From the aspect of choosing material, teachers can analysis task from four components. The framework can be shown as following: (Jimei Xia, 2003, p. 102)

Notes:

Input: Starter, stimulus for activities, e.g. text, dialogue, video, diagram, new language items, model of language use, topic for discussion, opportunities for practice skills, etc.

Content: food for thought, e.g. knowledge, information, topics, thoughts, ideas, points of view, perspectives, facts, feelings, culture phenomenon, etc.

Language: Tool for use, e.g. vocabulary, phrases, structures, functions, etc.

Task: end product, outcome, e.g. project, things to be done, report, presentation, etc.

VI. The processes of the task-based teaching

The task-based teaching should design from easiness to difficulty step by step. There are five steps during the task-based teaching.

1. Lead-in: according to the procedure of having class, first the teacher should do some lead-in exercises or warming exercises. All the exercises should have relationship with the tasks. All the tasks should be proper and reasonable, cause they will directly affect the inspiration of students' English learning thinking, the cultivation of interest, the improvement of teaching effect and the application ability of English in the future.

2. 'Activity': it means the students should activate into the exercises. Activity step is a special step during the class. The students should know that what is their task at the beginning of the class. Then they will be driven by the tasks. In the whole class the students immersed in the task-driven atmosphere. The teacher can divide the students into several groups, and the students in each group will conduct group discussion and exploration. Under the background of teamwork, the students' autonomy can be stimulated in English learning and their individuality can be promoted, therefor they can complete the learning "tasks" successfully.

3. 'Learning new knowledge': For the students attend in the second step activity, then during the third step, they learn the new knowledge which they don't know before. What new knowledge they should learn are requested in teaching goals, and be shown in the tasks.

4. Consolidating new knowledge: During this step, the teacher should guide students do some exercises to consolidate what they learnt, for example, he can offer lecture, dialogue, or other ways to connect with tasks, and then get the aim of consolidation the new knowledge. In this step the teacher should give necessary guidance to the learning process of each group, to be as a guidance, and solve the questions and essential mistakes encountered by the students in the learning process at any time. However, for some mistakes in language expression and understanding, the teacher should not try to correct them immediately and give correct expressions. Instead, he should point out the mistakes and let team members find out the correct answers through discussion. This will cultivate students' ability to analyze and solve problems, thus accelerate the process of students' memorization of English knowledge.

5. Practice and application: This is the last procedure of task-based teaching. It is a step which the students can shift their new knowledge into practice, and use the knowledge flexibly. In this step the teacher can give some relative tasks which is closely related to the real life. The aim is to test the students' learning effect. In this step the students can verify whether they have completed their learning tasks by reporting their tasks outputs. Each group can select one member to represent the group to show the learning results and learning experiences to the teacher and the whole classmates. Then, each group will have a debate, discuss the task learning results, task report and task learning content among themselves, and finally complete the study report of the group.

6. The "task" evaluation process: the evaluation process of English learning effect is an indispensable part of the "task-based" teaching model. After the implementation of "task", the teacher should evaluate and summarize the effect of "task" learning, and guide students master the correct English sentence structure, common vocabulary and fixed collocations, and emphasize the accuracy of English knowledge application. By giving objective, fair and reasonable evaluation to each group of students, the teacher can summarize the highlights and shortcomings of students' exploration and discussion of learning, so as to promote the improvement of students' autonomous learning ability.

VII. Application example

Here by the real example, the author will elaborate the application of task-based approach in English language teaching class. The students are sophomores in Hebei North University, they are non-English majors. In their high school study, they have already master 3000 basic English words, therefor, they have the ability of daily life passage reading. College English is their compulsory course in the first two years of the four- or five-years college study.

In this paper the author take *Experiencing English* Integrated Textbook (Higher Education Press of China), Book 4, Unit 5, passage B, "Shaking Hands on the Web" as an example to elaborate the task-based teaching approach.

This series books are very new and modern. The passage B which we chose is talking about doing business on the web ---shopping online. From the title we maybe get some information. In the computer time, nearly all the people are drawn into the web. Internet is an everlasting interesting topic for the students. Here we design several interesting tasks. We stimulate the students finishing the tasks in order to let them learn new knowledge and finish the teaching aims.

Task 1. Where do you like to buy your needs? Supermarkets? Market? online? Or both of the ways you would like to choose. Why?

Task 1 analysis: this is a warming up exercises; the aim is to lead the students get into the new text. Let them be as activators in a certain condition at the beginning of the class, because this passage tell about shopping online. Shopping is an interesting topic for people, for all the people have the experiences of shopping, this is a common experience in Chinese daily life, especially among young people, so all the students have something to say on this topic. This can practice their oral English. In this step what task the teacher designed should have more relationship with the text content. It emphases the relationship of the lead-in and the task.

Task 2: Guess the meaning about our article "shaking hands on web. What is your opinion about shopping online? Interesting, cool, convenient, cheap, or unsafe?

If you have more opinions, please give more.

Task 2 analysis: The second task lead the students into the text. Teachers can divide all the students into different groups. Every four or five can be one group, let them discuss, then a represent should present the group opinion. The more information

and better correct sentences they show, the higher marks they will get. Through this task, most of the students should take part into the exercise actively and show their team cooperation spirit to discuss and summarize. In their mind everyone has his own ideas about shopping online.

Task 3: Reading the text. What are the other people's opinions about shopping on line? Do the human relationships are declining in the selling game?

Task 3 analysis: Through the third task, the students can get the main idea about the text and analyze the structure of the text. They can compare their own opinions with the famous people's opinions which described in the text. It can exercise their ability of analyzing material, and then students can learn new ideas about shopping online, new vocabulary, sentences, phrases and other language focuses.

Task 4: There are some very important words about the text, use the words to give a short talk. Image you are a customer, now you are negotiating with a seller, use all of the following words:

Decline *v.* go slowly, from higher or better position to a lower or worse one

Continually *adv.* Without stopping, repeatedly

Amaze: *v.* cause (one) to be extremely surprised

Margin *n.* profit

Count *v.* have value or importance; to matter

Cultivate *v.* give care, thought, and time in order to develop something.

Transform *v.* Change completely the appearance or character of

Abuse *v.* use or treat (sb. Or sth.) wrongly

Strike *v.* impress deeply

Task 4 analysis: All the new words should be explained in English, combining with context, students can guess the meaning by themselves, and also they can imitate the words or sentences structure to produce new sentences. The aim of this task is to let the students master the new words they learnt and consolidate their ability of language organization, for they have already put themselves into the real practice before, their knowledge will be firmed.

Task 5: In now days, shopping online is getting more and more popular in China. It is believed that shopping online will someday replace the face-to-face shopping. What do you think of it? Do you believe that will happen in the future? Why? Why not? Compare the advantages and disadvantages between shopping on line and face-to-face shopping. Then write a composition after class.

Task 5 analysis: This is the end of the task of the class. In this task the teacher gives a procedure of how to compare or contrast shopping online and face-to-face shopping, let them master block comparison (or block contrast) and alternate comparison (or alternate contrast) skills, then guide and give the students more opportunities to put their new knowledge into practical application. Make the theory into practical application, so the students would veritably master what they learnt in the class.

VIII. Conclusion

Findings from the task-based approach application in English teaching class that during the cooperation discussion, students generated the higher number of idea units and the majority of these ideas subsequently appeared in the individual presentations. They either outlined the story they were about to tell, or jotted down words or phrases. That is to say, they used planning time to organize what they were going to say, and only then how to say it in their performance. With the task-based approach, the students displayed a high level of interactivity. In such interaction we see evidence of language learning---with learners focusing on meaning and on language, and internalizing knowledge of vocabulary co-constructed during their preparation for the subsequent individual presentations. It provided students with greater opportunities for language learning. It adds to the growing body of evidence of the benefits of pre-task planning to subsequent task performance.

Task-based teaching is a new teaching mode actively advocated by the new curriculum standard. This teaching mode takes students as the center and aims at completing tasks or activities. It cultivates students' comprehensive ability, enables students to play their potential without limitation, significantly improves students' initiative and creativity, and is conducive to cultivating students' cooperative learning spirit. Of course, there are still some limitations in our discussion, in the future study, English teachers should carefully select and reasonably design "task-based" English teaching tasks based on textbook content, syllabus requirements and students' professional background, so as to gradually improve students' English language application ability and level, and promote the realization of English teaching objectives.

References

1. Guanna Ding. Research on the application of task-based teaching method in college English teaching. (J) *China Education Innovation Herald* 2023, No. 04, p. 47-49.
2. Jie Li. A study on the implementation strategies of Task-based teaching method in professional English teaching in technical colleges. (J) *Overseas English* 2023, p. 220-237.
3. Jimei Xia. Foreign Language course design (Modern Theory and Practice) Shanghai Foreign Language Education Press, 2003.
4. Jimei Xia. & Xianhui Sun. Comparison of the theoretical basis and modes of "problem teaching method" and "task teaching method". (J) *Foreign Language* 1998, No. 4, p. 35-40.
5. Nunan, D. *Designing Tasks for the Communicative Classroom*. 1989. Cambridge University Press.
6. Nunan, D. *Task-Based Language Teaching*. Cambridge University Press, 2004.
7. Wei Ding. Research on the application of task-based teaching method in English teaching. (J) *Vocational education communication* 2015, p. 63-65.

УДК 811.161.1

АНЕМОНИМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПРИНЦИПЫ ИХ НОМИНАЦИИ

© **Пушкарёва Юлия Геннадьевна**

кандидат филологических наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
г. Улан-Удэ, Россия
panouchkova@mail.ru

© **Щербакова Алина Андреевна**

старший преподаватель,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
г. Улан-Удэ, Россия
alinayazykova@gmail.com

© **Жарникова Алена Васильевна**

кандидат филологических наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
г. Улан-Удэ, Россия
alena-vs gutu@yandex.ru

Аннотация. Статья анализирует русскоязычные названия ветров с ономастической точки зрения. Ветер — это качественный и значительный параметр погоды, необходимый для жизнедеятельности каждого человека и являющийся ежедневным предметом разговора большого количества людей во всем мире. Авторы статьи рассматривают основные принципы номинации анемонов на территории Российской Федерации, приводят примеры и дают количественные показатели, в заключение подчеркивают универсальность принципов номинации, а также выделяют особенности номинации ветра в русском языке. Практическим материалом исследования послужил «Словарь ветров» Л. З. Проха, а теоретическая база основывается на ставшем уже классическим «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской и классификации французских анемонов, представленной в научной статье Г. С. Доржиевой.

Ключевые слова: анемоним, ветер, принципы номинации, ономастическая терминология, отхоронимичные наименования, отгидронимичные наименования, оторонимичные наименования, пожелательные анемоны.

Огромная географическая протяженность территории России с севера на юг и с востока на запад, несомненно, отразилась на разнообразных природных зонах: арктические пустыни и степи, тундра и тайга, смешанные и широколиственные леса, полупустыни и пустыни. Множество рек и озер, многочисленные протяженные горные цепи, бескрайние моря — все эти географические объекты определенным образом влияют на климат и способствуют ветрообразованию.

Ветер — существенный компонент прогноза погоды, при усилении или изменении ветра население незамедлительно информируется дополнительно. Таким образом, мы понимаем, что необходимо учитывать силу и направление ветра для осуществления любой жизнедеятельности человека.

Ветер — это наиболее распространенное стихийное природное явление, которое в «Большом энциклопедическом словаре» определяется как «движение воздуха относительно земной поверхности, вызванное неравномерным распределением атмосферного давления и направленное от высокого давления к низкому, и основными характеристиками являются скорость и направление» [Большой энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/87114>]. В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольская дает следующее толкование термину анемоним — «вид онима, собственного имени стихийного бедствия, в том числе ветра, урагана, тайфуна» [Подольская, 1978, с. 29]. Имена собственные для разных видов ветров складывались на протяжении веков, людям необходимо было отличать один вид ветра от другого.

Г. С. Доржиева полагает, что основные пути развития номинации и типы собственных имен аналогичны у всех народов, при этом многие частности не совпадают [URL: <https://famili.ru/onomastika/onomastica-other/6326-dorzhieva-g-s-ulan-ude-frantsuzskie-anemonimy-v-mezhdunarodnoj-onomasticheskoy-terminologii-toponimicheskie-chteniya-2017-2>]. По мнению Г. В. Колшанского, номинация отображает свойства предмета, воссоздавая при этом его понятийные признаки. Процесс именования представляет собой сложный речемыслительный процесс [Колшанский, 1976, с. 19]. А. В. Суперанская, В. Н. Телия, Р. А. Агеева, М. В. Голомидова, Э. М. Мурзаев, Л. В. Шулунова, Pamp Bengt, A. Dauzat, H. Dorion и другие отечественные и зарубежные ученые занимались вопросами номинации.

Л. З. Прох положил начало всестороннему изучению названий ветров и опубликовал первое русскоязычное издание «Словарь ветров» в 1983 г., в котором собрал и описал названия на разных языках мира, причем наибольшее количество показали анемонимы на французском, русском и английском языках.

Ономастический анализ анемонимов французского языка на основе словаря Л. З. Проха был осуществлен в научной статье Г. С. Доржиевой «Французские анемонимы в международной ономастической терминологии» в 2017 г. [URL: <https://famili.ru/onomastika/onomastica-other/6326-dorzhieva-g-s-ulan-ude-frantsuzskie-anemonimy-v-mezhdunarodnoj-onomasticheskoy-terminologii-toponimicheskie-chteniya-2017-2>], обзор английских анемонимов был дан в статье Ю. Г. Пушкаревой и А. А. Щербаковой «Номенклатурные обозначения ветров: общее и частное (на материале анемонимов английского языка)» в 2018 г. [URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27623].

Данная статья посвящена анализу принципов номинации анемонимов в русском языке. За основу данной классификации взята систематизация, представленная в работе Г. С. Доржиевой (2017). Нами было проанализировано 129 названий ветров в русском языке. На основе полученных данных мы пришли к выводу, что наиболее частотными анемонимами русского языка являются **описа-**

тельные анемонымы (60 единиц, или 46,5 %), среди которых были выделены названия, связанные с:

1) температурными характеристиками / сезонностью (24 ед.; 19 %):

- *заморозник, полуночник* — осенний холодный ветер на Белом море, дующий с северо-востока [Прох, 1983, с. 79];

- *зима, зимник, зимняк* — ветер, сулящий морозную погоду. В северо-западных регионах России это зимний восточный или юго-восточный ветер [Прох, 1983, с. 80];

- *ветробой* — сильный осенний ветер обычно северного, северо-восточного или северо-западного направления, срывающий листву с деревьев [Прох, 1983, с. 44];

- *весняк* — весенний ветер в долине р. Ока и в Поволжье, дующий с юго-востока. В Псковской области обычно так называют южный ветер [Прох, 1983, с. 43];

2) метафорами (13 ед.; 10 %):

- *Егор сорвал шапку* — сильный ветер северо-восточного направления на Каспийском море [Прох, 1983, с. 77];

- *галицкие ериши* — ветер на Онежском озере, дующий с юго-востока. Этот ветер вызывает большие волны и образует пену на их гребнях [Прох, 1983, с. 61];

- *мокрогузый, плаксун, крестовый ветер* — ветер в Архангельской области западного направления, нередко сопровождающийся осадками в виде дождя [Прох, 1983, с. 114];

- *паздерник, листобой* — холодный осенний ветер, дующий с севера или северо-востока и сбивающий с деревьев листву [Прох, 1983, с. 135];

3) метонимией (14 ед.; 10,5 %):

- *глубник, глубенник, голомянник, паркий ветер, водяной ветер* — ветер, дующий с водоема на сушу. На севере Урала так именуется северо-западный ветер в устье р. Печоры, в Сибири на р. Енисей — это западный ветер, в расположенном в устье р. Северная Двина г. Архангельск — это юго-западный ветер (шалоник) [Прох, 1983, с. 66];

- *гнилой ветер, ветер из «гнилого угла»* — промозглый ветер, предвещающий погодные изменения в виде осадков или тумана. Распространен в переходные сезоны года. На р. Волга в одних местах это юго-западный ветер, в других — северо-западный (г. Рыбинск), на р. Днепр — юго-восточный, в низовьях р. Колымы — восточный, на западе Камчатки — северо-восточный [Прох, 1983, с. 66];

- *подвой* — сильный ветер на оз. Байкал, распространяющийся с северо-западных районов [Прох, 1983, с. 140];

- *семужий¹ ветер* — ветер, собирающий воду и семгу в залив Печорская губа. Рыбаки этот ветер называют золотоношей, так как он дает им заработок [Прох, 1983, с. 168];

¹семужий — *прил.* то же, что сёмговый.

- *кукурузный ветер* — сухой и теплый ветер в юго-восточных степях, способствующий созреванию кукурузы [Прох, 1983, с. 94];

- *медоносный ветер* — легкий ветер, благоприятно влияющий на работоспособность пчел и вызывающий у медоносных растений нектаровыделительную деятельность [Прох, 1983, с. 107];

4) временем суток (9 ед.; 7 %):

- *зоровой ветер* — слабый ветер на заре. В северных регионах России такой ветер часто сохраняется в течение всей ночи [Прох, 1983, с. 81];

- *полуночник* — северо-восточный ветер в северной части России, дующий из высоких широт с полуночи [Прох, 1983, с. 141].

Вторая по частотности группа анемонимов — **анемонимы-ориентиры** (44 единицы, или 34 %), которые дифференцируются по:

1) силе ветра (18 ед.; 14%):

- *зори ветра, духи ветра* — легкие порывы слабого ветра [Прох, 1983, с. 81];

- *перетишь* — на севере страны так называют непродолжительный штиль на морях и озерах [Прох, 1983, с. 138];

- *свежак* — прохладный морской легкий ветерок на берегах Черного моря [Прох, 1983, с. 162];

2) месту образования (17 ед.; 13 %):

- *верховой, верховик, верховый, верхний, верховочка* — ветер, образующийся в верховьях рек и долин. В зависимости от ориентации долин может иметь различные направления [Прох, 1983, с. 42];

- *низовой, низовик, низовка, нижний ветер* — ветер, образующийся в нижних, близких к устью, частях рек или горных долин и дующий против течения [Прох, 1983, с. 124];

- *побережник* — ветер северо-западного направления, возникающий на архангельском побережье Белого моря со стороны Кольского п-ова [Прох, 1983, с. 140];

3) направлению (9 ед.; 7 %)

- *восток* [Прох, 1983, с. 56];

- *засиверка, засеверка* — ненастье, сопровождающееся северным или северо-восточным ветром в северных регионах России [Прох, 1983, с. 79];

- *казахстанец* — весенний сухой степной ветер восточного или юго-восточного направления, дующий из Заволжья [Прох, 1983, с. 83].

Третья группа — **относительные анемонимы** (25 единиц, или 19,5 %), в которой наиболее четко прослеживается вторичная номинация. Данная группа названия имеет в своей основе:

1) отхоронимичные наименования (получившие названия от хоронимов — названий территориальных объектов, имеющих границы) (10; 8 %):

- *азовец* — суховей в Приазовье [Прох, 1983, с. 9];

- *жупановский* ветер — ветер штормовой силы в п. Жупаново, расположенном на юго-востоке Камчатки, нередко сопровождающийся резким подъемом уровня воды [Прох, 1983, с. 78];

- *камчатский* ветер [Прох, 1983, с. 84];

- *курулка* — сильный продолжительный юго-западный ветер у мыса Лопатка на юге и юго-западе Камчатки. Возникновение курилки означает приближение значительных изменений погодных условий над Курильской грядой или Охотским морем [Прох, 1983, с. 95];

2) отгидронимические наименования (получившие названия от гидронимов — собственных имен любых водных объектов) (8 ед.; 6 %):

- *ангара* — холодный верховой северный или северо-восточный ветер, образующийся в долине р. Верхняя Ангара [Прох, 1983, с. 10];

- *дончак* — суховей на Кубани [Прох, 1983, с. 75];

- *шелоник, шалоник, шелонник, паужник* — ветер юго-западного направления в разных регионах России. Название получил по названию реки Шелонь (устар. Шалонь) в Псковской и Новгородской областях [Прох, 1983, с. 229];

- *байкал* — внезапный сильный, но непродолжительный порыв ветра на оз. Байкал. Бывает поздней осенью, когда разница температур между холодными берегами и еще не покрытым льдом озером достигает максимальных значений [Прох, 1983, с. 18–19];

3) оторонимичные наименования (получившие названия от *оронимов* — собственных имен любых объектов рельефа земной поверхности) (7 ед.; 5,5 %):

- *баргузин, баргузник* — холодный северо-восточный ветер из верховья р. Баргузин, образующийся в Баргузинской долине [Прох, 1983, с. 21];

- *горная, горний, горник, горыня, горный, гора, горыч* — ветер, образующийся в горах и дующий в сторону водоема. В разных регионах означает разное направление: на оз. Байкал — это северо-западный ветер, на р. Волга — юго-западный, в г. Архангельск — южный [Прох, 1983, с. 67];

- *кубанец* — теплый юго-восточный ветер на Кубани и в восточной части Азовского моря [Прох, 1983, с. 94];

- *култук, низовик* — сильный локальный западный или юго-западный продольный ветер в южной части оз. Байкал, а также юго-западный и южный — в средней и северной части оз. Байкал. Дует из пос. Култук, расположенного на юго-западном берегу озера [Прох, 1983, с. 94-95].

Отметим, что данная классификация была также применена при анализе иноязычных анемонимов (французских, английских) и, таким образом, мы подтверждаем тезис об универсальности принципов номинации в разных языках, благодаря которым осуществляется связь онима с именуемым объектом. Однако мы можем констатировать, что ведущий принцип номинации индивидуален для каждого языка.

Ведущим принципом номинации в русской культуре являются описательный (46, 5 %), учитывающий температурные характеристики и сезонность, метафорическое и метонимическое описание и время суток. На втором месте — это анемонимы-ориентиры (34 %), которые указывают на силу, место образования и направление ветра. Менее частотны относительные анемонимы (19,5 %), получившие названия от хоронимов, гидронимов и оронимов. К особенностям рус-

скоязычных анемонимов можно отнести популярность пожелательных анемонимов, название ветра чаще всего включает описание деятельности, благоприятной для человека благодаря этому ветру (*семужий ветер, медоносный, кукурузный* и др.). Кроме того, один и тот же анемоним (*шелоник, шалоник, шелонник, паужник*) может встречаться в разных регионах страны, но приблизительно или точно таким же значением, что, возможно, объясняется историческим освоением Сибири и Дальнего Востока и переселением жителей Центральной части России в эти регионы.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь / главный редактор А. М. Прохоров. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/81738 (дата обращения: 20.07.2023).
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1978. 198 с.
3. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований: сборник статей; АН СССР; Ин-т языкозн. Москва: Наука, 1976. С. 5–30.
4. Прох Л. З. Словарь ветров. Ленинград: Гидрометеиздат, 1983. 157 с.
5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: ЛКИ, 2007. 368 с.
6. Доржиева Г. С. Французские анемонимы в международной ономастической терминологии. URL: <http://familii.ru/onomastika/onomastica-other/6326-dorzhieva-g-s-ulan-ude-frantsuzskie-anemonimy-v-mezhdunarodnoj-onomasticheskoy-terminologii-toponimicheskie-cheniya-2017-2> (дата обращения: 20.07.2023).
7. Пушкарева Ю. Г., Щербакова А. А. Номенклатурные обозначения ветров: общее и частное (на материале анемонимов английского языка) // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 366–373. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27623 (дата обращения: 20.07.2023).

RUSSIAN LANGUAGE ANEMONYMS AND THEIR NOMINATION FEATURES

Pushkareva Yu. G.

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
East Siberia State University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russia
panouchkova@mail.ru

Shcherbakova A. A.

Senior Lecturer,
East Siberia State University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russia
alinazykova@gmail.com

Zharnikova A. V.

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
East Siberia State University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russia
alena-vsgutu@yandex.ru

Abstract. The article analyses the Russian language names of wind according to the name study view point. Wind is a significant weather characteristic which is important for different activities of the human beings. The authors of the article study the basic principles of wind nomination in Russia, give the examples and quantification, emphasize the universal character of nomination and highlight the features of the wind nomination in the Russian language. The work material of the research is “Dictionary of Winds” compiled by L. Z. Prokh, the theory is based on “Dictionary of Russian Onomastic Terminology” by N. V. Podolskaya and classification of French anonyms presented in a scientific article by G. S. Dorzhieva.

Keywords: anonym, wind, nomination features, onomastic terminology, horonyms, hydronyms, oronyms, desired anonyms.

УДК 378.046

**О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВУЗОВ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КАДРОВ**

© Кондратьева Елена Олеговна

специалист отдела контроля качества,
Лингвистическая компания AWATERA
г. Саров, Россия
yelenako.translations@gmail.com

Аннотация. В настоящее время существует потребность в том, чтобы студенты были вовлечены не только в учебно-образовательный и научный процесс, но и получили бы опыт взаимодействия с реальными работодателями. Статья посвящена вопросу сотрудничества университетов и работодателей при подготовке востребованных переводчиков.

Ключевые слова: взаимодействие вузов и работодателей, студенческая практика, переводческая практика студентов, конференции, переводческие курсы, профориентация студентов.

В современных реалиях вчерашнему студенту становится все труднее доказать свою конкурентоспособность после окончания университета. Высшие учебные заведения дают незаменимую базу для дальнейшего освоения профессиональных навыков, однако сегодня каждый осознанный студент понимает, что университетского образования явно будет недостаточно даже в резюме выпускника.

Другая проблема — определиться со специализацией. По-настоящему восхищает, когда профессионал может отлично работать во множестве разных направлений: утром устный перевод на атомной электростанции, вечером — статьи о новейшей терапии лейкоза, а в выходной — реклама нового гаджета для ухода за младенцами в качестве развлечения. Но чтобы стать по-настоящему конкурентоспособным, лучше иметь возможность сосредотачиваться на 2–3 основных направлениях. И здесь будущий переводчик начинает теряться. В своей статье «Информационный взрыв и травма постмодерна» российско-американский философ М. Н. Эпштейн рассуждает, что «избыток разнообразия может так же травмировать, как избыток повторяемости и однообразия» [Эпштейн, 1999, с. 220]. Многие испытывают стресс, потому что не могут выбрать свое среди огромного количества направлений, понять, какие «фильтры» настроить для себя, чтобы не потеряться в современном информационном взрыве, а продолжать последовательно глубже изучать понравившуюся область знаний.

Невозможно отрицать и влияние, которое на переводческий бизнес оказывает развитие искусственного интеллекта: по мере того как базовые функции будут

передаваться технологиям на основе больших языковых моделей, все ценнее становятся эксперты, обладающие глубокими предметными знаниями. В свете этого в том числе растет ценность переводчиков с образованием в области их специализации. Интересна в связи с этим позиция Д. И. Троицкого, технического переводчика и преподавателя перевода, который считает, что ответственность переводчика — не просто перевести текст как он есть, а проверять его на соответствие не только общим законам природы и логики, но и принципам устройства того, о чем написан текст — а здесь уже без определенных предметных знаний не обойтись [URL: <https://www.toptr.ru/library/translation-truth/krasnaya-lamprochka-perevodchika.html> (дата обращения: 05.09.2023)]. Тем не менее это не значит, что нужно обязательно получать медицинское образование, чтобы переводить тексты по кардиологии. Однако важно не просто различать слова «инфаркт» и «ишемия»: полезно знать анатомию и физиологию сердца, как оно работает, и на базовом уровне понимать, чем, собственно, инфаркт отличается от ишемии.

Подобные рассуждения могут явить начинающему переводчику картину не самую радужную, а в некоторых случаях и вовсе навести на мысль о том, что работать по профессии у него точно не получится и стоит пробовать себя в других сферах. Помочь ему ближе познакомиться с реальностью переводческого бизнеса еще в вузе можно, более тесно взаимодействуя с его будущими коллегами — активными представителями профессии, сотрудниками и владельцами переводческих компаний и частных школ перевода. Ниже представлен обзор существующих и возможных способов взаимовыгодного, на наш взгляд, сотрудничества переводческих факультетов и участников переводческого рынка.

Начать будет логично со *встреч с представителями профессии*, желательно еще на младших курсах: это поможет студентам понять, что учебный процесс нужно самостоятельно разнообразить, что нужно изучать, в каких сферах им будет интереснее работать в будущем. Такие беседы, особенно с выпускниками той же кафедры, вселяют в недавно поступивших уверенность в том, что их образование будет востребованным, повышают ценность кафедры в их глазах. Так, на кафедре перевода и межкультурной коммуникации Института истории и филологии Бурятского государственного университета подобные встречи проводят регулярно, и они весьма популярны среди обучающихся.

Интересны отдельные *вебинары*, на которых переводчики могут делиться полезной точечной информацией: как правильно искать и быстро находить нужные сведения, на какие источники стоит полагаться, как одеться на переговоры в Катаре и что такое протокол. Это уже не просто погружение в профессию, в мир перевода, но и ценное предметное знание, и такие встречи будут более интересны студентам старших курсов.

Пример такого успешно реализованного проекта — «Переводческие пятницы», которые с 2019 г. организуют Ассоциация преподавателей перевода и Гуманитарный институт СПбПУ Петра Великого. С приходом пандемии проект перешел в онлайн-формат, и теперь на этих бесплатных встречах студенты из

любой точки мира могут познакомиться с одними из самых успешных современных переводчиков и преподавателей перевода.

Совместно с преподавателями кафедры ПМК ИФИЯМК БГУ в 2021 г. мы также организовали небольшой цикл полезных вебинаров под названием «Выпускники — Alma Mater». На нем выпускники кафедры поделились как предметными знаниями — из сферы медицинского и фармацевтического перевода, перевода личных документов, — но и обсудили, как важно бережно относиться к русскому языку, как следить за интонацией при устном переводе на английский язык, и различия английской и русской пунктуации.

В 2023 г. проект успешно продолжился, пополнился новыми участниками: на этот раз он поднимал вопрос о том, в каких еще сферах может работать выпускник переводческой кафедры. Такие проекты создают особые отношения между преподавателями и их учениками — как нынешними, так и уже вышедшими из университетских стен.

Еще один эффективный подход к обучению — специализированные *переводческие курсы*: приглашать работающих переводчиков в качестве преподавателя можно как на отдельные блоки или занятия, встраивая их в общую канву предмета, так и регулярно вести *авторский курс*. Особенно если переводчик совмещает преподавание в специализированных школах перевода.

Яркий пример довольно активного взаимодействия с университетами на подобном уровне в последнее время — авторские курсы по медицинскому переводу и переводу в сфере информационных технологий Е. Бартова, основателя школы переводов Альянс Про и главного редактора БП «Альянс Про». Благодаря многолетнему опыту переводов и преподавания частных курсов у Е. Бартова получается всегда подыскать интересный материал и сложные задачи для своих учеников, и его курс станет ценным дополнением к образованию вне зависимости от вуза.

Некоторые вузы приглашают потенциальных работодателей на *государственную итоговую аттестацию*, защиту дипломов в качестве членов комиссии. Для преподавателей и студентов это возможность посмотреть на защищаемую работу под более прикладным углом, понять, какую ценность она может принести как минимум самому автору в будущем, насколько она актуальна «в реальном мире», соотносится с текущей практикой. Для работодателя в первую очередь интересны сами потенциальные будущие кадры: ответ на экзамене и устная защита многое говорят о личностных качествах выпускника, его отношении к работе, о том, сколько времени он готов уделять проработке текста или подготовке к синхронному переводу на конференции, насколько подробно он способен изучить вопрос, прежде чем сочтет, что разбирается в нем. Манера держаться в стрессовой ситуации, подача материала, особенности речи — все это крайне важно для устного переводчика.

Отдельно хочется выделить *форумы* для студентов и потенциальных работодателей на базе университетов. Участие в профессиональных форумах, особенно крупных, стоит недешево, особенно для еще не работающего студента.

Между тем вузы — это крупные платформы, у которых при условии поддержки спонсоров есть ресурс для проведения подобных мероприятий, где студенты могут знакомиться с будущими работодателями и обзаводиться нужными связями. Такие мероприятия бесценны для всех сторон и, к тому же, они поднимают престиж университета.

Разумеется, традиционная *студенческая практика* остается одним из самых распространенных способов познакомиться с профессией до окончания вуза. К сожалению, в реальности часто оказывается, что студенту редко дают реальную работу: работодатель рискует качеством сервиса, поэтому практикантов отправляют выполнять простые задачи вроде распечатывания копий или пополнений запасов канцелярии, что совершенно не знакомит их с тем, чем им предстоит заниматься в будущем.

Например, в компании Awatera мы стараемся в первые дни познакомить студентов с командой, в которой ему предстоит стажироваться, узнать у них, что они хотят попробовать: очень часто после знакомства с «кухней» большой лингвистической компании кто-то хочет поработать не переводчиком, а корректором, а кто-то вовсе понимает, что ему интересно попробовать себя в роли проектного менеджера: определять, к какой тематике относится текст, контролировать передачу документа от переводчиков на подверстку и далее направлять клиенту. Кроме того, мы заранее тестируем всех студентов, и по результатам тестов понимаем, какие реальные тексты можно им доверить: можно выдавать студентам сколь угодно разнообразные псевдозаказы, чтобы они могли «поиграть в работу», но они испытывают совершенно другие эмоции, если выполняют реальный заказ. Понимание значимости своей работы для клиента, возможность увидеть ее осязаемые результаты — мощный стимул для завтрашнего выпускника пойти работать по специальности.

Интересную студенческую практику не обязательно проходить в какой-либо компании: можно организовывать *совместные переводческие проекты*. Так, весной 2023 г. студенты кафедры ПМК ИИФ БГУ приняли участие в редактировании перевода книги, выход которого запланирован на 2024–2025 гг. Студенты попробовали себя в реальной групповой проектной работе, кто-то проявил хорошие менеджерские способности, организовав работу всей команды на платформе SmartCat. Все получили интересный опыт совместного критического обсуждения текста, поиска вариантов и смыслов в информационном поле, новом не только для студентов, но и для русскоязычного общества в целом ввиду специфики научной сферы, которую описывают авторы. Студенты смогли получить комментарий редактора, работающего в лингвистической компании, оценить свои возможности, обрести больше уверенности в своих навыках и умениях.

Взаимодействие вуза и переводческих компаний не должно ограничиваться мероприятиями для студентов: диалог действующих переводчиков и преподавателей переводческой кафедры не менее ценен. К сожалению, у сегодняшнего преподавателя вуза часто не хватает времени на самообучение. Не так часто удается и заниматься непосредственно переводами, из-за чего преподаватель может

вынужденно выпасть из профессии, а это грозит тем, что его специализированные знания могут утрачивать актуальность. Яркий тому пример — обучение работе в САТ-системах, которое намного отставало (а в некоторых вузах все еще отстает) от требований потенциального работодателя к сотрудникам.

Первыми на ум приходят *круглые столы, конференции* с привлечением не только преподавателей и деятелей науки, но и представителей переводческих компаний. Опять же, такие мероприятия ценны общим пониманием того, куда движется индустрия, какие кадры будут востребованы в ближайшем будущем, соответственно, чему уделять больше внимания при составлении учебных программ.

Единичные вебинары и *короткие курсы повышения квалификации* для преподавателей с участием действующих переводчиков. Здесь для преподавателя всегда ценным узнавать актуальные требования в той или иной сфере: с выпуском новых регламентов порой меняется терминология, а в спецпереводе она — одна из трех китов качества текста (хотя, возможно, китов будет и побольше).

Мы уже упоминали *совместные курсы специализированного перевода*: подобный обмен опытом одинаково ценен и для преподавателя вуза, который хотел бы сам лучше изучить узкую специализацию в переводе, и для переводчика, которому часто не достает не только опыта преподавания, но и методического образования. Преподавание — одна из сложнейших профессий, при этом многие переводчики хотели бы со временем начать делиться накопленным знанием. Но как правильно доносить эти знания? Как справедливо оценивать и себя, и своих студентов? Как научиться адекватно воспринимать здравую и обоснованную критику, если твои ученики находят ошибку в твоём переводе? Обучение — это тонкое искусство, и подобная совместная работа помогает начать его осваивать на практике.

Сегодня, когда знания устаревают слишком быстро, чтобы классическое образование могло поспеть за бурным ритмом рынка (и в этом ли его цель?), подобное сотрудничество оказывается высокоценным для всех заинтересованных сторон. Университеты и переводческие кафедры могут повысить свой престиж и привлекательность для абитуриентов, получить доступ к новым ресурсам и технологиям. Работодатели могут влиять на формирование кадрового потенциала переводческой отрасли, находить талантливых и мотивированных сотрудников. Студенты могут получать разнообразное, прикладное и востребованное дополнительное образование, что поможет повысить их шансы на успешную карьеру.

И конечно же, такое сотрудничество может способствовать развитию переводческой деятельности как науки, профессии и искусства в целом.

Литература

1. Троицкий Д. И. Красная лампочка переводчика. URL: <https://www.toptr.ru/library/translation-truth/krasnaya-lampochka-perevodchika.html> (дата обращения: 05.09.2023).
2. Эпштейн М. Н. Информационный взрыв и травма постмодерна // Звезда. 1999. № 11. С. 216–227.

UNIVERSITIES AND EMPLOYERS:
TEAMING UP TO GROW FUTURE TRANSLATORS

Kondratieva E. O.
Specialist of Department of Quality Control,
Linguistic company AWATERA
Sarov, Russia
yelenako.translations@gmail.com

Abstract. Currently, there is a need for students to be involved not only in the educational and scientific process, but also to gain experience of interaction with real employers. The article discusses different ways a university can team up with the translation and interpretation industry in training valuable talents.

Keywords: universities and employers' collaboration, internship, translation internship for students, interpretation internship, conferences, translation training, career guidance.

Научное издание

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА. МОНО- И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА

МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

(Улан-Удэ, 28–30 сентября 2023 г.)

Редакторы
Д. Н. Гармаева
З. З. Арданова
Ж. В. Галсанова

Компьютерная верстка
Т. И. Гармаевой

Свидетельство государственной регистрации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 10.11.2023. Формат 70x108 1/16.
Уч.-изд. л. 14,45. Усл. печ. л. 17,68. Заказ 107.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
rio@bsu.ru